

Павел Митюшёв

М-ОСТРОВ

**Главы 1-3.
Земля**

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1
М67

М67 **Митюшёв П.В.**
М-остров. Главы 1-3 (Земля). – М.: Мибук, 2016. – 212 с.: ил.

Книга «М-остров» – это динамичная и насыщенная книга о структуре реальности. Первые три главы вводят в основную проблематику и дают исходную информацию по теме. Для широкой целевой аудитории.

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ:

М-остров

(ЗЕМЛЯ)

- ▶ 1. Точка входа
- ▶ 2. Краткий обзор истории открытия и исследования Новой Земли
- ▶ 3. Москва

(КЛАСТЕР)

- 4. Топонимический кластер
- 5. Шар
- 6. Лоция Мерша
- 7. Динамическая модель шара

(ТРАЕКТОРИЯ)

- 8. Простая линия в нелинейном пространстве

(ПРИБЛИЖЕНИЕ)

- 9. Земля после синдрома
- 10. Пылинка
- 11. Молодые львы

(АКТИВАЦИЯ)

- 12. Бабочка
- 13. Как метеоролог пытался страну спасти
- 14. Активация

(ПОЛЕ)

- 15. Теория понятийного поля
- 16. Лирика

(ОКЕАН)

- 17. Подводная часть айсберга
- 18. Исходная точка

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВ 1-3:

1. Точка входа	6
Синдром	6
Преображение Алёши	8
Роман №4	11
Падение Аркадия	14
Гражданинъ	16
Первоисточник	18
Наука чтения слов	21
На поверхности	23
Красота	26
В.Н.Д.	29
Камень	32
 2. Краткий обзор истории открытия и исследования Новой Земли ...	33
Что значит «открыть»	33
Предыстория	35
Сэр Хью Уиллоуби	43
Калькирование субстративной топонимии	47
Бэрроу	51
Пэт и Джекмен	56
Хаклюйт	62
Баренц	66
Ламартиньер	80
Фламинг	90
Витсен	91
Пересменка	103
Земля или остров	108
Розмыслов	111
Крестинин	117
Обладатель Полнощных гор	123
Литке	139
Бэр	145
Гамель	149
Сводная таблица	156
 3. Москва	158
Первый слух	158
Полный запрет	162
В зоне внимания	165
Собственная попытка	169
Тактика «божественного пения»	176
Козмографы-землеписцы	183
Годунов	183
«Вторая Тобольская карта»	191
«Третья карта»	194
Ремезов	195
Виниус	202
Козмография	204

Полностью отдавая себе отчёт в том, что слова – это анахронизм, а искусство письменных слов – анахронизм в кубе, я тем не менее посчитал возможным кое-что ими записать.

(Ми Бао-луо, «Книга для подкладывания под чашку с чаем»)

Что касается острова Джезира аль-Ниса, <...> то нет нужды говорить о нём, ибо рассказчики не видели его сами. Нам следует рассуждать лишь о тех вещах, чьи долгота и широта известны, благодаря чему Познание расцветает в наших сердцах.

(Ахмад ибн Маджид, «Книга Польз об основах и правилах морской науки», Польза девятая)

1. Точка входа

Синдром – Преображение Алёши – Роман №4 – Падение Аркадия – Гражданинъ – Первоисточник – Наука чтения слов – На поверхности – Красота – В.Н.Д. – Камень

Синдром

С Достоевским дела обстоят так. По давно сложившейся традиции Фёдор Михайлович считается писателем «сложным». И именно поэтому его творчество особенно привлекательно для исследователей. В результате, к настоящему моменту Достоевский оказался изученным мировой славистикой буквально вдоль и поперёк. По поводу практически каждого слова, из миллиона двухсот тысяч слов больших его романов, написана отдельная статья, диссертация, а то и монография.

Так что возможно одной из последних оставшихся крупных проблем, связанных с Достоевским, является проблема так называемого «синдрома Арджуны», необъяснимо возникающего ровно посередине романа «Братья Карамазовы».

Как известно из VI книги Махабхараты, непобедимый воин Арджуна за мгновение до начала решающей битвы на поле Куру вдруг лишается воли к действию. Опустив оружие в самый неподходящий для того момент, он обращается к своему вознице (Кришне) с просьбой изложить ему нравственные, а заодно и остальные, основы мироздания. Кришна останавливает колесницу в эпицентре битвы и читает своему подопечному многочасовую лекцию по классической индийской философии. Текст этой лекции и составляет том Бхагавад Гиты. Арджуна же, упорядочив таким образом свои представления, бросается в гущу резни навёрстывать упущенное.

Так и с Достоевским. На самом пике своей творческой мощи, в самый кульминационный момент главного романа всей своей жизни, он вдруг, ровно на время решающего эпизода, становится необъяснимо уклончив, невыразителен и маловнятен. Речь вот о чём.

Высшая точка творчества Достоевского легко определяется по чисто формальным признакам.

Главный роман писателя – «Братья Карамазовы».

Главный герой этого романа – Алёша Карамазов. Об этом Достоевский прямо и недвусмысленно сообщает читателю в первой же строке романа.

Начиная жизнеописание героя моего, Алексея Федоровича Карамазова...

Этот факт иногда как-то теряется в бурном течении романа, но для самого Достоевского это – аксиома. Из всего множества персонажей, «героем романа» Достоевский называет одного Алёшу (11 раз), а для совсем невнимательных особо уточняет, что Алёша – герой «главный» (кн. «Алёша», гл. 1).

И, наконец, главный эпизод в романе, связанный с Алёшей Карамазовым – это его своеобразное «преображение», которое описано в главе «Кана Галилейская».

С самых первых строк романа и до этого эпизода «Алёшина тема» у Достоевского развивается по нарастающей, «крецендо» – достигая предельного напряжения в «Кане Галилейской».

Но именно эта критически важная для романа (и для всего творчества писателя) сцена и прописана Фёдором Михайловичем как-то нарочито небрежно, в четверть силы.

Напомню вкратце фабулу.

Но перед тем, с некоторым может быть опозданием, хочу предупредить, что данные записки целиком посвящены ряду текстологических исследований. Эта книга – о нюансах значений слов, написанных сто и более лет назад. Здесь будет много длинных цитат – и ещё больше мест, предполагающих некоторое исходное знакомство с текстами.

К этому следует добавить, что в интересах ясности («Deutlichkeit») оказались неизбежными повторения; пришлось отказаться и от стремления к изящности («Eleganz») изложения.

Преображение Алёши

Продолжим, однако (как говаривал фиалкоглазый Орландо, чьего автора так боялась фиалкоглазая лучшая Клеопатра).

Алёша Карамазов, 20 лет, послушник в монастыре, любимый ученик старца Зосимы. Алёша – исключительно светлая личность. Он вежлив и приветлив со всеми. Он незлобив и независтлив. Он открыт и ненавязчив, он готов помогать любому.

И вот у такого замечательного человека выдаётся очень плохой день. Очень-очень плохой. Его предаёт (буквально – продаёт) его хороший знакомый (Раки-тин). Конфликт его отца (Фёдора Павловича) с его братом (Дмитрием) доходит до точки, за которой может пролиться кровь (и прольётся). Другой его брат (Иван) общает, что отвергает все Алёшины ценности и гордится этим. Но как будто этого мало – умирает самый дорогой на Земле для Алёши человек, старец Зосима, единственно ради которого Алёша и находится в монастыре. Так и это ещё не всё. Старец Зосима не просто умирает, а умирает отнюдь не величественно и благо-лепно, как от него ожидалось, а с неким элементом скандальности и неприличия, как бы обманув тем общественные ожидания. Глубина депрессии Алёши не под-даётся никакому измерению.

Мир Алёши рушится, он готов к полному падению и даже настроен на него. В та-ком состоянии он проводит в городе день. И вот в 9-м часу вечера Алёша возвра-щается из города в монастырский скит, где идёт отпевание покойного старца.

Алёша заходит в скит и начинает молиться. Но он чувствует, что мало-помалу пе-рестаёт контролировать свои мысли.

одно [ощущение] вытесняло другое в каком-то тихом, ровном коловра-щении

Обрывки мыслей мелькали в душе его, загорались как звёздочки и тут же гасли, сменяясь другими

День был тяжёлый и за молитвой Алёша задрёмывает. Сквозь сон он слышит, как отец Паисий читает отрывок из Евангелия о свадьбе в Кане Галилейской (Ин. 2:1). В его сознании почему-то всплывает брат Митя («Без радости жить нельзя, гово-рит Митя... Да, Митя...»). Затем ему начинает сниться сон, естественным образом представляющий собой смесь событий прошедшего дня и сцен свадьбы в Кане Галилейской. Алёша просыпается в сильном волнении, долго смотрит в лицо по-койному старцу Зосиме и выходит на воздух. И вот тут-то, в течение считанных мгновений, с ним и происходит странное превращение, чрезвычайно скуп о пи-санное автором. Привожу текст полностью.

...Он не остановился и на крылечке, но быстро сошел вниз. Полная вос-торгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась

с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел, и вдруг, как подкошенный, повергся на землю.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить вовеки веков. «Облей землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои...» прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и «не стыдился иступления сего». Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за все, и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся, а «за меня и другие просят», прозвенело опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и навеки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. «Кто-то посетил мою душу в тот час», говорил он потом с твердою верой в слова свои...

Через три дня он вышел из монастыря...

И это – всё. Для автора, у которого персонажи произносят монологи по несколько страниц длиной единственно чтобы сообщить нам, что некое письмо лежит в ящике стола – для такого автора это как-то маловато. «Он не знал, для чего...», «не давал себе отчёта, почему...», «что-то... сходило в душу...», «какая-то как бы идея...», «кто-то посетил...». Для квинтэссенции главного романа, резюмирующего весь жизненный путь великого писателя, это явно как-то маловато.

С Алёшей произошла радикальная перемена, это понятно. Но ведь это роман, и это – главная, ключевая сцена этого романа, ради которой он по большому счёту и писался. Естественно было бы ожидать детального разбора механизма явления, раз уж автор завёл о нём речь. Какие условия делали явление возможным, какие обстоятельства сделали его неизбежным, что послужило спусковым механизмом, как именно протекал процесс во времени, как закончился, к чему привёл? А тут – «что-то как-то куда-то сошло». И всё.

Но больше всего смущает в этом всём то, что автор по непонятным причинам не посчитал нужным обозначить смысл происшедшего. Допустим, произошло «преображение», ну допустим. И – что? Что это всё значит?

Вспомним на секунду, что Достоевский – писатель великий. Пусть его персонажи обмениваются неподъемными монологами, пусть у него мало «описаний природы» и совсем нет «лирических отступлений». Всё это не суть важно. Главное, люди в описании Достоевского предельно сложны. Они хотят одно, думают что хотят другое, собираются сказать третье, говорят четвёртое а в результате делают пятое. И в этом казалось бы полном хаосе Достоевский всегда виртуозно и убедительно выстраивает линию доказательства своих идей. Например, что «Красота спасёт мир» (или – «не-спасёт», неважно).

Так что предположение, что интересующая нас сцена у Достоевского просто «не получилось» – это предположение нельзя рассматривать всерьёз. Но если не это, тогда – что? Расскажу о результатах моих скромных исследований проблемы «синдрома Арджуны».

Сцена «преображения Алёши» в «Братьях Карамазовых» всегда оставляла у меня ощущение какой-то не то чтобы незаконченности, а скорее не вполне самостоятельности. Как если бы данное место романа являлось лишь отблеском, отражением какого-то другого, более яркого и более чётко выраженного образа, возможно чисто зрительного. Меня никак не оставляло чувство, что Достоевский держит в уме какую-то сцену, которую он полагает хорошо всем известной, в свете которой глава «Кана Галилейская» и обретает ясность и смысл. Другими словами, мне казалось очень вероятным, что у «преображения Алёши» может существовать некий «источник» за пределами данной главы. Для подтверждения этой гипотезы требовалось «всего-навсего» обнаружить этот «источник».

Хочу сразу уточнить: речь не шла о поисках просто литературного «прототипа» в обычном понимании этого слова. Конечно, всегда интересно, изучая хрестоматийное произведение, докопаться – «из какого сора» выросла та или иная сцена. Но в данном случае всё обстояло скорее с точностью до наоборот. Имелись сильные подозрения, что в данном конкретном случае «вторичным продуктом» является как раз сцена «преображения Алёши» – а предполагаемый «источник», из которого она произросла, наоборот представляет собой нечто фундаментальное и самодостаточное, свет от чего, даже многократно ослабленный, оказался способен подсветить сцену «преображения». В «Братьях Карамазовых» мы видели освещённую сторону Луны, а искать следовало Солнце. К поискам которого я, с молодым энтузиазмом, и приступил.

В самих «Братьях Карамазовых» (апрель 1878 – ноябрь 1880) ничего, что могло бы быть прообразом сцены «преображения Алёши», мне обнаружить не удалось. Точнее, здесь нашлось одно крайне любопытное место, но то, что оно имеет отношение к делу, я смог понять только задним числом. Об этом я скажу позднее, сейчас же достаточно знать, что эта сцена в любом случае не могла служить искомым «первоисточником».

Итак, в «Братьях Карамазовых» – ничего. Значит, нужно искать раньше, в предыдущих романах Достоевского.

Роман №4

А предыдущий роман Достоевского весьма примечателен сам по себе. Начать с того, что мало кто может вспомнить, как он называется. Всем известно, что у Достоевского есть пять великих романов, написанных с 1866 по 1880 годы: №1 – «Преступление и наказание» (писался синхронно с «Войной и миром»), №2 – «Идиот», №3 – «Бесы», №5 – «Братья Карамазовы». А №4 – ?

Далее. №4 – это единственный из романов «большой пятёрки», в котором нет ни одного убийства. При том, что факт убийства (или его ожидание) является не только сюжетной пружиной, но и смысловым ядром всех остальных романов писателя. Раскольников убивает старуху-процентщицу в «Преступлении и наказании», Рогожин убивает Настасью Филипповну в «Идиоте», Верховенский убивает Шатова в «Бесах», а неизвестно кто (хотя мы-то знаем) убивает Фёдора Павловича Карамазова в «Братьях Карамазовых». И только в романе №4 никто никого не убивает. Вообще. Конечно, *само-убийств* хватает и тут (6 состоявшихся плюс одна неудачная попытка), но это совсем другое.

И, наконец, главное. Роман №4 имеет такое количество параллелей с романом №5 («Братья Карамазовы»), что впору говорить о двух разных реализациях одной и той же идеи.

Роман называется «Подросток». Он писался с февраля 1874 по ноябрь 1875 (синхронно с «Анной Карениной»).

Главный герой, Аркадий Долгорукий, 20 лет, заканчивает элитный пансион в Москве и оказывается в Петербурге в гуще семейных разборок. У Аркадия два отца – юридический (бывший крепостной, а ныне «странник» Макар Долгорукий) и биологический (знатный, потенциально богатый и европеизированный светский лев Версильов). Но у него нет фактического отца и вообще – семьи, поскольку рос Аркадий в пансионе, где лишь единожды виделся с матерью (также бывшей крепостной, чей нынешний статус при Версильове не до конца определён).

Аркадий закомплексован страшно. Он ненавидит весь мир (за унижения, испытанные в пансионе), но готов бежать за любым, кто его поманит. У него есть тайная «идея» (так он называет свой жизненный план) – столь радикальная, что хотя о её существовании он говорит не умолкая с первых же страниц, но рассказать в чём именно она состоит решается только к середине романа. «Идея» такова – посвятить жизнь не общественному благу, а личному обогащению. Вот так.

С обоими отцами отношения у Аркадия, как ни странно, неплохие. Но дело постоянно портят различные привходящие обстоятельства. Аркадий мечется в своём самопозиционировании, совершает ошибки, испытывает взлёты, переживает падения и т.п. Но всё кончается хорошо: Аркадий взрослеет.

Роман замечательный. Не говоря уж о том, что по нему просто рассыпаны перлы. Не могу отказать себе в удовольствии привести навскидку несколько, чтобы к этому больше не возвращаться:

- Мой читатель – лицо фантастическое.
- Даже теперь, когда прошло всё прошедшее...

- Я самым пренебрежительным образом буду жить для себя. [«идея» Аркадия]
- Согласитесь, что это нечестно! Два рубля и десять – а? [возмущается покупатель, которому Аркадий перепродаёт за 10 рублей вещь, которую сам только что купил за 2 рубля]
- Почему нечестно? Рынок! [отвечает Аркадий]
- Вы не знаете улицы, и вас с первого шага надуют.
- Кстати, мы все пока живём на средства Татьяны Павловны. [это – бизнес-модель мира «Подростка», где множество персонажей и все поглощены бурной деятельностью – однако не работает при этом никто. Включая Татьяну Павловну.]
- В нашем обществе совсем неясно, господа!
- У вас будет казарма, общие квартиры, *stricte necessaire*, атеизм и общие жены без детей – вот ваш финал, ведь я знаю-с!
- Куда вы денете протест моей личности в вашей казарме?
- Нынче безлеса Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и готовят её для калмыков.
- Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России.
- Солдат – мужик порченный.
- «Дар слёзный».

Теперь о параллелях романов «Подросток» и «Братья Карамазовы».

И там и там главный герой – молодой человек, «подросток», росший вдали от семьи. Обоим героям по 20 лет. Кстати, имя у обоих начинается одинаково на «А».

Главный нерв обоих романов – тупиковые отношения между взрослыми детьми и «неправильными» отцами (Версиков, Фёдор Павлович Карамазов).

В обоих романах у главного героя (Аркадий, Алёша) есть как бы второй отец, оказывающий неформальное, но чрезвычайно сильное влияние (странник Макар Долгорукий, старец Зосима).

Оба «вторых отца» в обоих романах – благообразные набожные старцы, обладающие при этом, однако, «веселием сердца».

Одинакова специфика любовной интриги – герой любит одну, а хочет другую. Или, если угодно – любит вторую, а хочет жениться на первой (Версиков – Софья Андреевна и Катерина Николаевна; Дмитрий Карамазов – Катерина Ивановна и Аграфена Александровна).

В обоих романах сюжет усложняется совместным притязанием отца и сына на одну и ту же женщину (Версиров и Аркадий – на Катерину Николаевну; Фёдор Павлович и Дмитрий – на Аграфену Александровну).

Главные герои обоих романов (Аркадий, Алёша) имеют сильную привязанность к своим вторым, «духовным» отцам – однако, при этом, оба молодых человека одинаково испытывают чувство радостного облегчения и своеобразного освобождения сразу же после смерти своих духовных отцов («странника» и «старца»).

И так далее. Примеры параллелей можно множить. Уровень совпадения романов местами доходит до прямого цитирования. Например, знаменитый афоризм Достоевского «Аблакат – нанятая совесть» из «Братьев Карамазовых» на самом деле перекопировал туда прямиком из «Подростка» (в варианте: «Адвокат – нанятая совесть», так говорил «странник» Макар Долгорукий).

Итак, романы «Подросток» и «Братья Карамазовы» как минимум очень близки. На данном этапе исследования задачу я себе поставил так: попытаться найти в романе «Подросток» сцену, которая могла бы служить «прообразом» сцены «преображения Алёши» в «Братьях Карамазовых» или хотя бы могла пролить на неё некоторый свет.

Разумеется, речь не шла о поисках буквального сюжетного повтора. Типа: Макар Долгорукий умирает – и Аркадий тут же падает а затем «преображается». Ничего подобного в романе, понятно, нет. Искать следовало «структурный» прототип.

А структура сцены «преображения Алёши» образована следующими элементами (смысловые, сюжетные и визуальные элементы я даю единым списком для простоты изложения):

1. Действующее лицо – молодой человек.
2. Мир главного героя рушится (исходное состояние, начало процесса).
3. Он внутренне готов к полному своему падению.
4. Наступает ночь трудного дня.
5. Он засыпает и видит сон с образами прошлого.
6. Его сознание постепенно отчуждается от него и начинает функционировать «отдельно», однако герой остаётся способен это сознавать.
7. Он оказывается под открытым небом, усыпанном яркими звёздами.
8. Стоит тишина, безветрие.
9. Он видит храм в ночном небе, башни, купола.
10. Он падает на землю.
11. Он ощущает внеземной, «инопланетный» уровень происходящего.
12. Он испытывает острый приступ любви.
13. Он переходит в некое новое состояние (конец процесса).

Сцену, состоящую из таких же элементов, мне и следовало искать в «Подростке».

Падение Аркадия

И такая сцена – нашлась.

Условно будем называть её сценой «падения Аркадия». Располагается она, как и сцена «преображения Алёши», ровно посередине романа (начало 9-й главы 2-й части романа «Подросток»). Она не столь компактна, как «преображение Алёши», поэтому ограничусь её изложением с цитированием отдельных мест и указанием номера соответствующего структурного элемента.

У главного героя Аркадия (1) тоже выдался невероятно плохой день (2). Настолько, что дальше жить ему уже незачем.

День закончился катастрофой

Однако о самоубийстве Аркадий отнюдь не помышляет (для этого в романе хватает других персонажей). Ночью (4), он лихорадочно шагает под звёздным зимним небом (7) по Петербургу, который отчётливо представляется ему в прямом смысле слова другой планетой (11).

...всё кругом, даже воздух, которым я дышал, был как будто с иной планеты, точно я вдруг очутился на Луне

Стоит тишина и безветрие (8).

Ночь была ясная, тихая и морозная;

От переживаний у него начинается «жар» (так Достоевский называет все виды «изменённых состояний сознания»), и он начинает воспринимать себя как бы извне, со стороны (6).

...несомненно начинался уже бред;

я очень вспоминаю, что действовал сознательно. А между тем твёрдо говорю, что целый цикл идей и заключений был для меня тогда уже невозможен; я даже и в те минуты чувствовал про себя сам, что «одни мысли я могу иметь, а других я уже никак не могу иметь».

Аркадий оказывается в пустынном переулке с дровяными складами, и у него возникает неодолимый позыв совершить преступление, чтобы закрепить этим своё падение (3). И не просто преступление, а «покушение на убийство двух и более лиц, совершённое с особой жестокостью по предварительному умыслу». А именно, он решает спалить город дотла. Технически это представляется вроде бы возможным.

Да, преступление навёртывалось в ту ночь и только случайно не свершилось.

Аркадий приступает к осуществлению своего преступного позыва. Однако, в ходе реализации поджога, он падает со стены на землю, теряет на какое-то время сознание, приходит в себя и отползает в сторону (10). Он начинает слышать как бы

потусторонний колокольный звон (9, аналог храма в небе) и тут забывается повторно. Ему снится сон о событиях, происшедших с ним ранее (5).

... вдруг раздался в ушах моих густой, тяжёлый колокольный звон, и я с наслаждением стал к нему прислушиваться.

Описание сна занимает много страниц. Аркадию снятся два эпизода из его жизни в пансионе. Первый эпизод – когда мать в первый (и последний) раз навещала там Аркадия. Тогда он не испытал ничего, кроме стыда за мать – за её низкое происхождение и соответствующие манеры. Второй эпизод – это когда полгода спустя он осенним воскресным вечером вспомнил о первом эпизоде и испытал, наоборот, сильнейшее чувство раскаяния и любви. И вот сейчас Аркадий видит всё это во сне – и во сне же он ощущает, как его всё больше и больше пронизывает чувство непереносимой любви (12). В реальности же он умирает.

Он так бы и умер (замёрз насмерть), если бы чудесным образом (Достоевский прямо указывает на неправдоподобность такого исхода) не был обнаружен в самый последний момент. Аркадий возвращается к жизни, но уже в несколько ином качестве (13).

Итак, мы видим, что при внешней несхожести сюжетов, сцена «падения Аркадия» («Подросток») состоит точно из тех же функциональных элементов, что и «преображение Алёши» («Братья Карамазовы») – расположенных, единственно, в несколько другой последовательности. Ура!

Радоваться, однако, оказалось рано. Поскольку по здравому рассуждению мне стало очевидно, что сцена «падения Аркадия» никак не могла послужить «перво-толчком» для «преображения Алёши». С сожалением пришлось признать, что вместо искомого «первоисточника» был обнаружен всего лишь ещё один «отблеск» этого гипотетического «первоисточника», давшего толчок теперь уже, выходит, двум романам Достоевского. Поиски следовало продолжить.

По той же методике был обработан предыдущий роман Достоевского – «Бесы» (1870 – 1872). Однако, никаких следов «первоисточника», ровно как и его «отражений», здесь обнаружено не было. Исследование, таким образом, зашло в тупик. Было не очень понятно куда двигаться дальше, поскольку между «Бесами» и «Подростком» Достоевский не написал ничего.

Точнее, писал-то он как раз очень много, но этот период (январь – декабрь 1873 года) не ознаменовался у писателя ни одним романом, ни одной повестью и ни одним рассказом. В этот год Достоевский зарабатывал деньги.

Гражданинъ

1873 год был особым годом в жизни писателя. Прямо с января он устроился на работу в журнал «Гражданинъ», издаваемый князем Мещерским. Условия были исключительные – 250 рублей месячного жалованья. И это – не считая гонораров за публикации. А поскольку шёл Достоевский на должность «редактора» (что соответствовало современному «главному редактору», то есть лицу, принимающему окончательные решения по всем редакционным вопросам), то возможности по самопубликации в собственном журнале открывались неограниченные.

Чем Достоевский, надо сказать, пользовался вовсю. Собственно, он и шёл-то в еженедельное (что хлопотно) и малоизвестное (особо не развёрнёшься) издание с этим расчётом – писать много публицистики и тут же её публиковать: утром статья – вечером гонорар. Его видение своего будущего в качестве романиста находится в то время под большим вопросом.

За время работы в «Гражданине» Достоевский опубликовал там множество своих статей, которые и составили впоследствии так называемый «Дневник писателя» за 1873 год. Логично было попробовать поискать наш «первоисточник» среди этих публикаций.

Увы, эти поиски также ничего не дали.

Хотя нельзя сказать, что работа была проделана мной совсем уж впустую. В ходе поисков были попутно обнаружены источники некоторых идей Достоевского, реализованных им затем как раз в «Подростке». Например, в статье «Ряженный» («Гражданин» №18 за 30 апреля 1873) писатель излагает свой подход к «народности речи» в литературе. Общий смысл состоит в том, что очень «народно» (Достоевский называет это «говорить эссенциями» или «говорить типичностями») – это будет уже не очень народно. Эти же мысли, выраженные приблизительно теми же словами, выплывают потом как раз в «Подростке», в том месте, где автор характеризует особенности речи «странника» Макара Долгорукого (который, несмотря на свою «посконность», «сырмяжность» и «духовность» – вполне себе разбирается в микроскопах, текущей международной политике и живо интересуется последней модой светских салонов – «коммунизмом»).

Интрига написания Достоевским статьи «Ряженный» немного путана, постараюсь изложить её как можно короче. Если совсем коротко: Достоевский опубликовал в своём журнале некую статью (не свою), за которую подвергся нападкам со стороны враждебной прессы и ему пришлось от этой прессы в прессе же отбиваться. А в лицах это выглядело так.

В сдвоенном номере «Гражданина» №15-16 (от 16 апреля 1873) Достоевский опубликовал рассказ некоего господина Недолина «Дьячок. Рассказ в приятельском кругу». Этот рассказ вызвал недовольство редакции журнала «Русский мир» и она в №103 напечатала разгромную статью «Холостые понятия о женатом монахе», в которой некто, подписавшийся «Свящ. П. Касторский», выступил с нападками не столько на Недолина, сколько на самого Достоевского, как редактора, посмевшего опубликовать пресловутый рассказ. В ответ Достоевский написал статью «Ряженный», где дал отповедь «Свящ. П. Касторскому», в котором не без оснований подозревал Николая Лескова.

Открытие «источника происхождения особенностей речи Макара Долгорукого» в «Подростке» – не бог весть какое открытие. Но хоть что-то.

Не столько из интереса, сколько из научной добросовестности, я посчитал нужным просмотреть и сам рассказ г-на Недолина, ставший поводом для журнальной полемики. Я взял журнал «Гражданинъ» №15-16 (16 апреля 1873, сдвоенный номер) и в поисках рассказа «Дьячок» раскрыл его на случайной странице.

И увидел это.

Первоисточник

Зимовали мы этта у речки <...> избенка, признаться, плохенькая была; ну, понасобирали плавнику, поправили кой-какъ – ничего, жить можно. Бывало какъ съ промысловъ вернешься изморенный, такъ и дела тебе нетъ, что крыша вся решетомъ стала.

Только около эвтихъ местовъ баско жутко бывало по субботамъ да воскресеньямъ. Какъ значить стемнеетъ – сейчасъ неведомо откуда колокола звонить начинаютъ. Такъ звонъ и плыветъ по воздуху <...> Слушаешь, слушаешь и холодкомъ тебя такъ и прохватитъ – потому страшно. <...> Подумаешь ветеръ – нетъ, выйдешь – кругомъ не шелохнется, тишь такая!..<...> Это, другъ <...> – города есть, не нашимъ земнымъ городамъ чета.

Однава съ нами былъ на промыслу малецъ одинъ, парень смирный. Зашелъ онъ этто разъ <...> и воротился помертвевъ весь. «Виделъ я, – говоритъ, – братцы, великое чудо. Быдто виситъ <...> гора ледяная, а на этой горе все церкви да церкви, и сколько эфтихъ церквей, поди, не сосчитать, – одна другой выше, одна другой краше. Колоколенки словно стеклянныя, тонкія да прозрачныя такія. И только я стою вдругъ съ всехъ эфтихъ колоколенъ звонъ поднялся. Я, говоритъ, обмеръ да скорей назадъ.»

Какъ прослышали мы про то, сичасъ и сказали парню: «Это тебя наши промышленнички <...> въ свой-отъ городъ звали. Безприменно, говоримъ, помрешь.»

Что же! Сталъ парень задумываться, опаль совсемъ, а черезъ месяцъ после того и душу Богу отдалъ. Ну, мы его тамъ <...> и схоронили. Таково ли хорошее местечко выбрали. Надъ крестомъ, слышь, дикій камень нависъ, а шаговъ въ десять отъ могилы море-окіанъ зыблется!..

<Дальше следует описание кроваво-алых огней, горящих в небе – полярного сияния>

Вот какие слова я прочитал, открыв на случайной странице журнал «Гражданинъ» №15-16 за 1873 год.

Не нужно никакого структурного анализа, чтобы понять, что передо мной и был тот самый «первоисточник», давший импульс двум следующим романам Достоевского и определивший их ключевые сцены!

А можно анализ и провести, от меня не убудет:

Элемент	«Первоисточник»	«Подросток»	«Бр. Кар.»
Ночь	+	+	+
Тишина, безветрие	+	+	+
Зима, мороз	+	+	
Величие природы	+		+
Горящее небо / огонь	+	+	+
Воскресенье	+	+	
Герой – молодой человек	+	+	+
Исходная депрессия	+ (зимовка)	+	+
Купола в небе	+		+
Колокольный звон	+	+	
«Внеземной» характер явления	+	+	+
Выделена эстетич. компонента	+		+
«Приникание» к земле	+	+	+ (погреб.)
Острая вспышка любви		+	+
Деформация сознания	+	+	+
Смерть	+	+ (клинич.)	

Коэффициент корреляции по решётке – 0,94. Теорема доказана.

Если кто-то ожидал, что «Первоисточником» для «Братьев Карамазовых» окажется отрывок из «Лотосовой Сутры», «И-Цзина» или «Книги пророка Исайи» – то в этом он был не одинок. Я тоже, признаться, подспудно ожидал чего-то подобного.

Но жизнь ярче и непредсказуемей. Для настоящего писателя Откровением может стать и надпись на заборе, и обрывок рекламы. На то оно и Откровение, что его нельзя предугадать и просчитать. И даже до конца понять механизм его действия. А то, что подобная надпись открывает «внутреннее зрение» не всякому – так ведь Достоевский и есть «не всякий».

Факт есть факт: все сущностные элементы приведённого выше отрывка – все до единого – вскоре обнаружили у Достоевского. Сначала в эпизоде «падения Аркадия», а потом – точно в той же комплектации – и в эпизоде «преображения

Алёши». И не просто «обнаружились», а именно что своей тканью они эти эпизоды и сформировали.

В рассказе некоего помора о загадочном событии во время зимнего промысла (в котором я опустил при цитировании некоторые второстепенные детали) отсутствует, понятно, анализ психологических состояний героя (противное было бы даже подозрительно), а изложена единственно событийная канва. Что и ценно. Именно простота и кристальность истории и придаёт ей масштаб и вневременность.

История проста: парень увидел Град Небесный и умер.

У Достоевского эта формула отлилась в следующую: «Красота небесная влечёт смерть земную».

Теперь, в свете открывшегося «Первоисточника», попробуем ещё раз посмотреть, что же произошло с Алёшей Карамазовым в ту памятную ночь.

Наука чтения слов

Множественность совпадений мелких деталей в «Первоисточнике» и в «преображении Алёши» позволяет говорить с абсолютной уверенностью о происхождении второго от первого. Несовпадение же в главной детали (Алёша ведь вроде не умер?) заставляет перечитать сцену «преображения» ещё раз – уже с учётом полученных новых знаний.

Но прежде чем начать, мы должны чётко уяснить себе один момент. А именно, что ставить вопрос «Что произошло тогда с Алёшей?» – не корректно в принципе. «Алёша» – это литературный персонаж, вымысел, обозначенный словом из пяти букв. Вопрос следует переформулировать следующим образом: «Что Достоевский хотел чтобы читатели увидели в этой сцене?». Чувствуете разницу? В рамках романа герой в подобной ситуации спокойно может обратиться, скажем, в могучего огненного хомяка с крыльями и унести свою возлюбленную к звёздам – в романах бывало и не такое. И это просто означало бы, что автор хочет донести до читателей посыл, что «всегда нужно верить в лучшее», или что «любовь побеждает всё» (включая законы физики, как в данном примере). Так и в случае с «преображением Алёши» нам не следует пытаться восстанавливать «реальную картину» происшедшего (она априорно не-реальна). Вместо этого нужно попытаться установить, какую мысль Достоевский хотел до нас этой сценой донести.

Итак, Достоевский показывает нам следующее. У Алёши сильнейший душевный кризис. На каком-то этапе его сознание перестаёт ему подчиняться. Ему становится не хорошо в буквальном смысле слова («Что-то горело в сердце Алёши, что-то наполнило его вдруг до боли»). В таком состоянии он подходит к телу покойного старца Зосимы и долго, «с полминуты», всматривается тому в лицо. Затем он оказывается под открытым звёздным небом и тут получает мощный удар (скорее эстетической природы) от открывшейся ему картины «величия мироздания». Ноги перестают его слушаться, он падает как подкошенный («Алёша стоял, смотрел, и вдруг, как подкошенный, повергся на землю»). Он вжимается в землю, душа же его тем временем «соприкасается мирам иным». И затем наступает заключительная фаза: «что-то твердое и незыблемое <...> сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже <...> навеки веков.

Картина, кажется, ясна. Алёша умер.

Не в физиологическом смысле. Хотя Достоевский подкидывает нам для густоты художественного образа также и клинические признаки сердечного приступа – «что-то горело в сердце», «наполнило его [сердце] до боли», «как подкошенный повергся на землю», соприкоснулся «мирам иным». Одно уже только «падение на землю» (хтонический жест) символически означает смерть. Но мы имеем тут дело с гораздо более тонким и сложным явлением. Алёша навеки перестал существовать – именно как Алёша Карамазов. Его мозг обнулится, сознание переформатировалось и на чистый лист (или, если угодно, «чистый диск») его сущности была загружена личность почившего накануне старца Зосимы. Алёша умер, старец (в его теле) возродился.

Дочитаем сцену до самого конца: «Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже <...> навеки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом».

Через три дня после этого, как мы помним, Алёша «вышел из монастыря». То есть, в переводе с языка символов на язык метафор – «покинул обитель Жизни Вечной и перешёл в мир Смерти и Тлена».

Насколько мне известно, это – единственная в русской литературе XIX века попытка описания того, что в практике тибетского буддизма Ваджраяны называется «тулку», сознательное перерождение умершего Учителя-махасиддхи в новом теле. Не думаю, что Достоевский держал в уме эту параллель или даже знал что-либо о «тулку». Что только лишний раз подтверждает его не требующую никаких подтверждений гениальность.

В свете нового прочтения сцены «преображения Алёши», обретает свой смысл эпиграф ко всему роману «Братья Карамазовы»: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Ин. 12:24). И Алёша, чтобы принести много плода, умер.

Тут уместно вспомнить ещё один «отблеск», отброшенный «Первоисточником» (кроме «преображения Алёши») в «Братьях Карамазовых». Помните, я говорил, что есть в романе одно очень любопытное место, которое я смог понять правильно только задним числом? Место это такое.

В первой части романа, в главе «Старцы» Достоевский рассказывает о собственном институте «старчества». Власть «старца» над учеником безгранична. «Старец – это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь», – пишет Достоевский. И иллюстрирует этот тезис следующим примером.

Один из русских иноков «спасался» на Афоне, всё ему там очень нравилось. Но тут его «старец» повелел ему «идти сначала в Иерусалим <...>, а потом обратно в Россию, на Север». Инок от такого повеления пришёл просто в ужас, просил даже Константинопольского патриарха освободить его от этого наказа. На что патриарх сказал, что «нет на земле власти, способной освободить кого-либо от послушания, наложенного старцем». Так что пришлось иноку хочешь-не-хочешь, а выполнять предписанное. Вот, собственно, и вся история.

Что же теперь я увидел в этой сцене – сверх того, что видел в ней раньше (а именно – очевидной параллели: Афонский старец – старец Зосима, Афонский послушник – послушник Алёша)? А вот что: парень должен увидеть Красоту Небесную (Град Небесный, Иерусалим) и сразу после этого отправиться в Страну Смерти (Север, мифическая страна Туле, хрестоматийный образ Смерти). Буквальное повторение фабулы поморского «Первоисточника» и точное выражение формулы Достоевского – «Красота небесная влечёт смерть земную».

На поверхности

Заканчивая с «преображением Алёши», напоследок предложу ещё один вариант прочтения данной сцены. На этот раз вариант физический.

Хочу упредить естественный вопрос: а правомерно ли вообще говорить о двух разных «прочтениях» одной и той же сцены? Скажем, согласно одному прочтению герой умирает, а согласно другому – нет. А на самом-то деле – что было? Отвечаю: на самом деле не было ничего. Это роман. В жизни существование различных версий одного происшествия говорит о недостаточной квалификации следователя, в романе – о широте замысла автора. Одна версия другой тут не мешает, а только её усиливает. Теперь можно перейти к «другому прочтению».

Начнём с середины рокового дня, закончившегося для Алёши его «преображением». Как мы помним, Алёша находится в состоянии сильнейшего стресса и уже внутренне готов к своему «падению» (пока ещё – фигуральному). В таком состоянии его и застаёт его знакомый Ракитин. Который, пользуясь моментом, пытается подтолкнуть Алёшу ещё ближе к краю пропасти. Под его нажимом Алёша соглашается согрешить. А именно – отведать в пост колбасы, выпить водки, а может сделать и чего похуже. И вот они вдвоём отправляются в гости к Аграфене Александровне.

А Аграфена Александровна, надо сказать, штука ещё та. Ограничусь цитатой, поскольку лучше Достоевского тут всё равно не скажешь.

В четыре года из чувствительной, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная, полнотелая русская красавица, женщина с характером смелым и решительным, гордая и наглая, понимавшая толк в деньгах, приобретательница, скупая и осторожная, правдами иль неправдами, но уже успевшая, как говорили про нее, сколотить свой собственный капитал. В одном только все были убеждены: что к Грушеньке доступ труден, и что кроме старика, ее покровителя, не было ни единого еще человека, во все четыре года, который бы мог похвалиться ее благосклонностью.

Эта Аграфена Александровна произвела, кстати, неизгладимое впечатление и на другого в юности Художника, отмолившего своё по-полной.

Или послушаем Митю Карамазова, уж он-то знает:

У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела, он и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался. <...> Это царица всех inferнальниц, каких можно только вообразить на свете! В своем роде восторг!

И вот прямо в логово к этой «русской красавице», да ещё на ночь глядя, за Ракитиным послушно плетётся послушник Алёша. А Аграфена Александровна находится как нарочно в полном раздрае чувств, что для неё является состоянием, надо сказать, совершенно исключительным. Но и обстоятельства у неё совершенно исключительные: её первый соблазнитель, её первый обидчик, её первая и последняя любовь – вернулся со службы в Сибири и вот-вот прийдёт за ней экипаж. Чтобы она помчалась к нему – сделаться его навеки или зарезать (она ещё

не решила). А тут Ракитин приводит к ней Алёшу. Да, она давно хотела заманить к себе этого ангелочка, святую душу, но не сейчас, сейчас совершенно не время. Впрочем, она всё равно довольна этой маленькой победой. В нервном возбуждении Аграфена Александровна велит подать Алёше шампанского (служанка-растяпа приносит, конечно, тёплое) и – как будто так и надо – с размаху плюхается послушнику прямо на колени, так что волны идут. У Алёши аж дух перехватывает. Но Аграфена Александровна только и успевает что рассказать побасенку про некую «луковку», как в дверь стучат – экипаж, который она так ждёт, подан! Аграфену Александровну как ветром сдувает.

И Алёша возвращается в монастырский скит, где отец Паисий отпевает покойного старца Зосиму. Дальнейшее мы уже знаем.

Но, странное дело, настроение Алёши, вопреки всем свалившимся на него горестям, всё улучшается и улучшается.

...сердцу было сладко <...> радость, радость сияла в уме его и в сердце его <...> царило в душе что-то целое, твердое, утешающее <...> ему так хотелось благодарить и любить <...> слезы восторга рвались из души его...

Далее, как мы помним, Алёша сквозь сон слушает, как отец Паисий отпевает покойника, читая из Евангелия от Иоанна фрагмент о свадьбе в Кане Галилейской. То, что над усопшим читают Евангелие (вместо Псалтири) не вызывает вопросов, поскольку Зосима по чину был иеросхимонах. Но ведь отрывок-то при этом мог быть любым! Однако Достоевский из всего богатства евангелических сюжетов подобрал для Алёши как нарочно (и разумеется нарочно) отрывок с откровенно и именно «свадебными» настроениями. Пока Алёша слушает, в его сознании почему-то дважды всплывает слово «Митя». Тоже странно.

Далее Алёша засыпает и видит сон со сценой той же свадьбы – к которой примешивается, впрочем, и давешняя «луковка» (ещё один привет от Аграфены Александровны).

И, наконец, вершина эпизода – Алёша падает на землю и (цитата) – «ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее <...> и испуганно клялся любить ее, любить вовеки веков».

Кажется, опять всё ясно. Разгорячённая красавица посидела у подростка на коленях – и тот мгновенно забыл все прежние свои горести. Жизнь, что называется, просто взяла своё.

Хотя и тут не всё так просто. Когда Алёша слушает сквозь сон о свадьбе в Кане Галилейской, он одновременно рефлексировал по поводу услышанного, ведя внутренний монолог. И в этом месте у Достоевского в повествовании выскакивает слово, явно диссонирующее со всей окружающей его языковой тканью. Причём не просто выскакивает, а на протяжении одной страницы появляется целых пять раз. Слово это – «архитриклин».

...принесите архитриклинови <...> вкуси архитриклин вина <...> пригласи жениха архитриклин <...> где же премудрый Архитриклин? <...> премудрый Архитриклин, вино пробует.

Да, это слово есть в Евангелии от Иоанна (во второй главе), но при этом – только в изданиях на церковнославянском языке. Ни в одном же Евангелии на русском языке этого слова, как откровенно архаичного, нет. Начиная с 1860 года (первого выхода синодального перевода) во всех русских Евангелиях это слово заменено на просто «распорядитель пира».

Но Достоевский не просто выбрал именно «архитриклина» (что ещё хоть как-то объяснимо монашеством персонажей), но ещё и сделал на этом слове демонстративный акцент. Акцент тем более странный, что пресловутый «распорядитель пира» в сцене свадьбы в Кане Галилейской – фигура совершенно второстепенная. Почему же в мозгу Алёши слово «архитриклин» вспыхивает пять (!) раз?

Думаю, вот почему. Оно конечно, «архитриклин» в переводе означает «распорядитель пира», всё так. Однако, у этого слова достаточно нетривиальная этимология. Само слово греческое. По-гречески «Архи» означает просто превосходную степень: «главный», «старший», «сверх». «Три» – это и будет «три». А «Клин» с греческого – это «ложе», «кровать». Всё вместе – «архи-три-клин» – в буквальном переводе означает: «Главные Три Ложа».

И вот Алёша одной ногой сам уже шагнул в вечность, а в мозгу у него стучит: «три ложа», «три ложа», «три ложа», «три ложа», «три ложа»... И что же это за «три ложа» такие? Наверняка не знаю. Но давайте вспомним. Фёдор Павлович Карамазов спит и только и видит, как затащить Аграфену Александровну себе в кровать (даже деньги требуемые, три тысячи ассигнациями, уже ленточкой перевязал). Дмитрий Фёдорович Карамазов (Митя) – так тот буквально помешался на Аграфене Александровне, невесту свою бросил (умницу, красавицу, богачку, между прочим) – и сам уже не знает, на что готов ради inferнальницы. И вот теперь сам Алёша (Фёдорович Карамазов), какой-нибудь час тому назад, тоже испытал с Аграфеной Александровной нечто, что позволило его существу наполниться ликованием, несмотря на объективно наличествующее горе.

Итак, их трое. Отец (Фёдор Павлович). Сын (Митя). Святая душа (Алёша). И все трое грезят об одном – о ложе Аграфены Александровны. Вот, выходит, о каком «троеложии» – едином и неслиянном – поведал нам премудрый «архитриклин».

Таков верхний слой прочтения сцены «преображения Алёши», 3 плюс Каролина. Глубинные же течения, как мы уже видели, текут в совсем иные веси.

Красота

Но вернёмся к основному прочтению. Как мы могли убедиться, только три текста, сложенные вместе («Первоисточник», «падение Аркадия» и «преображение Алёши»), дают в сумме полную картину «происшедшего».

Теперь ясно, почему самому Достоевскому всё было здесь предельно понятно, а остальным читателям — не очень. Ситуация достаточно распространённая даже у великих писателей. Автор использует в качестве важной опорной точки конкретную аллюзию на очевидный ему факт, но при этом оказывается, что этот факт читателям попросту неизвестен. И в данном случае это — аллюзия на случай явления подростку-помору полярного Небесного Града.

Всё встало на свои места. Проблему «синдрома Арджуны» можно считать закрытой.

Итак, Алёша в кульминационной точке повествования «соприкоснулся звёздам и умер». Но что даёт это новое прочтение центральной сцены для понимания всего романа?

А даёт оно — смещение акцентов, корректировку угла видения. Теперь на первое место (при том что роман, конечно, остаётся крайне многоплановым) выходит не вопрос наличия или отсутствия загробной жизни (чем был так озабочен брат Иван), а всё, что лежит в русле формулы «Красота небесная влечёт смерть земную». Или, если короче, «Красота погубит мир».

Собственно, эта сторона романа и раньше была видна. Ну, хотя бы:

Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту <... > то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество; будучи честен, пойдет и украдет; будучи кроток — зарежет, будучи верен — изменит.

Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятаями, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой.

Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречья вместе живут.

Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. <...> Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой.

Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей.

Сорву я мой наряд, изувечу я себя, мою красоту, обожгу себе лицо и разрежу ножом.

Да и неспроста, ох, неспроста неотвратимая длань Высшей Справедливости, явленная нам в романе в лице Ильюши Снегирёва, беспощадно разит по воле До-

стоевского (ткнув финкой прямо меж ребер) никого иного, как Красоткина. Ибо, как теперь мы знаем, «Красота погубит мир».

Всё это было известно и раньше. Однако теперь становится всё больше понятно, что это-то и есть главная тема романа. Само пространство романа осталось прежним – сместился фокус бинокля.

Меняется ли от этого наше видение творчества Фёдора Михайловича в целом? Пожалуй, да. То, что представлялось раньше более менее прямой линией (с 1866 по 1880), теперь выглядит как линия принципиально ломаная – с резким изменением вектора в 1873 году.

Действительно, первые три романа Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот» и, с некоторыми оговорками, «Бесы») построены на знаменитой концепции «Красота спасёт мир». Максимально прозрачно это сформулировано в «Идиоте».

Такая красота – сила, <...> с этакою красотой можно мир перевернуть!

Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет «красота»? Господа, <...> князь утверждает, что мир спасет красота!

Или в «Бесах»:

Энтузиазм современной юности так же чист и светел, как и наших времен. Произошло лишь одно: перемещение целей, замещение одной красоты другою!

А я объявляю, что Шекспир и Рафаэль – выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть! Форма красоты уже достигнутая, без достижения которой я, может, и жить-то не соглашусь...

Да знаете ли вы, что без англичанина еще можно прожить человечеству, без Германии можно, без русского человека слишком возможно, без науки можно, без хлеба можно, без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете! Вся тайна тут, вся история тут! Сама наука не простоит минуты без красоты.

Здесь Достоевский говорит устами Степана Трофимовича Верховенского – персонажа умного и проницательного (и в целом скорее положительного – в отличие от его сына Петра Верховенского).

Подытожим. До 1873 года («Преступление и наказание», «Идиот» и «Бесы») – жизнь ужасна, но «красота спасёт мир». Однако, к концу этого периода («Бесы») уверенность Достоевского в правильности данной формулы заметно слабеет – он чувствует, что хоть звучит это всё и красиво, но вряд ли данная формула правильно описывает действительность. И Достоевский останавливается, не зная, куда двинуться дальше. Тут в апреле 1873 года ему на глаза и попадает «Первоисточник», в котором он вычитывает то, что на самом деле уже сердцем знает и

так. Просто его собственные мысли оказались выражены в «Первоисточнике» предельно наглядно и чётко. «Красота небесная влечёт смерть земную».

Результат этого известен: Достоевский увольняется из «Гражданина» сразу же, как только позволяет контракт, и тут же (с начала 1874) садится писать «Подростка». Судя по всему, «Подросток» не совсем устроил Фёдора Михайловича. После небольшой паузы он берётся за ту же тему повторно. Так появляются «Братья Карамазовы». Через два месяца после их выхода, в попытке дотянуться до ускользающего пера, Достоевский умирает.

В.Н.Д.

Наконец, пришло время сказать о собственно «Первоисточнике», сыгравшем столь важную роль в истории русской (и мировой) литературы. До сих пор мы знали лишь место его опубликования («Гражданин» №15-16, с. 477, нумерация страниц сквозная по году) и отдельные из него выдержки – да и то с сокращениями (при цитировании я опустил второстепенные детали). Но что это вообще такое было?

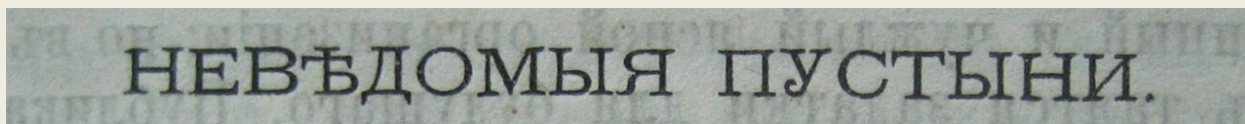
А было вот что. Цитированный мной текст («Первоисточник») оказался частью другого текста. А именно – статьи «Неведомые пустыни», опубликованной в журнале «Гражданин» №15-16 за 16 апреля 1873 года и рассказывающей о неких Северных землях. Эта статья располагается в журнале недалеко от рассказа «Дьячок» Недолина (о котором я, как только увидел «Первоисточник», мгновенно забыл).

[Илл. 01-10-01-1. Журнал-газета «Гражданин» №15-16, 1873.]

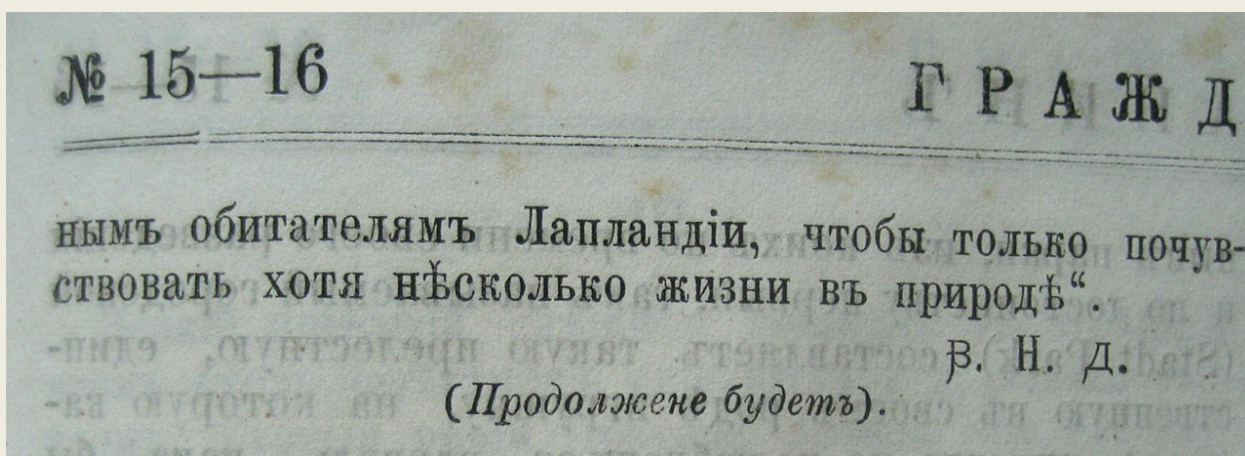

[Илл. 01-10-02-1. Там же. Фрагмент последней страницы. «Редактор-Издатель Ф. М. Достоевский»]

[Илл. 01-10-03-2. Там же. Заголовок статьи. «Неведомыя пустыни».]

Теперь об авторстве. Статья «Неведомые пустыни» подписана так: «В. Н. Д.». Принцип образования псевдонима представлялся здесь достаточно прозрачным. За ним скрывался, разумеется, сам Фёдор Михайлович Достоевский, заменивший, не долго думая, буквы первых двух своих инициалов на фонетически близкие им согласные: «Ф» на «В», а «М» на «Н». Таким образом, тайна псевдонима автора «Первоисточника» была раскрыта.

[Илл. 01-10-04-1. Там же. Подпись статьи «Неведомые пустыни».]

Причём раскрыта неправильно. Поскольку автором статьи «Неведомые пустыни» на деле оказался Василий Иванович Немирович-Данченко, волею судеб (скажем так) находившийся тогда в Архангельске и совершавший оттуда поездки по Северу. Для установления личности автора мне, по счастью, не пришлось даже поднимать в архивах платёжные ведомости «Гражданина», поскольку интересующий нас текст обнаружился в книге Немировича-Данченко «Страна холода», вышедшей через четыре года после журнальной публикации отдельным томом (издательство книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, СПб. 1877, с. 359). Именно этот небольшой отрывок – всего-то несколько абзацев – мы и называли выше «Первоисточником».

В теле статьи «Неведомые пустыни» этот отрывок является, впрочем, инородным включением. Авторство Немировича-Данченко можно распространить на него условно, поскольку он лишь дословно процитировал в своей статье рассказ некоего неназванного помора.

Камень

Теперь можно точнее реконструировать картину событий апреля 1873 года.

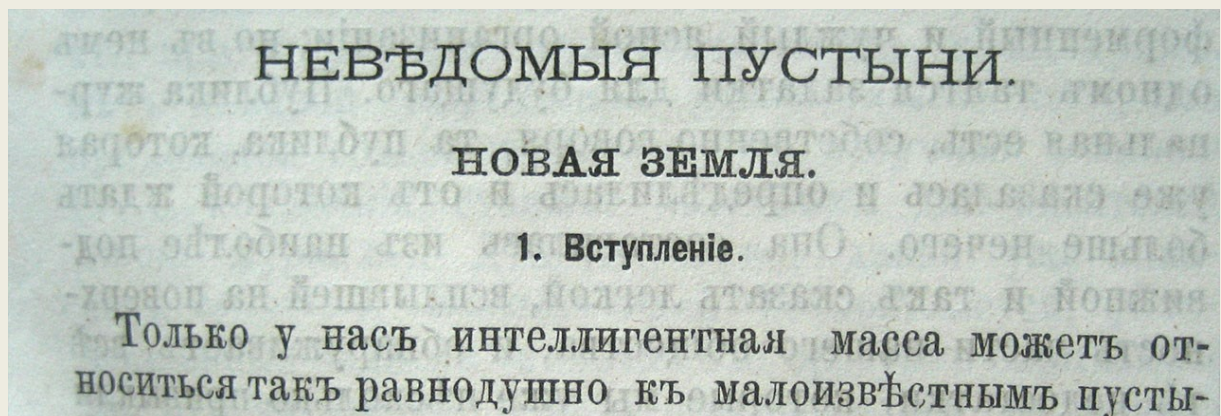
Молодой человек (Немирович-Данченко, 28) присылает в редакцию «Гражданина» свою рукопись. Достоевский принимает её к печати и садится редактировать (что он делал всегда самолично и очень тщательно). Он доходит до места, где автор пересказывает поморскую быль о видении Града Небесного во льдах. И этот образ – больше даже визуальный, чем литературный – заставляет Достоевского ясно осознать – в какую сторону он, как писатель, должен двигаться дальше.

Как результат этого осознания (пропускаем несколько этапов) появляются «Братья Карамазовы» – а молодой литератор получает свои 2 руб. 80 коп. ассигнациями (всё-таки посмотрел «Гонорарную роспись» журнала, не удержался, РГАЛИ, ф. 212, оп. 1, д. 11, л. 12 об.). И это – за одну только саму поморскую легенду, 56 строк по 5 копеек за строку (Мещерскому и себе Достоевский считал по 7 копеек). Для масштаба – килограммовая буханка ржаного стоила в том году 4 копейки. Так что за слова, скажем, «признаться, плохенькая была; ну, понасобирали плав-» – на них, например, можно было купить килограмм хлеба, и ещё на квас оставалось. За «-нику» же плата начислялась отдельно. Стихи шли по шестерному тарифу..

Но затраты редакции стоили того. Поморская легенда обрела совершенно глобальное звучание.

При первом её цитировании я опустил, как несущественные, географические подробности. Теперь пришла пора обратить внимание и на них.

Так, например, статья «Неведомые пустыни» имела следующий подзаголовок: «Новая Земля».

[Илл. 01-10-03-3. Там же. Заголовок статьи. «Неведомыя пустыни. Новая Земля».]

В самом же тексте «Первоисточника», то есть собственно в «рассказе помора», содержались и более конкретные указания на место действия.

Но прежде чем двигаться дальше, следует сказать несколько слов об историческом контексте региона в целом.

Итак, Новая Земля.

2. Краткий обзор истории открытия и исследования Новой Земли

Что значит «открыть» – Предыстория – Сэр Хью Уиллоуби (1553) – Калькирование субстративной топонимии – Бэрроу (1556) – Пэт и Джекмен (1580) – Хаклюйт (1589) – Баренц (1594-97) – Ламартиньер (1653) – Фламинг (1664) – Витсен (1692) – Пересменка (1700-е) – Земля или остров (1745) – Розмыслов (1768) – Крестинин (1788) – Владелец Полнощных гор (1820) – Литке (1821) – Бэр (1837) – Гамель (1845) – Сводная таблица

Что значит «открыть»

Большая часть сведений, содержащихся в данном разделе, относится к категории общеизвестных. Тем не менее я посчитал необходимым напомнить читателю последовательность основных событий, поскольку без их учёта содержание следующих разделов не будет понятно.

Но перед тем как перейти к открывателям Новой Земли, мы должны чётко уяснить, что означает само понятие «открыть что-либо». Поскольку вопрос о «первооткрытии» является для некоторых особо трепетным.

Итак. «Открыть что-либо» означает именно «открыть». То есть – «сделать *открываемое* доступным для остальных». Применительно к географическим открытиям это означает – «убедиться в существовании чего-либо сначала самолично, а потом (самое главное) сделать это знание общедоступным». Таким образом, для совершения открытия ещё недостаточно где-то побывать первым – нужно потом суметь донести информацию об этом географическом объекте до всего общества.

Правило категорично: там, где нет коммуникаций – там и «открытий» быть не может, по определению. Печальное открытие, но на пользу дела.

Таким образом, я буду говорить – строго согласно определению – об «открытии» новых земель ровно в том самом смысле, в каком Америку открыл Колумб (а не Бьярни Херьюльфссон, например), а Магелланов пролив открыл Магеллан. Хотя последний и наблюдал по берегам Огненной земли стоянки людей «ямана» – первобытных охотников и собирателей, «увидевших» эту землю формально раньше него.

С определением «открытия» вроде разобрались, двинемся дальше.

За те три века, что рассматриваются в данной главе, документированных случаев контакта человека с Новой Землёй накопилось не так уж и мало. Однако в насто-

ящую хронологию я включил лишь те из них, что имели принципиальный характер и стали вехами в истории познания острова.

О терминологии. Строго говоря, Новая Земля – архипелаг. Однако геометрия этого архипелага такова, что он, по сути, представляет собой один-единственный огромный остров, разделённый посередине длинным (более 100 км) и узким, как река, проливом. Все остальные же острова архипелага на этом фоне столь мелки, что напоминают хлебные крошки рядом с целым свежее выпеченным батоном (разрезанным посередине). Таким образом, везде далее, говоря о территории в целом, я буду называть её «островом». Там же, где это будет необходимо по смыслу, я буду различать острова Северный и Южный.

Обзоры истории открытия Новой Земли делались не раз. Абсолютное первенство в этой области (во всех смыслах) принадлежит Фёдору Петровичу Литке, современнику Пушкина, на тот момент – капитан-лейтенанту флота, в 24 года возглавившему свою первую экспедицию к Новой Земле (1821). Его до сих пор никем не превзойдённый обзор можно найти в первой главе его книги «Четырекратное путешествие въ Северный Ледовитый Океанъ, совершенное по повеленію Императора Александра I, на военном бриге «Новая Земля», въ 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ» (издана в 1828).

Кстати, посмотрим что думал по поводу термина «открытие» Литке.

Колумбъ, искавъ ближайшаго морскаго пути въ Восточную Индію, открылъ новый светъ. <...> Искавшие северо-восточнаго туда пути, открыли большій изъ всехъ въ Северномъ Ледовитомъ море лежащихъ острововъ, Новую Землю.

Говоря объ открытіи Новой Земли, я разумею первыя достоверныя свѣденія, достигшія объ ней до народовъ просвященной тогда части Европы.

Всё сходится.

Обзор Литке – это золотая классика, настоятельно рекомендую. Однако, за прошедшие с тех пор 200 лет открылись некоторые новые факты о прежних событиях и произошли события новые, что позволяет внести определённые уточнения и добавления в историю исследования острова Новая Земля.

Предыстория

Открытие Новой Земли является классический пример случайной неизбежности.

В 1498 году оманский мореход Ахмад ибн Маджид, отложив на время работу над делом своей жизни – титаническим сочинением в стихах «Книга Польз об основах и правилах морской науки» – бестрепетной рукой поэта привёл корабли Васко да-Гамы прямо к городу Каликут (не путать с Калькуттой), что на западном берегу Индостана. С этого самого момента открытие Новой Земли стало предопределено.

Богатства Востока заполнили магазинные прилавки и людские умы. Несколько следующих поколений если и могли думать о чём-либо, кроме как о Перу, так это только об Индии и Китае.

А путь в Китай вокруг мыса Доброй Надежды чреват – португальцы, открыв тему, тут же её и закрыли, заручившись ксивой на земле (Тордесильяский договор, 1494) и на небе (папская булла «Inter Caetera», 1493).

Нужно было искать что-то новое. И часть взоров обратилась на северо-восток. Очень скоро разрозненные идеи на эту тему оформились в стройную концепцию «Северо-Восточного Прохода». Согласно концепции, чтобы попасть в Китай нужно всего лишь обогнуть с севера Норвегию, а уж там...

Впрочем, что именно ждёт смельчаков «там» никакого понятия пока не было. Теория, в виде Птолемеевой карты Мира (или того, что издатели выдавали за оную), вопрос о существовании Океана к северу от Евразии изящно обходила, пустив обрез карты по 63-й параллели.

[Илл. 02-02-01-1. «Карта Птолемея» из «Космографии» Николауса Германуса (Nicolaus Germanus), Ульм, 1482, с. 145-146.]

[Илл. 02-02-01-2. Там же. 63-я параллель, фрагмент.]

Впрочем, более рискованные картографы (Фра Мауро, 1450; Мартеллус, 1489; Вальдземюллер, 1513 и др.) смело опоясывали Евразию океаном, на свой страх и риск. Выходило, что если после Норвегии плыть всё время на восток, то попадёшь прямиком в Китай, даже скорее португальцев.

[Илл. 02-02-02-1. Карта Фра Мауро, 1450. Museo Carrer, Венеция.]

А начиная с 1546 года, в дополнение к этому появился и «план Б». Согласно опубликованной в этом году «Карты Московии» (Moscovia Sigismundi Liberi), имелся путь в Китай даже более близкий. А именно, достаточно доплыть по северному морю до устья реки, называемой «Обь», и подняться вверх по её течению до озера «Китай» (Kithay Lacus) – а там уже до собственно Китая (ну, или до реки, текущей в Китай) будет рукой подать.

[Илл. 02-02-03-1. Карта Сигизмунда Герберштейна, 1546.]

[Илл. 02-02-03-2. Там же. Озеро «Китай» (Kithay Lacus).]

Эта карта была составлена Сигизмундом Герберштейном по результатам двух его путешествий в Московию (1517, 1526). Столь значительная задержка с публикацией (1546) произошла оттого, что Герберштейн был чрезвычайно деятельным дипломатом и путешественником. Всю свою жизнь он непрерывно носился по Европе и Ближнему Востоку (участвовал в 70 посольствах), встречался с государями, предстоятелями церквей, влиятельными вельможами – всеми теми, кто творил современную ему историю. Когда жизнь бьёт ключом не до мемуаров. Но при первой же выдавшейся свободной минутке (которая выдалась только 30 лет спустя), Герберштейн сел за свои знаменитые «Записки о Московии» («Regum Moscovitarum», первая публикация в 1549, на латыни).

Упомянутая карта из этих «Записок» вышла тремя годами раньше (1546) – но сами «Записки» ещё больше поддали жару. Особенно одна глава, известная в науке, как «Югорский дорожник Сигизмунда Герберштейна». Уточняя для дотошных – просто «Югорский дорожник» науке не известен, так названа часть сочинения Герберштейна. В ней дорога к «озеру Китай» ещё больше конкретизирована. Вот несколько отрывков. Во избежание разночтений, все топонимы я продублировал на латыни, сверив по первому изданию 1546 года.

Мне достали одно описание на русском языке, содержащее расчет пути [на северо-восток – П.М.]. Я велел перевести его и сделал по нему следующее описание. <...>

За реками Печорой (Petzora) и Щугором (Stzuchogora) у горы Каменный Пояс (Camenipoias), опять-таки у моря, на соседних островах и около крепости Пустозерска (Pustoosero) обитают разнообразные и бесчисленные народы, которые зовутся одним общим именем «самоядь» (Samoged). <...>

Восхождение на гору Камень (Camen) занимает три дня. <...>

Оставив Сосьву (Sossa) справа, доберешься до реки Оби (Obu), которая берет начало из Китайского (Kitaisko) озера. Через эту реку они едва переправились за целый день, да и то с большим трудом. <...>

Если подниматься от Обской (Obea) крепости по реке Оби к устью реки Иртыша (Irtische), в который впадает Сосьва, то это займет три месяца пути. <...>

От устья реки Иртыша до крепости Grustina два месяца пути, отсюда до Китайского (Kitai) озера по реке Оби, которая, как я сказал, берет свое начало из этого озера, более трех месяцев пути. От этого озера в весьма большом числе приходят черные люди (homines nigri), не владеющие общепонятной речью (communis sermonis expertes), и приносят с собой разнообразные товары. <...>

Все, что я сообщил доселе, дословно переведено мной из доставленного мне русского дорожника. Хотя в нем, кажется, и есть кое-что фантастическое. <...>

«Noss» по-русски значит «нос»; этим именем они в просторечии называют мысы, выдающиеся в море наподобие носа. <...>

Горы вокруг Печоры называются «Semnoj Poyas», то есть «Пояс мира или земли» (Cingulus mundi vel terrae vocantur), ибо слово «poyass» по-русски значит «пояс» (cingulum).

От озера Китай получил имя великий хан китайский (magnus Chan de Chathaia), которого московиты называют царем китайским (Czar Kythaiski). «Хан» на татарском языке значит «король» (regem). А не «собака», как утверждают иные, а именно итальянцы, как если бы он звался «can» или «canis» [последняя фраза пошла от издания на старонемецком, в первом латинском издании её нет – П.М.]. <...>

У реки Печоры, о которой упомянуто в дорожнике, есть город и крепость Papin или Papinovogorod; жители его, говорящие на отличном от русского языка, называются Papini. За этой рекой простираются до самых берегов ее высочайшие горы, вершины которых вследствие постоянно дующего ветра совершенно лишены всякого леса и едва ли даже не травы. Хотя в разных местах у них разные имена, но вообще они называются «Поясом Мира» (Cingulum mundi). <...>

Московский князь Василий, сын Иоанна, в свое время посылал для исследования мест за этими горами и для покорения народов через Пермию и Печору двух начальников <...> князя Симеона Федоровича Курбского, <...> и князя Петра Ушатого. Из них Курбский в мою бытность в Московии был еще жив и на мои расспросы об этом предмете отвечал, что он потратил семнадцать дней на восхождение на гору и все-таки не смог одолеть ее вершины, называемой на его родном языке «Stolp», то есть «столп» (columna). Эти горы тянутся к океану до устьев рек Двины (Dvuinae) и Печоры (Petzora).

В числе прочего, «Дорожник Герберштейна» сообщает и о Лукоморье, впоследствии обретшем второе дыхание в «Руслане и Людмиле»:

Лукоморье (Lucomoryae) – приморская лесистая местность; тамошние обитатели живут не имея домов. <...>

Лукоморье лежит на горах за рекой Обью. Рассказывают, что с людьми из Лукоморья происходят удивительные <...> вещи: <...> каждый год и точно 27 ноября, в день, посвященный у русских святому Георгию, они умирают, а на следующую весну, к 24 апреля оживают <...> снова. <...>

Река Cossin вытекает из Лукоморских гор. <...> Другая река, Cassima, протеки через Лукоморье, впадает в большую реку Tachnin, за которой, говорят, живут люди чудовищного вида: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у других собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь. <...>

Есть в «Записках о Московии» информация и о ещё одном участке предполагаемого «Северо-Восточного Прохода». На этот раз информация мореходная. Она располагается в другом месте «Записок» – там, где Герберштейн пересказывает со слов очевидца («государева толмача» Григория Истома) историю плавания того по морю из Холмогор вокруг Кольского полуострова. Называется отрывок «По

Ледовитому или Замерзшему морю». Само плавание относится ориентировочно к 1496 году.

Ледовитое море простирается далеко за Двину вплоть до устьев Печоры и Оби. За ними, как говорят, против шведских и норвежских земель, лежит страна Энгранеланд (Engronelandt). Я слышал, что людям наших стран сноситься и торговать с ней мешают как высокие горы, которые вздымаются, покрытые вечными снегами, так и плавающий в море вечный лед, затрудняющий плавание и делающий его опасным, а также бурные ветры, потому-то она и неизвестна.

Отсюда, обогнув с трудом излучистый берег, который тянулся вправо, они прибыли к одному мысу, который называется Святым Носом (Sanctus Nasus). Святой Нос – это огромная скала, выдающаяся в море, наподобие носа. Под этой скалой видна полная водоворотов пещера, которая каждые шесть часов то всасывает море, то с большим шумом возвращает пучину, извергая ее обратно. Одни называют это пупом моря, а другие – Харибдой. Сила этого водоворота настолько велика, что он притягивает корабли и все прочее, находящееся поблизости, крутит их и поглощает. По словам толмача, он никогда не находился в большей опасности, ибо когда водоворот стал вдруг сильно засасывать корабль, на котором они плыли, то они едва спаслись, изо всех сил налегая на весла. <...>

Пройдя мимо Святого Носа, они прибыли к какой-то скалистой горе, которую надлежало обогнуть. После того как несколько дней их задерживали там противные ветры, корабельщик сказал им: «Эта скала, что сейчас перед вами, зовется Семес (Semes), и если мы не умилим ее каким-нибудь даром, то нам нелегко будет пройти мимо нее.

Образованный Григорий Истома поднял корабельщика на смех и тот не стал спорить. На следующий день ветер улегся и корабль благополучно обогнул скалу. И только тогда корабельщик признался, что тайно ночью ходил на скалу подносить ей дары. Иначе, пояснил он, это место пройти не удалось бы никогда.

Надо сказать, что приведённые Герберштейном сведения оказались не так уж и далеки от реальности. По Оби и Иртышу можно подняться до озера Зайсан, а по Оби – до Телецкого озера. И от того и от другого озера дорога в Китай уже вполне просматривается.

Итак, теоретические обоснования концепции Северо-Восточного Прохода малопомалу сложились.

К ним добавился и практический аргумент – правда, вряд ли отчётливо осознаваемый, но от этого не менее ощутимый. Дело в том, что как раз в это время, в начале XVI века, открылось некое «временное окно», сделавшее плавание по Северо-Восточному Проходу более реальным, чем раньше. Речь вот о чём.

В Европе уже несколько веков стоял к тому времени так называемый «малый ледниковый период» – период заметного похолодания климата (относительно многих предшествующих столетий). И вот как раз в XVI веке холода явно пошли на спад. Климат действительно стал теплее, по Темзе больше не катались на

коньках. Это потепление не означало (как выяснилось позднее) окончания «малого ледникового периода», это была лишь небольшая передышка, на несколько десятилетий. Так тем более – если уж и плыть, так плыть следовало прямо сейчас.

А тут ещё в 1547 году на английский престол взошёл новый король – юный и перспективный Эдуард VI, «Король-Надежда». При ком и вступать в новую эру открытий, как не при нём!

А тут ещё в Англию как раз вернулся, после десятилетий отсутствия, сам Себастьян Кабот, автор знаменитой карты Северной Америки (1544), исследователь Северо-Западного Прохода (1508, так и не найденного), сын легендарного Джона Кабота – человека, ступившего на Американский континент на год раньше Колумба и в 1497 году на корабле «Мэтью» открывшего «Новую Найденную Землю», Ньюфаундленд.

Всё сходилось одно к одному. Экспедиция по поиску Северо-Восточного Прохода в Китай не могла не состояться.

Сэр Хью Уиллоуби: 1553

И такая экспедиция состоялась.

10 мая 1553 года из Рэтклиффа, для открытия Северо-Восточного Прохода, на трёх кораблях в сторону Норвегии вышла экспедиция под командованием сэра Хью Уиллоуби (Hugh Willoughby).

Экспедицию эту подготовил Себастьян Кабот, он же и составил подробные инструкции на все случаи плавания. Не могу удержаться, чтобы не процитировать избранные места.

Командующий, генеральный штурман, капитаны, купцы должны быть так тесно связаны в единении, любви и согласии <...> чтобы между ними и матросами не могло возникнуть никакого несогласия.

Все отдельные курсы должны быть устанавливаемы после совещания <...> по неизменно единогласному решению вопроса, причем главный начальник во всех совещаниях будет иметь 2 голоса.

Весь флот должен держаться вместе и суда не должны отделяться одно от другого, поскольку это позволяет ветер и погода.

Библию и толкования следует читать с благочестивым христианским чувством во славу господя, чтобы униженной и сердечной молитвой мореплавателей заслужить его милости.

На корабле не должно быть ни богохульства, ни гнусных ругательств; среди судовых экипажей не должны быть терпимы сквернословие, непристойные рассказы и безбожные разговоры

Когда матрос или какое-нибудь иное лицо, едущее на корабле, будет нуждаться в одежде, то таковая должна быть выдана ему купцом по предписанию капитана, причем стоимость одежды должна быть записана в купеческую книгу по себестоимости без какой бы то ни было прибыли для купца и затем вычтена из жалованья.

С каждым народом и в каждой местности следует поступать обдуманно и не раздражать народы надменностью, насмешками и презрением; следует обращаться с ними осторожно и осмотрительно со всяческой вежливостью и любезностью.

Если вы увидите, что население носит львиные или медвежьи шкуры и имеет длинные луки со стрелами, не бойтесь этого вида, ибо все это носится больше из страха перед чужеземцами.

Могут встретиться люди, которые умеют плавать в море, в гаванях, в реках, наги, с луками и дротиками, стараясь приблизиться к вашим кораблям; если они увидят, что суда плохо стерегутся и охраняются, они возьмут их приступом, желая получить людские тела для еды. Если вы окажете им сопротивление, они нырнут и обратятся в бегство.

Все три корабля были добрыми – «Добрая Надежда» («Bona Speranza»), «Доброе Доверие» («Bona Confidentia») и «Эдуард – Доброе Предприятие» («Edward Bona-venture»). Среди экипажа были капитан Ричард Ченслер, штурман Стифен Бэрроу, матросы Уильям Бэрроу (брат Стифена), Артур Пэт и многие другие (до ста человек), согласно морскому обычаю. Было даже два хирурга, взятые на борт по пути.

Проходя мимо королевской резиденции в Гринвиче, эскадра дала троекратный залп во славу доброго 16-летнего короля Эдуарда, с чьим именем все связывали своё будущее (и который через 2 месяца скорострительно скончается от быстрой формы туберкулёза), и двинулась на север вдоль берегов Норвегии (юридически – Дании, ещё с Кальмарской унии, где Гамлет как раз тогда решал свои проблемы и в целом было неладно что-то).

То ли из-за встречных ветров, то ли из-за непрерывных совещаний (согласно инструкции), но плавание продвигалось не слишком споро. Шёл уже 80-й день экспедиции, а флотилия не достигла ещё даже Вардехуса, северной оконечности Скандинавии.

30 июля около норвежского острова Сийнэм произошёл сильный шторм, разметавший ночью корабли эскадры. Когда рассвело, «Добрая Надежда» и «Доброе Предприятие» обнаружили недалеко друг от друга, а вот «Эдуард – Доброе Предприятие» исчез. Больше они не видели его никогда.

Начался август, и два оставшихся корабля продолжили свой путь на северо-восток. Две недели несло их в открытом море по воле ветра, Бога (рекомендованного инструкцией) и крепкого морского слова (инструкцией запрещённого) – сначала по азимуту, потом по траектории, и наконец по инерции. На четырнадцатый день они увидели Землю.

Это место из дневника Уиллоуби я процитирую полностью.

14-го [августа 1553 – П.М.] рано утром мы увидели землю. Мы подошли к ней и спустили наш бот, чтобы посмотреть, что это была за земля. Но бот не мог подойти к берегу из-за мелководья и из-за большого количества льда. Однако на берегу не было видно никаких признаков жилья. Земля эта находится на широте 72° в 160 лигах к востоку с уклоном к северу от Сийнэма. После этого 15, 16 и 17 августа мы плыли к северу.

18-го ветер перешел к северо-востоку. В трюме «Конфиденции» появилась вода, и она накренилась. Мы сочли за лучшее поискать гавани, чтобы привести «Конфиденцию» в порядок, и прошли 70 лиг в юго-юго-восточном направлении.

После пяти дней движения на юг, экспедиция снова наткнулась на берег (это уже был материк) и пошла вдоль него назад, на запад. Людей на материке видно не было, но они тут, возможно, бывали – судя по «крестам и иным знакам» («by crosses, and other signs»). Погода всё портилась, в высоких широтах начиналась ранняя зима. 18 сентября корабли вошли в удобную бухту. Это был, как выяснилось позже, северный берег Кольского полуострова. После нескольких дней безуспешных поисков людей, было принято решение становиться здесь на зимовку.

Весной следующего, 1554 года, местные рыбаки обнаружили в бухте два вмёрзших в лёд диковинных корабля. На кораблях они насчитали 63 замёрзших тела. Все участники экспедиции погибли. На «Доброй Надежде» был найден дневник сэра Хью Уиллоуби, из которого и стала известна история открытия Новой Земли.

Данное событие отражено сразу в двух русских документах – «Холмогорской летописи» и в «Двинском летописце»:

Тое ж зимы [7063] приде весть царю великому князю от заморские корелы, сказали, что нашли они на Мурванском мори два корабля, стоят на якоре в становищах, а люди на них все мертвы, а товару, сказал, на них много. И царь князь великий приказа на Двину намеснику князю Семену Ивановичю Микулинскому, а велел ему послати людей лутчих двинян в лодьях к тем кораблем и, переписав товар, велел привести на Двину на Колмогоры. Князь же Семен Микулинской послал в лодьях на Мурванское море к кораблям лутчих людей с Колмогор, Фофана Макарова, да Михаила Косицина, да Онфилофья Посельского, да Омельяна Епихова. Они ж, шед в кораблех, товар переписав, взяли пушки, и пищали, и снасть корабленную и привезоша на Колмогоры. Князь же Семен Микулинской переписав весь быт корабленной и запечаташа.

(«Холмогорская летопись», список из «Погодинского древлехранилища» №1405, сделан во второй половине XVII века, л. 444 – 444 об. Запись практически того же содержания имеется и в «Двинском летописце», пространная редакция, СПбИИ, колл. 11, №32/II, л. 7. Цитирую по Полному собранию русских летописей, том 33)

Обстоятельства гибели экспедиции выглядели весьма странными. У очевидцев сложилось впечатление, что смерть постигла экипаж внезапно и одновременно. Сэр Хью будто бы сидел за рабочим столом с пером в руке; кто-то якобы замер, открывая шкаф; кто-то собирался поднять над головой фонарь, но так и не успел. Чуть ли собака не застыла в прыжке прямо в воздухе.

Последнее, впрочем, было результатом разыгравшейся фантазии, но во всём этом точно было что-то не то. Дрова не сожжены, продукты в наличии, одежд полные трюмы. Не похоже и на цингу, поскольку тогда бы имелись записи в судовом журнале о тех, кто ушёл раньше других. Не было найдено и никаких захоронений около кораблей. Причины гибели экспедиции так и осталось загадкой на долгие годы. Но пока хватит об этом.

То, что сэр Хью Уиллоуби открыл именно Новую Землю сейчас не вызывает никаких сомнений. Однако, в момент открытия это было далеко не столь очевидно.

Дело в том, что если моряки в то время умели определять широту своего местоположения ещё более-менее сносно (по углу наклона Солнца или определённой звезды в момент их наивысшего подъёма – каждый день разного в зависимости от даты), то способов надёжного определения своей долготы попросту не существовало. Так что долготу приходилось определять на глазок, по предположительно пройденному пути в предположительном направлении, а во многом – «по ощущению». На этом факте построен, кстати, сюжет романа Умберто Эко «Остров Накануне».

Так вот, новооткрытая земля, согласно дневнику Уиллоуби находилась на 72° северной широты, а вот на каком градусе западной долготы она лежала – было не очень понятно. Поэтому даже много лет спустя, когда с Новой Землёй уже более-менее определились, вместе с ней на картах значилась также и «Земля Уиллоуби». Со временем, когда стало окончательно ясно, что это и была Новая Земля, мифическая Земля Уиллоуби с карт исчезла.

Калькирование субстративной топонимии

Итак, 14 августа 1553 года, на корабле «Благая Надежда», сэр Хью Уиллоуби открыл Новую Землю.

Он, и именно он открыл Новую Землю – в строгом соответствии со значением слова «открыть».

И всё-таки, ещё раз – последний – зададимся животрепещущим вопросом: а может быть науке известны какие-нибудь иные «*homo sapiens*», которые пусть и не открыли, но хотя бы видели Новую Землю раньше сэра Хью?

Ответ тут однозначен: такие «*homo sapiens*» науке не известны. Никаких документов, равно как и иных доказательств этого предположения, не обнаружено.

Тогда другой вопрос: а можно ли полностью исключить вероятность, что такие «*homo sapiens*» теоретически существовали? А это уже другое дело. Полностью исключить такую вероятность нельзя. Более того, такую вероятность можно оценить даже, как достаточно высокую.

Говорить так позволяют два твёрдо установленных факта.

Факт первый: три года спустя после открытия Новой Земли сэром Хью, у её берегов были замечены отдельные поморские кочи (а вдоль материкового побережья между городом Колой и устьем Печоры – так даже и многочисленные). Причём для находившихся в них поморов плавание в этот регион на тот момент представлялось, с их собственных слов, достаточно рутинным. Из чего можно сделать предположение (вполне вероятное), что они бывали в этих местах и до сэра Хью.

Факт второй: эти поморы уже использовали на тот момент для обозначения острова специальное название – именно «Новая Земля», каковое и перешло затем сначала в английский, потом в голландский, а там и в остальные европейские языки.

Факты интересные. Но правомерно ли на их основании делать вывод, что представители отдельных поморских семей были первыми «*homo sapiens*», ступившими на Новую Землю? А вот это нет, из приведённых фактов данный вывод никоим образом не следует.

Документов по интересующей нас теме, как я уже говорил, не обнаружено никаких.

О существовании сколь либо достоверных археологических данных по региону также говорить пока рано.

Так что главным (и практически единственным) инструментом исследования нашей проблемы становится «топонимика», наука о географических названиях.

А топонимика – наука не точная. Это означает, что строго доказать с её помощью нельзя ничего. Зато она предлагает набор различных резонов, делающих ту или иную гипотезу более или менее вероятной.

А теперь о «резонах».

Резон первый. Поморы появились на территории своего последующего расселения не первыми. В частности, те земли севера Евразии, что непосредственно примыкают к Новой Земле, к моменту появления здесь первых славянских групп уже были заселены «самоедами» (ненцами). В «Повести временных лет», в записи за 1096 год (о событии предположительно 1114-го), в частности, читаем:

Сказа ми Гурята Роговичъ, новгородецъ, глаголя сице, яко «Послахъ отрока своего в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшу отроку моему к нимъ, и оттуде иде въ Угру. Угра же суть людье языкъ немъ и съседятъся съ *Самоедью* на полунощныхъ сторонахъ. Угра же рекоша отроку моему: «Дивно находимъ мы чудо ново, егоже несмы слышали преже сихъ летъ, се же ныне третье лето поча быти: суть горы заидуче в луку моря, имъже высота акы до небеси, и в горахъ тыхъ кличь великъ и говоръ, и секутъ гору, хотяще просечися.

Согласно наиболее принятой в настоящей момент теории, ненцы образовались в результате смешения автохонного (саамского) населения (их называют «сихиртя», «печера» и т.п.) с несколькими волнами самодийских народов, притекавших на север Евразии с Алтая в течение всего I тысячелетия в рамках Великого переселения народов. Первую из этих волн относят к II-IV векам (реакция на экспансию гуннов). Алтайские самодийцы были скотоводами (отсюда, видимо, и оленеводческий уклад ненцев), а полумифические «сихиртя» – охотниками на морского зверя. Итак, поморы здесь были не первыми.

Резон второй. Есть серьезные основания полагать, что русское название острова происходит от ненецкого его названия «Едэй Я», что в переводе и означает: «Новая Земля». Конечно, теоретически нельзя сбрасывать со счетов и возможность обратного заимствования (из русского языка в ненецкий), но это крайне мало вероятно. Так говорит наука, занимающаяся теорией возникновения и превращения географических названий – «топонимика».

То, с чем мы в данном случае имеем дело (а именно – буквальным переводом географического названия с одного языка на другой), в топонимике называется «калькированием». Когда два языка сталкиваются на одной территории, неминуемо происходит их взаимодействие в пространстве географических названий (островов, рек, озёр, гор, поселений). Это взаимодействие может протекать в самых различных формах, и одна из них – как раз «калькирование», буквальный перевод. А у калькирования в топонимии Русского Севера есть устойчивая закономерность – оно всегда происходит в одном направлении – с языка менее развитого («субстрата», в данном случае ненецкого) – на язык более развитый и «престижный», в данном случае русский. Вот первые приходящие на ум примеры:

- туркменский залив «Кызыл Су» («красная вода») – становится в русском языке городом «Красноводском» (теперь уже Туркменбаши, впрочем);
- качинско-хакасское поселение «Кызыл-яр Тура» («город красного яра») – городом «Красноярском»;
- вепсское озеро «Vaugenjarv» («белое озеро») – «Белым озером» (отсюда и город Белозёрск);

- башкирская река «Агизель» («белая вода») – рекой «Белой» (на Южном Урале);
- карачаево-балкарская гора «Бештау» («пять гор») – городом «Пятигорском»;
- турецкое море «Karadeniz» («чёрное море») – «Чёрным морем». Последний пример особо нагляден своей прозрачностью. Дело в том, что у тюркских народов существует жёсткая цветовая символика сторон света. Так Юг у них всегда – красный, Запад – белый, а Север – чёрный. Соответственно, Южное море по-турецки называется Kizildeniz («Красное море»), Западное море (то есть Средиземное) зовётся Akdeniz («Белое море»), а Северное море (относительно полуострова Малая Азия) – Karadeniz, то есть – как раз «Чёрное море». Всё просто.

А есть примеры и из интересующего нас региона:

- остяцкое поселение «Сугмут Ваш» («город берёз») – стал городом «Берёзов» (ныне разжалованным в посёлок, а в своё время был даже уездным городом, а ещё раньше – ключевым перевалочным пунктом через Урал);
- ненецкие горы «Нгарка Пэ» («большие камни») – дали «древнее» русское название Уральских гор – «Большой Камень». И так далее.

Примеры же обратного калькирования (с русского языка на язык-субстрат) привести затруднительно. Так,

- посёлок «Белый бор» – на языке коми не стал «Еджыд Яг» («белый бор»), а остался «Белой бор»;
- город «Устюг» («устье реки Юг») – на коми так и будет «Устюг», а вовсе не «Вом Юг» («устье реки Юг»);
- город «Архангельск» – на коми будет «Кардор» («город на краю»), а не, скажем, «Идог Кар» («Ангел-город»);
- «Пустозёрск» – на коми «Сардор» («царёва окраина»), а на ненецком «Санэр-Хард» («город на реке Санэр (т.е. Печоре)»), хотя здесь калькирование (будь оно возможно) напрашивалось бы само собой (что-нибудь типа «Куш Джуджыд» на коми и «Тёрси-Хасарё-Хард» на ненецком).

Подытожим второй резон. Если мы имеем два языка – титульный и субстрат, и имеем случай топонимического калькирования с одного из них на другой, то практически можно не сомневаться, что калькирование происходило с субстрата на титульный. То есть, в нашем случае – с ненецкого на русский. А это значит, что сначала остров назывался «Едэй Я», а уж потом это название было переведено на русский, став «Новой Землёй».

Теперь резон третий. Даже до открытия ненецкого происхождения названия острова, топоним «Новая Земля» вызывал у исследователей большие вопросы этимологического порядка. Если эта земля «новая», то у назвавших её должна где-то быть земля «старая». Причём «быть» не в умах (или сердцах), а в реальном топонимическом пространстве. Иначе говоря, должен существовать географический

объект, так и называющийся «Старая Земля» или хотя бы просто «Земля». Но такой объект, увы, не известен.

Ненецкое же происхождение названия острова («Едэй Я») этот вопрос снимает. Как мы помним, самодийские племена (ставшие потом ненцами), текли под давлением гуннов с Алтая, вдоль рек Западной Сибири – пока не упёрлись в бескрайний океан. Здесь земля кончалась. И эта земля так и была ими названа – «Конец Земли», по-ненецки – «Я Мал». Через какое-то время ненцы открыли в океане новую землю, уходящую далеко на север. И для этой новой земли название «Едэй Я» («Новая Земля») стало более чем естественным.

Таким образом, мы имеем все резоны в пользу того, что некие ненецкие группы узнали о Новой Земле раньше, чем некие поморские кланы.

Но были ли в свою очередь ненцы здесь самыми первыми? Тоже не факт. Ведь мы совсем забыли о полу-мифических «сихиртя», которые как раз являлись морскими зверодобытчиками – а, значит, им и флаг в руки в открывании прибрежных островов.

А теперь вспомним, что уже вроде бы на подходе археологические данные о новоземельских стоянках человека раннего неолита. В свете чего вопрос о «самых первых» представителях «*homo sapiens*», увидевших Новую Землю, опять повисает в воздухе.

Но пора нам спуститься с блаженных небес допущений на суровую землю фактов. А факты таковы: Новую Землю открыл сэр Хью Уиллоуби 14 августа 1553 года, приплыв на корабле «Добрая Надежда» из Рэтклиффа.

Бэрроу: 1556

Помните третий корабль флотилии Уиллоуби, «Эдуард – Доброе Предприятие», который 30 июля 1553 года унесло штормом и который сэр Хью и его спутники больше так никогда и не увидели?

Этот корабль, под командованием Ричарда Ченслера, не погиб. Унесённый штормом, он попытался воссоединиться с остальными двумя кораблями, но безуспешно. Тогда, согласно инструкции, он продолжил один движение на восток вдоль берега.

Так Ченслер попал в Белое море, обнаружил там людей и, ввиду приближения холодов, зазимовал в устье Северной Двины. Весной следующего, 1554 года «Эдуард – Доброе Предприятие» благополучно возвратился в Лондон. Штурманом на этом корабле был Стифен Бэрроу (Stephen Burrough, Steven Borowgh).

Два года спустя, 23 апреля 1556, Стифен Бэрроу уже в качестве капитана пинассы (даже не корабля) «Искатель» («Serchthrift»), вышел из того же Рэтклиффа, чтобы продолжить дело открытия Северо-Восточного Прохода в Китай.

Наученный горьким опытом Уиллоуби, Бэрроу действовал как беспромедлительно (чтобы не затянуть до зимы), так и осторожно (чтобы не занесло неизвестно куда). Пинасса шла строго вдоль берега, при любой возможности вступая в общение с местным населением. Обнаружилось, что начиная с посёлка Колы (Мурманск) и до устья реки Печоры наблюдается достаточно активное движение поморских людей. Бэрроу разговаривает с кормчими, обменивается подарками, принимает их на борту своей маленькой пинассы (которая представляется поморам гигантским морским лайнером), угощает винными ягодами и проч.

В своём журнале Бэрроу поминает кормчего Фёдора («Master Pheodor»), кормчего-«дворянского сына» Кирилла из Холмогор (Keril, Colmogro), кормчего (без имени) с Печоры (Pechoга), кормчего-поповича Гавриила из Колы (Gabriel, Cola) и других.

Контакт с поморами установился хороший, особенно с Гавриилом, который просто опекал Бэрроу, показывая мели, одалживая снасти и т.п. Вообще, поморы восприняли английскую пинассу очень позитивно, угощали экипаж свежими хлебами, рыбой, птицей, медовухой (Meade), пивом (beere) и, конечно, водкой (Aquavitaе). Была даже некоторая конкуренция за внимание к ним Бэрроу, вплоть до небольшой драки на этой почве, но в рамках разумного. Бэрроу видит самолично самоедов (Samoeed), один даже поднимается к нему на борт.

Так, в компании поморских кочей, Бэрроу доходит до устья реки Печоры. Оттуда, уклоняясь ото льдов, он отходит в открытое море, на север. Тут происходит инцидент с китом, чуть было не закончившийся плохо.

25 июля <...> к вечеру мы увидели чудовищного кита так близко от нашего борта, что можно было бы вонзить в него меч или какое-нибудь другое оружие. Но мы не посмели этого сделать из боязни, что он опрокинет наш корабль. Я созвал весь мой экипаж; все мы стали кричать, и от этого крика он удалился от нас. Часть его спины, возвышавшаяся над

водою, была величиною со всю нашу пинассу, а погружаясь, он произвел страшный шум.

Однако, благодарение богу, мы спокойно избавились от него. Немного времени спустя, мы заметили какие-то острова; подойдя к ним, нашли хорошую стоянку.

26-го, в воскресенье, мы стояли на месте вследствие сильного ветра.

27-го, в понедельник, я съехал на берег и измерил широту, которая оказалась в 70° 42'.

Это и была Новая Земля, но Бэрроу пока этого не знает. А дальше было вот что.

Во вторник, 28-го, мы плыли к западу вдоль берега при северо-западном ветре. Я уже собирался стать на якорь, как увидел парус, выбегавший из-за мыса <...>. Я послал шлюпку навстречу; <...> и начальник русской шлюпки сказал, что он был вместе с нами на реке Коле и что мы проехали мимо дороги, которая ведет на Обь (Ob). Земля, у которой мы находились, называется «Нова Зембла», то есть «Новая Земля» («This land, said he, is called Nova Zembla, that is to say, the New Land»). После этого он подъехал к нашему кораблю и, войдя на борт, повторил мне то же самое и добавил, что на этой Новой Земле находится самая высокая, по его мнению, гора в мире и что Большой Камень (Camen Boldshay, Уральские горы), находящийся на Печорском материке, не идет в сравнение с этой горой. Я, впрочем, сам её не видал.

<...> Он подарил мне 17 диких гусей и сообщил, что четыре их лодки были отнесены ветром от Канина Носа (Caninoze) к Новой Земле. Имя этого человека было Лошак (Loshak).

Эти строки в журнале Стифена Бэрроу – первое а истории документально подтверждённое упоминание названия острова – «Nova Zembla», 28 июля 1556 года.

Бэрроу поворачивает на юг к проливу между Новой Землёй и материком и весь остаток лета с переменным успехом борется со льдами, что несёт через пролив из Карского моря в Баренцево. Он первым описывает самоедских идолов, самолично виденных им на острове Вайгач.

1-го [августа], в субботу, я съехал на берег посмотреть трех убитых русскими моржей. Небольшой клык они ценили в рубль, а за шкуру белого медведя просили 2 или 3 рубля. Они рассказывали, что здесь, на главном острове, живет народ, называемый самоедами. Самоеды враждебно относятся к русским и так же отнеслись бы и к нам, англичанам. У них нет домов, а только палатки из оленьих шкур, укрепленные снаружи шестью; они прекрасные охотники и владеют большими стадами оленей.

3-го, в понедельник, подняв якорь, мы подошли к другому острову в 5 лигах к в.-с.-в. от нас. Там мы снова встретили Лошака и съехали вместе с ним на берег. Он повел нас к самоедским идолам. Число их было более 300, самой плохой и неискусной работы, какую я когда-либо видел. У многих из них глаза и рты были вымазаны кровью; они имели

грубо сделанный облик мужчин, женщин и детей; то, что было намечено из других частей тела, также было обрызгано кровью. Некоторые из их идолов были не чем иным, как старыми кольями с двумя, тремя нарезками, сделанными ножом. <...> Перед некоторыми идолами были сделаны плахи высотой до рта идола; все они были в крови, и я подумал, что эти плахи служат жертвенниками.

Присутствовавший при этом Лошак сказал мне, что здешние самоеды не такие опасные, как обские; что у них нет домов – я действительно не видел ни одного – а только палатки из оленьих шкур, которые они подпирают кольями и шестами. Их лодки также сделаны из оленьих шкур; они переносят их к морскому берегу на своих плечах; для своих сухопутных перевозок они могут пользоваться только оленями. Что касается хлеба и зерна, то у них их совсем нет, за исключением того, что привозят к ним русские; их развитие очень низко, так как они грамоты не знают.

Тут уместно сказать пару слов о происхождении названия народа «самоеды» (то есть – ненцы). Название колоритное и отчасти устрашающее. То есть они настолько лютые людоеды, что если не удаётся поймать мякотелого чужеземца, то сами себя едят. Эта версия названия обсуждалась в учёном мире с момента первого упоминания самоедов. Вызывая, впрочем, у реальных путешественников определённые сомнения, ибо ни единого случая само-едения у самоедов ими зафиксировано так и не было.

Объясняется же всё просто. Происхождение названия «самоеды» – классический случай так называемого «ономастического переосмысления». Так деликатно называют механизм, когда какое-то название из чужого языка заменяется сходным по звучанию, но понятным словом языка своего. Вот хрестоматийные примеры ономастического (в частном случае – топонимического) переосмысления:

- тюркское «Сары су» («жёлтая вода») – превратилось в русский город «Царицын»;
- бурятские «Яблан дабаан» («перевальный хребет») и собственно «Бурятский» острог – стали забайкальским «Яблоневым хребтом» и городом «Братском» соответственно;
- монгольское «Амур Хара-Мурэн» («большая чёрная река») – стало рекой любви «Амур». Любопытно, что само монгольское название реки является в свою очередь «топонимической калькой» китайского названия «Хэйхэ» («чёрная река»). А река эта у китайцев «чёрная», поскольку по китайской цветовой символике сторон света «чёрный» означает «северный» (также как и у тюрков). То есть «Хэйхэ» (Амур) есть ничто иное, как «Северная река» (что для китайцев полностью соответствует действительности).

Так вот, точно также и приуральские «саамы» с лёгкой руки русского языка превратились в «самоедов», пугая своим именем одиноких странников.

Но вернёмся к Стифену Бэрроу. Наступает сентябрь и Бэрроу благоразумно поворачивает назад. 11 сентября он приходит в Холмогоры, где и зимует с тем, чтобы по весне продолжить поиск морского пути на Обь. Однако, весной он получает

другой приказ – отправиться на поиск пропавших три года назад кораблей Уиллоуби, к чему он и приступает.

Как и в первом плавании ещё под командованием Уиллоуби, так и в данной экспедиции, Стифена Бэрроу сопровождал его младший брат, Уильям. И именно Уильяму Бэрроу принадлежит честь составления первой в истории карты Новой Земли (фактически южной оконечности), составленной на основе личного опыта.

[Илл. 02-05-01-1. Карта Уильяма Бэрроу, ориентировочно 1557. Сохранилась в составе атласа: «Lord Burghley's Atlas», Christopher Saxton, London, 1579. Британская библиотека, Royal MS, 18 D. III., f. 124.]

[Илл. 02-05-01-2. Там же. Фрагмент. «Nouo Zemla».]

Эту карту можно предположительно датировать 1557 годом, хотя опубликована она была позже.

Пэт и Джекмен: 1580

А помните, был ещё один матрос в экспедиции Уиллоуби, Артур Пэт?

27 лет спустя, в звании капитана корабля «Джордж», вместе с капитаном корабля «Уильям» Чарльзом Джекменом, он отправился искать Северо-Восточный Проход в Китай через «пролив Бэрроу» с юга омывающий Новую Землю. Главный козырь их экспедиции – карта Уильяма Бэрроу, по экземпляру которой оба капитана получили на руки от организаторов предприятия. А сверх того – набор чётко разработанных инструкций.

Основная инструкция предписывала идти вдоль северного берега Евразии прямоком в Китай. Если не получится за одну навигацию, то зимовать где придётся, и весной продолжать путь. Если берег будет отклоняться на север далее 80-85 градусов, то следует вернуться в устье Оби и там зимовать. Если Обь окажется судоходной, то по весне подниматься по ней до «города Сибирь». Если же Обь окажется мелкой, то следует возвращаться назад в Англию вдоль западного берега Новой Земли с целью выяснить, соединяется ли она с Землёй Уиллоуби (на тот момент ещё не отменённой).

На карту была пока что достоверно нанесена только самая южная оконечность Новой Земли. Как эта суша идёт дальше на север, и не погибает ли она где опять на юг, было неизвестно. Поэтому другая инструкция гласила.

Что касается протяжения Новой Земли к востоку за пределы полярного круга в более умеренный пояс, то <...> если на протяжении Новой Земли можно найти умеренный климат, землю, производящую лес, пресную воду, посевы и траву и море, в котором водятся рыбы, то мы можем сесть на этом материке излишки нашего народа, как это делают португальцы в Бразилии.

Итак, 30 мая 1580 года Пэт и Джекмен начали плавание. У берегов Новой Земли они впервые оказались 10 июля и увидели там «прекрасный пролив или реку; углубление далеко уходило внутрь страны и разветвлялось надвое или натрое, с островом посередине». Но исследовать «прекрасный пролив или реку» им не удалось, поскольку скоро они были отёрты льдами в открытое море.

Однако обоим кораблям удалось (впервые) пробиться через пролив с юга от Новой Земли и попасть в Карское море. Где они около 3 недель отчаянно боролись со льдами, даже швартуясь временами у плавучих льдин. Но пробиться к Оби по морю так и не удалось. В конце августа оба корабля повернули назад, потеряв на обратном пути друг друга из виду. Корабль Артура Пэта 31 декабря вошёл в Темзу, а Чарльз Джекмен зазимовал в одном из Норвежских портов. Следующей весной он, согласно сообщениям, вышел в море в неизвестном направлении. Больше никто о нём ничего не слышал.

Итак, «Джордж» и «Уильям» капитанов Пэта и Джекмена стали первыми в истории мореходства кораблями, которые смогли обогнуть с юга Новую Землю. А вот обойти затем по морю полуостров Ямал не получилось даже у них.

Хочется привести выдержку из ещё одной экспедиционной инструкции. На этот раз речь идёт о подборе необходимых вещей, которые следует привезти из Китая и которые следует везти в Китай.

Из Китая, согласно инструкции, следует привезти всего три вещи:

Семена груш и яблок, а также – косточки плодов, какие вы там найдете. Привезите также семена всех неизвестных трав и цветов; такие семена плодов и трав из другой части света, столь отдаленной, доставят наслаждение воображению многих лиц как своим необычайным видом, так и потому, что они могут расти и доставлять наслаждение долгое время.

Карту той страны.

Какую-нибудь старую печатную книгу, чтобы узнать, правда ли, как некоторые пишут, что там умели печатать раньше, чем это изобретено в Европе.

В Китай же следует везти много чего. Список длинный, но из песни слов не выкинешь, всё нужное. Итак, на борт грузим:

Каразеи всех восточных цветов, особенно – красного, тонкое сукно также восточных цветов.

Фризады, пестрые материи, грубые фризовые, испанские покрывала, гарус всех цветов, особенно красного, крученую пряжу, пеньковую материю, саржу, молескин, фланель, сатин и т. п.

Войлоки различных цветов.

Шляпы из тафты.

Глубоко сидящие матросские шапки, окрашенные в красное.

Стеганные ночные колпаки из левантийской тафты разных цветов.

Шелковые вязаные чулки восточных цветов.

Вязаные чулки из джерсэйской шерсти.

Чулки из каразеи разных цветов для мужчин и женщин.

Шелковые подвязки разных сортов и цветов.

Пояса из буйволового и иной кожи с позолоченными и незолочеными пряжками, особенно же – мягкие пояса, и в частности – мягкие пояса из бархата.

Перчатки всех сортов, вязаные и кожаные.

Перчатки надушенные.

Шнурки из всех сортов шелка, шнурки ниточные и кожаные всех цветов.

Обувь испанской кожи разных цветов и длины с разрезами и без разрезов.

Обувь из других сортов кожи.

Бархатные башмаки и туфли.

Кошельки вязаные и кожаные.

Ночные колпаки вязаные и прочие.

Набор оловянной посуды для образца и продажи этого английского товара: бутылки, фляжки, ложки и другие предметы из этого металла.

Стекло английского изделия.

Венецианское стекло.

Зеркала для женщин, большие и красивые.

Маленькие часы, в небольшом количестве – на пробу, поскольку там они могут не иметь того значения, какое имеют здесь.

Очки обыкновенные.

Очки хрустального стекла, в серебряной и иной оправе.

Часы песочные.

Гребни из слоновой кости, буксуса и роговые.

Белье разных сортов.

Платки карманные, шитые шелком, разных цветов.

Очки с простыми стеклами от пыли для езды.

Ножи в ножнах, простые и двойные, с хорошими лезвиями.

Иголки большие и малые, разных сортов.

Пуговицы крупного и мелкого размера с кожаными, но не с деревянными формами, обшитые для прочности крученым шелком разных цветов.

Ларцы-шкатулки с весами для взвешивания золота и золотые монеты всякого рода, плохие и хорошие, чтобы показать, что здесь у нас употребляют вес и меры, что указывает на знания и на определенный порядок в правлении, существующий у нас.

Все английские серебряные монеты и показать правителям Камбалу; это – такие предметы, которые без слов скажут умным людям больше, чем вы думаете.

Замки, ключи, пружины, болты, засовы и т. д., большие и малые – образцы отличного мастерства.

Если вы приедете в Камбалу или Квинсэй, а не к дикарям, то следует прежде всего зажечь под люками самые нежные ароматы, дабы сделать место угощения приятным к приезду гостей. Для угощения влиятельных людей на корабле следует взять:

Мармелад, конфеты, прессованные винные ягоды, изюм.

Разные фрукты, варенные в сахаре; это дело следует поручить опытному лицу, чтобы они не разварились.

Дамасские сливы, сушеные груши, орехи разных сортов и миндаль.

Оливки, дабы вкуснее показалось вино.

Яблоки «Джон», сохраняющиеся два года, чтобы показать качество наших фруктов.

Стручки, крепкое вино.

Флаконы и бутылочки с хорошими духами должны быть приготовлены для того, чтобы опрыскать гостей, когда они войдут на борт.

Сахар для подачи к вину, буде гости того пожелают.

Нежное оливковое масло с острова Занте, отличный французский уксус и бисквиты хорошего сорта, смоченные в этом масле и уксусе, составляют прекрасное угощение, которое, если положить в него немного сахара, прохлаждает, подкрепляет и освежает душу человека.

Коричная вода и императорская вода.

Вы можете делать подарки, оделяя людей мармеладом в маленьких коробках и маленькими флаконами нежных духов.

Карту Англии, раскрашенную в яркие цвета, и, я советую, самого большого размера, чтобы показать страну, откуда вы приехали.

Возьмите также большой план Лондона, чтобы показать и свой город. Пусть на реке будет нарисовано множество всякого вида судов.

Атлас Ортелиуса, где можно увидеть все страны.

Книга с нарядами всех народов.

Книги, в которых изображены травы, растения, деревья, рыбы, птицы и звери здешних стран – это может привести в восхищение великого хана, знать и тамошних купцов, когда они все это увидят. Все здешнее так сильно отличается от того, что имеется там; а так как они не могут из-за дальности расстояния приехать сюда, то для них будет наслаждением увидеть все, хотя бы в отражении.

Книга цен – для того, чтобы было возможно отметить цены всех внесенных в эту книгу товаров, какие вы будете иметь случай найти в Камбалу.

Пергамент

Клей

Красная охра для живописцев

Мыло обоих сортов.

Шафран

Водка. Новые усовершенствования позволяют производить ее здесь в громадном количестве; поэтому надо искать сбыта.

Черные кроличьи шкуры

Нитки

Медные шпоры и колокольчики для соколов

Семена для продажи

Свинец первой плавки

Свинец второй плавки из шлаков

Английское железо, железная и медная проволока

Сера

Сурьма. Следует узнать, достаточно ли широко пользуются там сурьмой. Мы можем нагрузить ею целые флоты, а сами совершенно не употребляем ее, за исключением незначительного количества при литье колоколов и некоторого количества, употребляемого алхимиками. В аптеках можно достать два сорта сурьмы.

Зажигательные коробочки со сталью, кремнем, фитилями и трутом, фитили можжевеловые во избежание вреда от серы

Восковые свечи для освещения.

Расписные раздувательные меха

Чугун

Все виды острых орудий

Берите с собой товары только безукоризненного качества. Хорошее качество товаров, привезенных в первую поездку, вселит к ним доверие и на будущее время. Фальшивый и обманный товар навлечет пренебрежение и вселит дурное мнение не только о вас, но и о ваших товарах.

При выборе китайских книг для доставки в Лондон, я бы со своей стороны порекомендовал Пэту и Джекмену поискать на нанкинских книжных развалах роман «Путешествие на Запад» с неподражаемым Сунь Укуном, а также «Цзинь, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе») в переводе Эгертона (шутка. Манухина, конечно). Последний роман был как раз в то время литературной новинкой и активно ходил по всему минскому Китаю в рукописных копиях. Главный герой – «крепкий хозяйственник» Симэнь – как нельзя лучше вписался бы в концепцию Северо-Восточного Прохода. Действительно, единственное узкое место на северном пути из Англии в Китай – это восточный пролив «Карские Ворота» между Новой Землёй и материком. С китайской точки зрения этот пролив является, разумеется, никакими не «восточными» воротами, а наоборот – проливом «Западные Ворота». Что по-китайски и будет – «Симэнь» («хí мей», «западные ворота»).

Цитируемую выше инструкцию для экспедиции Пэта и Джекмена по открытию Северо-Восточного Прохода писал некто «Ричард Хаклюйт из Итона в графстве Хирфорд, эсквайр».

Хаклюйт: 1589

Наконец я дошёл в своём обзоре до первого персонажа, который, внося большой личный вклад в дело Новой Земли, сам на ней никогда не был.

Откуда, вы думаете, известно столько подробностей об экспедициях Уиллоуби, Бэрроу, Пэта, Джекмена и многих других? А вот откуда: от Хаклюйта.

Все авторы до единого (и я не исключение) черпают свои познания о первых открытиях на Новой Земле из одного и того же источника – книги документов «The Principal Navigations...» Ричарда Хаклюйта (Richard Hakluyt). Если кто не пересказывает Хаклюйта – значит он пересказывает тех, кто его пересказывает.

Ричард Хаклюйт (в русской исторической традиции – Гаклюйт) родился в год открытия Новой Земли. То, с чем он вошёл в историю, было скорее его хобби, чем профессия. С детских лет и на всю жизнь страстью Хаклюйта стали истории и документы, связанные с путешествиями и открытиями.

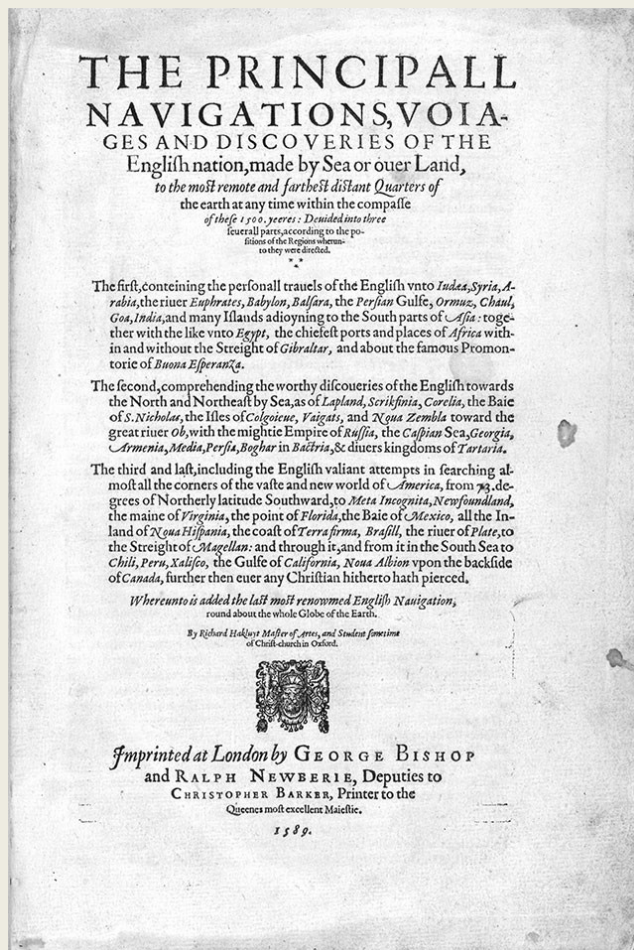
Сам он путешественником не стал. В ту пору открывателей хватало и без него, вся нация буквально помешалась на экспедиционных стартапах. Появились невиданные ни до ни после социальные лифты, карьеры делались стремительно и безоглядно. Юнга через год становился капитаном, капитан через год делался адмиралом.

В таком открывательском угаре, где все пуще смерти боялись только одного – опоздать, было не до летописания и кабинетного документирования.

Но со временем самые жирные сливки открытий оказались сняты, экспедиционный ажиотаж улегся, наваждение спало, пена осела – и тут обнаружилось, что всё, что осталось от британской эпохи Великих Географических Открытий – это Ричард Хаклюйт. Точнее, его великий труд «The Principal Navigations...».

Хаклюйт ничего не выдумывал. Он собирал документы, интервьюировал участников бесчисленных экспедиций, записывал воспоминания (сами морские волки были выше этого), уточнял в повторных интервью (как личных, так и по переписке) неясные детали и противоречивые факты, снимал копии карт и чужестранных пергаментов – короче фокусировал в одном месте (своём кабинете) все знания, что в огромных количествах производила, не слишком ценя их, нация.

В 1589 году Хаклюйту пошёл 37-й год и он издал книгу «The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of English Nation», 864 страницы in folio. В книге были систематизированы и опубликованы документы, касающиеся географических открытий, сделанных англичанами за последний век.

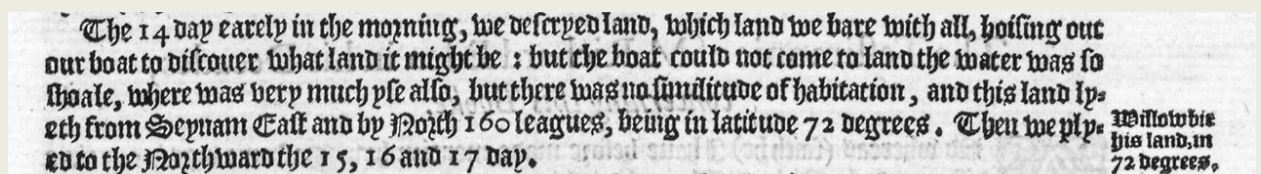
[Илл. 02-07-01-1. Ричард Хаклюйт, «The Principal Navigations...», 1589. Титульный лист.]

Книга Хаклюйта стала просто бомбой. Она мгновенно и навсегда получила статус «национального географического эпоса». Забросив все свои дела, всё население читало эту книгу взапой, от первой встречной Елизаветы – до буквально последнего Шекспира. Буквально, ибо влияние книги Хаклюйта на видение мира великим драматургом установлено текстуально.

С некоторой долей преувеличения можно сказать, что не было бы Хаклюйта – не стало бы Империи.

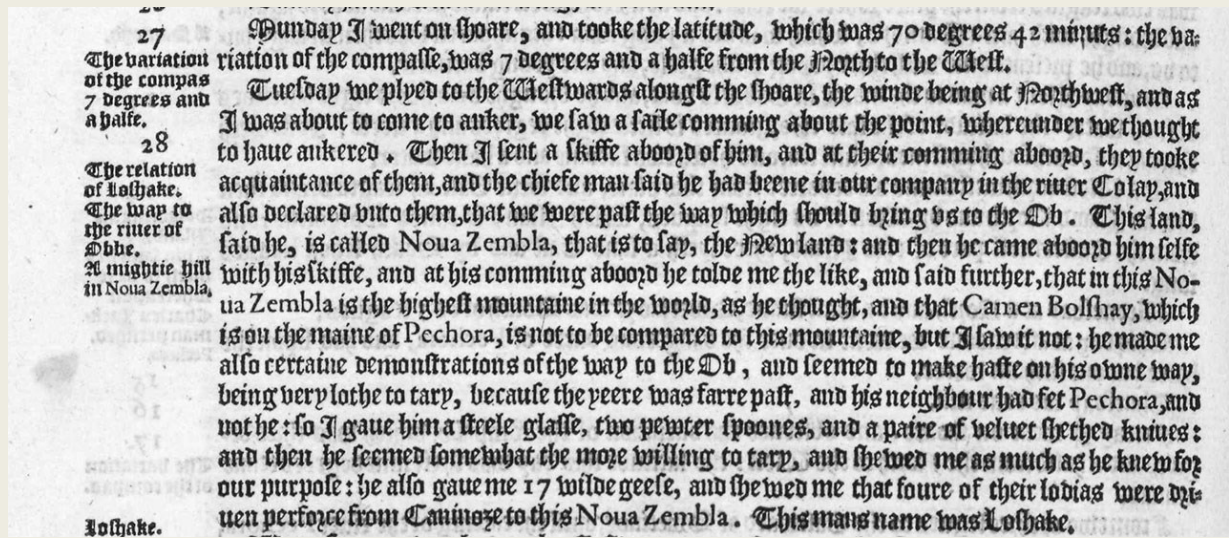
В предыдущих разделах мы говорили об открытиях Уиллоуби, Бэрроу, Пэта и Джекмена. Хотите посмотреть, как всё это выглядело в первоисточнике? Пожалуйста. Открываем «The Principal Navigations...».

Хью Уиллоуби, страница 269 Хаклюйта:

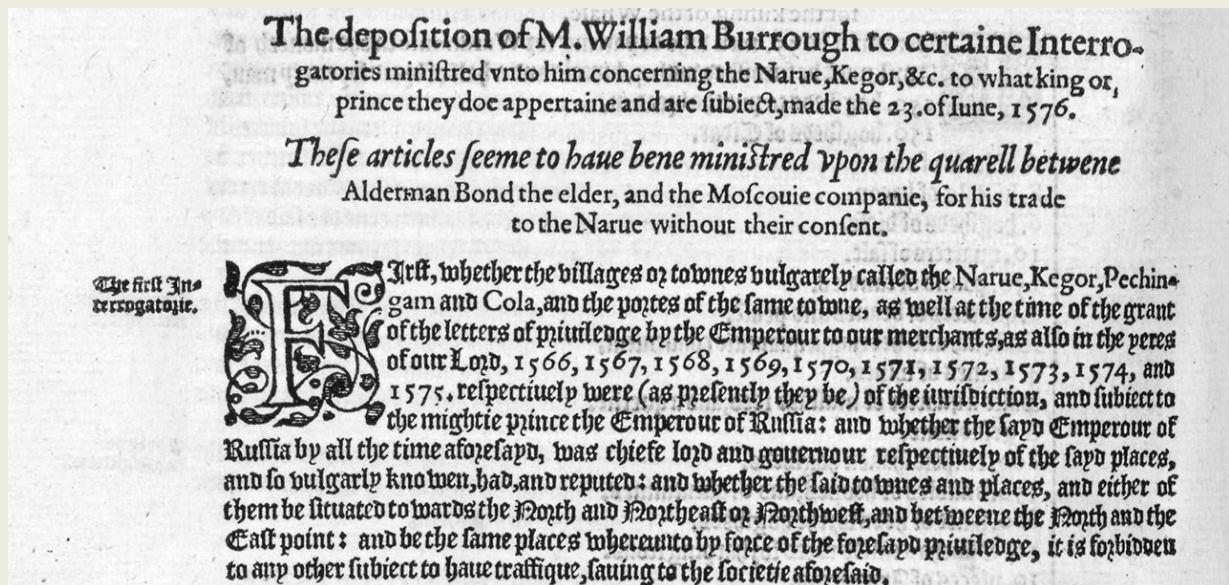
[Илл. 02-07-02-1. Там же, с. 269.]

А вот Стифен Бэрроу, страница 318:

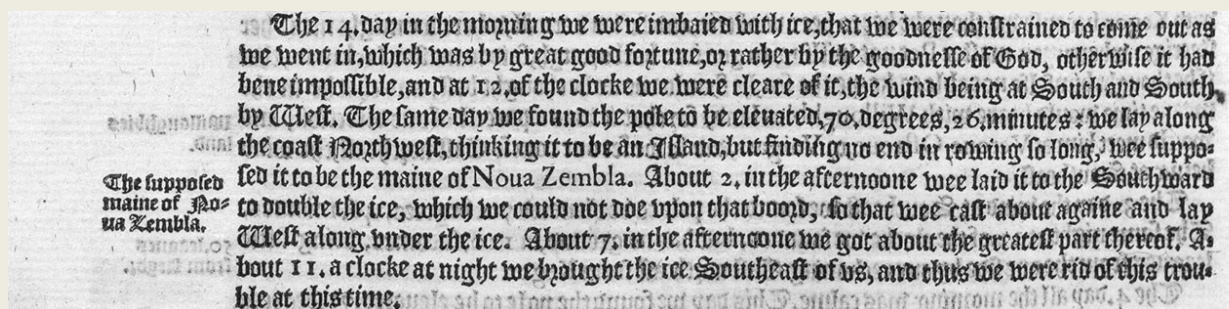
[Илл. 02-07-03-1. Там же, с. 318.]

Или его брат, Уильям Бэрроу, страница 438:

[Илл. 02-07-04-1. Там же, с. 438.]

Ну и Пэт и Джекмен, страница 468:

[Илл. 02-07-05-1. Там же, с. 468.]

Кроме собственно содержания, в книге Хаклюйта поражает составительский и редакторский уровень издания. Тщательно продуманная систематизация материала, чёткое членение по разделам, детальное оглавление в начале, поисковые индексы в конце, приложенная для наглядности карта, удобные колонтитулы, анонсы каждой главы после её заголовка, сжатые комментарии и резюме на полях, да и просто – внятная и чистая вёрстка. Это, если кто забыл, 1589 год.

В книге Хаклюйта собственно Новой Земле отведена хорошо если одна сотая часть. При этом большую часть того, что мы знаем о ранней истории острова, мы знаем именно от Хаклюйта.

Все имеющиеся у Хаклюйта документы в один, хоть и толстенный, том 1589 года, понятно, не вошли. Не вошли они и в 3 тома значительно расширенного 2-го издания 1598-1600 годов. А Хаклюйт всё продолжал собирать документы и встречаться с очевидцами. Но третьего издания не случилось. 23 ноября 1616 года, в один год с Шекспиром, Ричард Хаклюйт умер.

По смерти Хаклюйта некоторая часть его абсолютно неисчерпаемых архивов перешла в руки некоего Сэмюэля Пёрчеса (Samuel Purchas), ещё что-то осело в хранилищах Оксфорда. А всё остальное, никому не нужное, расплылось в пространстве.

В Вестминстерской регистрационной книге, в записи о смерти Хаклюйта была допущена описка – год смерти там ошибочно указан как 1626. Описка, как мы увидим, вещь.

Баренц: 1594-97

О великих, безо всяких преувеличений, путешествиях Виллема Баренца написано столько исследований, что мне как-то неудобно рассказывать здесь и так всем известное. Ограничусь тезисами.

Но начну с цитаты из дневника Геррита Де Фера (Gerrit De Veer), соратника Баренца по двум его последним плаваниям.

Меньше всего надо смеяться над человеком, пытающимся осуществить то, что кажется невозможным; наоборот, осмеяния заслуживает тот, кто по лености не хочет ничего предпринять.

Никто не должен тяготиться испытываемыми им трудами и препятствиями, если даже желанная цель достигается не после первого плавания, а только после второго, третьего или еще более позднего.

А теперь о самих плаваниях. Их было три, три года подряд: летом 1594, летом 1595 и (самое длинное) с весны 1596 до осени 1597 года.

Для нашего знания Новой Земли плавания Баренца стали самыми важными экспедициями за всю историю, и до и после. До Баренца добывались отрывочные сведения, после Баренца речь шла лишь об уточнении отдельных деталей. До Баренца о Новой Земле было по большому счёту известно лишь то, что она существует (остров? архипелаг? новый континент? мыс нового континента? – одно слово – «земля»).

Все плавания были официальными экспедициями. Первые две – правительства Нидерландских Объединённых Провинций (3 и 7 кораблей соответственно), последняя – города Амстердама (2 корабля).

Виллем Баренц ни одной из этих экспедиций не руководил. В первых двух он был капитаном одного из судов, в третьей – штурманом на корабле капитана Якоба Хемскерка (Jacob van Heemskerck).

Ключевая роль Баренца во всех трёх экспедициях не подвергается исследователями ни малейшему сомнению.

Все три экспедиции с коммерческой точки зрения оказались безнадежно провальными, с общечеловеческой, цивилизационной – абсолютно успешными.

Ход плаваний тщательно документировался. Самым ярким и подробным из этих документов является «Дневник Геррита Де Фера» («*Diarium nauticum*» латинского издания), описывающий все три экспедиции (первую – с чужих слов, две последние – из личного опыта). Третье, самое важное, плавание Баренца в дневнике Де Фера описано день за днём, без каких-либо пропусков.

Теперь немного о ходе самих плаваний.

Плавание первое, 1594

Идея плавания возникла не на пустом месте. Она зиждилась, как на Вселенской Черепахе, на мощи голландской картографии, достигшей к тому моменту невероятных успехов. Можно даже конкретизировать образ, подняв его ещё на одну ступень. Идея зиждилась конкретно на трёх слонах – трёх великих голландских картографах – Герарде де Йоде, Питере Планции и Герарде Меркаторе. Запомните эти имена, к ним мы ещё вернёмся.

Итак, из разных городов Нидерландов в 1594 году выходят три корабля плюс небольшая «лодка». Цель – найти Северо-Восточный Проход в Китай. Одним кораблём командует Корнелиус Най, другим Брант Избрантсон, третьим – Виллем Барнец.

Намечено два разных пути. Най и Избрантсон должны обходить Новую Землю с юга (уже известно, что проход там физически существует). А Барнец должен попытаться обойти Новую Землю с севера. На тот момент это ещё большой вопрос, возможно ли такое в принципе. Поскольку половина учёных считает, что Новая Земля соединяется на севере с Гренландией. Никто не проверял.

У берегов Кольского полуострова корабли планово разделились. Най и Избрантсон двинулись к южной оконечности Новой Земли. Там они успешно прошли проливом Югорский шар в Карское море и поплыли по нему дальше – пока не упёрлись в берег. Там они увидели устье какой-то большой, как им показалось, реки, откуда берег резко поворачивал на север. Най и Избрантсон решили, что река эта Обь, а берег, уходящий к северу – начало легендарного «мыса Табин», за которым, по утверждениям древних, берег должен резко повернуть на юг и вести напрямиком в Китай. Однако время было уже позднее, поэтому (здесь и далее цитирую по дневнику Де Фера):

Они считали, что открыли уже достаточно и что пора возвращаться, тем более, что им было поручено только отыскать удобный путь и к зиме вернуться домой; поэтому они и повернули к проливу Вайгач, причем попали к острову <...> и на нем нашли они много камней горного хрусталя, представляющего по-видимому род алмаза.

У южного берега Новой Земли они встретили корабль Баренца. С которым за это время происходило вот что.

Расставшись полтора месяца назад с двумя другими кораблями у Кольских берегов, Барнец взял резко на север и через пять дней упёрся в Новую Землю у неизвестного доселе мыса с характерными очертаниями, который он назвал *Langenes* («Длинный Нос», нынешний Сухой Нос). От этого места корабль пошёл на север вдоль неведомых берегов, подробно картографируя побережье и периодически делая вылазки на сушу.

С разными приключениями они исследовали таким образом более полутысячи километров земли, уходящей всё дальше и дальше на север. И наконец увидели, что берег начал поворачивать, а потом и явно повернул к югу. Здесь на суше они нашли необычные красивые камни, предположительно железный колчедан.

Назад они шли тем же путём, вдоль побережья, продолжая картографировать. У южной оконечности Новой Земли они благополучно соединились с остальными кораблями.

В Амстердам экспедиция привезла невиданных морских чудовищ, образцы «рыбьего зуба» и прозрачные камни, «представляющие по-видимому род алмаза».

Плавание второе, 1595

На следующий год в Нидерландах была снаряжена ещё более мощная экспедиция, уже из семи судов. На этот раз все пошли вместе южным проходом мимо острова Вайгач.

Но отплыли поздно, да и ледовая обстановка выдалась значительно более тяжёлая. В Карское море они хоть и попали, но повторить прошлогодний результат не смогли. Была отчаянная и драматичная борьба со льдами, часто на грани гибели, были кровопролитные стычки с белыми медведями, были плодотворные контакты с самоедами и русскими зверодобытчиками.

23 августа мы увидели судно из Печоры, называемое у них ладьей, скрепленное лыком. Оно шло на север, чтобы привезти оттуда клыки моржей, звериное сало и гусей для погрузки этого на корабли, которые должны были прибыть из России через Вайгач. <...>

25 августа мы снова направились к кораблю русских и повели с ними дружескую беседу <...> Семь из них поехали к нам [на корабль] с большою радостью. Вступив на корабль, они очень дивились его величине и замечательному убранству. После того как они осмотрели нос и корму, мы предложили им мясо, масло и сыр, но они отказались, сказав, что им надо поститься в этот день; однако, увидев соленую селедку, все ели ее <...> Когда они поели, мы подарили им сосудец, полный селедок.

Но время опять вышло и на общем совете было принято решение возвращаться (хотя Баренц – один из всех – был против и протокол не подписал).

Так заканчиваются две первые государственные экспедиции Нидерландов к Новой Земле. Хотя самих Нидерландов, строго говоря, не существует. И Голландия, и Зеландия, и Утрехт, и Фрисландия и прочие Нижние и Верхние провинции – это всё Испания. Все участники экспедиций родились испанскими подданными.

Однако на этой территории уже существует самостийная «Республика Семи Нижних Земель», которая с переменным успехом противостоит правительственным (испанским) войскам. Тиль Уленшпигель, гёзы, Вильгельм Оранский, его сын Морис Оранский – это всё как раз там и тогда. По периметру крохотных Соединённых Провинций Нидерландов полным ходом идёт (и ещё долго будет идти) «Восьмидесятилетняя война», а в центре полным ходом идёт деловая активность.

Всё население Соединённых Провинций сплочено и высоко мотивировано. Когда Морис Оранский осаждает занятый испанцами Гронинген, в каких-нибудь нескольких десятках километров оттуда проплывает корабль Баренца, отправляющегося в первую экспедицию по поиску Северо-Восточного Прохода. Когда Баренц от-

плывает в третью экспедицию, Морис Оранский готовится освободить от испанцев Энсхеде.

Плавание третье, весна 1596 – осень 1597

Эта долгая экспедиция описана Де Фером день за днём. 2 корабля, на первом капитан Ян Корнелиссон, на втором – капитан Якоб Хемскерк и штурман Виллем Баренц. Желающих отбирали на конкурсной основе. С собой взяли много книг, в том числе «Историю Китая» и дневники плавания к Новой Земле капитанов Пэта и Джекмена (1580).

Решено попытаться обойти Новую Землю с севера. Поэтому курс сразу взяли круто к полюсу. В открытом море, 4 июня 1596 было им видение:

Мы заметили удивительное явление на небе, а именно: по обе стороны солнца видно было еще по солнцу, и эти три солнца пересекались двумя радугами; затем видны были еще две радуги: одна широко окружала солнце, а другая пересекала его по середине.

Тогда смысл этого предзнаменования никто не понял.

Через какое-то время они наткнулись на неизвестную землю и таким образом проходя открыли Шпицберген.

Далее капитаны решили разделиться и корабль Хемскерка (где Баренц был штурманом) взял курс на восток. Так они подошли к Новой Земле и двинулись уже знакомым им путём вдоль побережья на север.

Главные впечатления от этого этапа плавания были следующие: лёд, лёд, опять лёд, много льда, множество разных видов плавучего и лежащего на дне льда. Лёд сплошной и с разрывами, гладкий и с торосами, лёд «похожий на белых лебедей» и лёд вообще ни на что не похожий. Лёд голубой, лёд присыпанный землёй, лёд оглушительно трещающийся, лёд стремительно несомый течением.

Если забыть о драматизме самой ситуации, то поражает сказочная красота видов Арктики, бесстрастно фиксируемая Де Фером.

Мы пошли вдоль края льдов, как будто между двумя землями; вода была так же зелена, как трава.

Было такое множество птиц, что они, летая, ударялись в наши паруса.

Взобравшись на лед, мы не могли достаточно надивиться на него <...> Этот <...> имел голубой цвет, как чистое небо.

То, что голландцы называют «een Midzomernachtlozedroom», что означает «A Midsummer Nightless Dream», что он как раз закончил этим летом, для хлеба лорда-камергера слуг.

Из-за льда плыть было фактически невозможно. Но корабль Хемскерка весь август продолжал делать попытку за попыткой прорваться на восток, на чистую (как они надеялись) воду.

Однако пройти удалось лишь немногим дальше, чем два года назад. Берег повернул сначала на юго-восток, потом на юг, а там и вовсе загнулся назад к юго-западу. Стало ясно, что Новая Земля – остров, который они обогнули с запада и с севера, а теперь начали огигать с востока. Это означало, что если продолжать идти вперёд вдоль побережья, то в конце концов они попадут к уже знакомому проливу Югорский шар.

Но и этот план осуществить не получилось. 23 августа они зашли в некую бухту («Ледяную гавань») переждать часок-другой очередную порцию плавучих льдов и там их корабль остался, запертый льдами, навсегда. А они – «всего лишь» на 10 ледяных месяцев полярной ночи. Плавание кончилось, началась зимовка.

Зимовка Баренца и его товарищей – это отдельная поэма. До них никто никогда не зимовал в таких широтах. Всё делалось впервые.

Из плавника и каких-то корабельных частей они построили дом. Дом-крепость, в котором они держали круглосуточную осаду белых медведей, стекавших сюда за сотни километров в предвкушении лёгкой добычи. Медведи ломались в дверь, лезли в дымоход, драли когтями крышу. На эту тему есть очень выразительные рисунки в первом издании дневника Де Фера, сделанные от души, можно сказать с натуры.

А 4 ноября наступила ночь.

Было томительно жить без солнца, прекрасного творения природы, наполняющего радостью весь мир.

Ночь, сама по себе темная и страшная, делает страшное еще страшнее.

С приходом полярной ночи медведи на время закончились, но начались морозы. Никто из зимовщиков даже не подозревал, что на свете может существовать такой холод. Капитан без колебаний вскрыл казённый груз толстых шерстяных тканей и раздал всем сколько нужно. В особо лютые морозы под одеяла клались разогретые на огне камни и чугунные ядра. Чуть позже начали шить шапки и бахилы из добываемых при свете луны песцов. Луна, правда, поначалу светила круглые сутки.

Мы видели, что луна не заходит ни днем, ни ночью.

Опасности подстерегали зимовщиков со всех сторон, в том числе – самых неожиданных. Например – в виде переизбытка витаминов, как бы фантастично это ни звучало. Ощущая недостаток в свежей пище, команда однажды с жадностью набросилась на витаминную варёную печень свежееубитого медведя. Никто и предположить не мог, что медвежья печень содержит витамин «А» в столь чудовищной концентрации, что даже в небольшой порции варёной печёнки содержится смертельная его доза. Кожа у зимовщиков начала сходить лоскутьями с головы до пяток, как при сильнейшем отравлении. Однако каким-то чудом всё обошлось. Так впервые в истории был достоверно описан случай гипервитаминоза.

Другой реальный шанс завершить свой земной путь был у команды, когда они попробовали топить очаг не дровами (ходить за плавником становилось всё дальше

и дальше), а каменным углем. Ситуация эта достаточно стандартная, и именно поэтому я приведу длинную цитату – может кому это и сослужит добрую службу.

7 декабря скверная погода продолжалась, свирепствовал северо-восточный шторм, который принес сильнейший холод; мы не знали, что предпринять, чтобы защититься от него. Когда мы совещались, что делать, один из наших предложил пустить в ход каменный уголь, который мы перенесли с корабля в дом, и развести им огонь, так как этот уголь дает сильный и продолжительный жар. Поэтому вечером мы развели при помощи упомянутых углей прекрасный огонь, давший много тепла, но не убереглись при этом от большой беды. <...> Мы решили закрыть все двери в камин, чтобы надолго сохранить тепло; после этого мы пошли спать <...> радуясь теплу. Мы долго разговаривали между собой, но в конце концов у нас появилось сильное головокружение. <...> Поэтому те, кто был посильнее, вскочили с коек и прежде всего открыли камин, а потом дверь. Тот, кто отворял дверь, лишился чувств и в обмороке упал на снег.

Я, чья койка была ближе всего к двери, услышал это и, видя его лежавшим в обмороке, сейчас же принес уксус и натер ему лицо, от чего он пришел в себя. По открытии двери наше здоровье восстановил тот же самый холод <...> ибо иначе мы без сомнения погибли бы в беспамятстве. Затем, когда мы пришли в себя, капитан дал каждому немного вина для укрепления сердца.

Блестящее описание. Именно так всё всегда и происходит – от зарождения идеи до её воплощения. Но не всегда так удачно кончается. Помните загадочную гибель всей экспедиции Уиллоуби? Так вот, единственная правдоподобная версия происшедшего, что была предложена за все 450 лет – это отравление экипажа в замкнутом помещении угарным газом. Баренцу с товарищами ещё повезло.

Ещё Баренцу повезло с товарищами. Хотя это, конечно, никакое не «везение», а прямое следствие того духа единства и взаимовыручки, что царил среди свободных граждан «Соединённых Провинций» вообще, и среди команды корабля Хемскерка в частности.

Вообще, степень сплочённости команды поражает. Внешние обстоятельства более чем способствовали возникновению депрессии, за которой следует разобщённость, за которой неминуемо следуют конфликты. Однако в команде Хемскерка на что-либо подобное нет даже и намёка. Все помогают всем. И не просто помогают, но ещё и всячески стараются поднять друг другу настроение. Они шутят, они отмечают праздники, они чинят стенные часы, они играют в мяч, они читают «Историю Китая». Давайте почитаем и мы:

4 ноября <...> Наш врач ухитрился устроить из винной бочки ванну, купанье в которой согревало тело, ванну принимали время от времени все мы по очереди.

25 декабря <...> песцы бегали по крыше как нам было слышно. Некоторые считали это дурным предзнаменованием. Возник вопрос: почему это дурное предзнаменование? На это был дан ответ: потому, что они

не были брошены в горшок или повешены на вертел, ибо в таком случае это было бы хорошее предзнаменование.

5 января. Нам вспомнилось, что в этот день был народный праздник «двенадцатую дня». Поэтому мы просили капитана позволить нам <...> повеселиться <...> Мы выставили два фунта муки, которая была назначена для склеивания бумаги, нажарили на сковородке лепешек с маслом, и кроме того каждому достался белый бисквит, который макали в вино. Мы внушали себе, что находимся на родине, у родных и друзей, и веселились не меньше, как если бы угощались дома за прекрасным ужином – до такой степени нам всё казалось вкусным. Мы распределили между собой билетки, на которых были написаны названия должностей, и нашему пушкарю выпал жребий, провозглашавший его властителем Новой Земли, которая простирается и длину на двести миль [800 км] и расположена между двумя морями.

22 января <...> Мы снова вышли из дома играть в мяч.

28 января <...> Мы по временам выходили и упражнялись в ходьбе, бегании и бросании мяча.

3 апреля <...> Мы сделали палку для игры в гольф, так как желали упражнениями придать большую гибкость телу, и прилагали для этого все усилия.

Ну и, конечно, Де Фер каждый день ведёт дневник экспедиции. День за днём он записывает события и погоду. В простой с виду записи за 24 января 1597 года впервые в истории зафиксировано важное метео-физическое явление, тогда толком не понятное.

Я, наш капитан Якоб Хемскерк и еще третий пошли к берегу моря, на южную сторону Новой Земли, где сверх нашего ожидания я (первым из нас) увидел край солнца. Мы немедленно вернулись домой сообщить эту радостную весть Виллему Баренцу и остальным товарищам. <...> Виллем Баренц, мудрый и опытный штурман, не хотел придавать никакой веры этому сообщению, говоря, что раньше чем через 11 дней, по приблизительному расчету, солнце в этой широте появиться не может. Мы наоборот утверждали, что видели солнце. По этому вопросу возникли различные споры.

Через пару дней Баренц самолично увидел взошедшее из-за горизонта солнце, но и тут что называется отказался верить своим глазам. Так в его сознании вплоть до самой смерти и сосуществовали два одинаково неоспоримые, но при этом полностью взаимоисключающие факта: восход солнца и не подлежащие сомнению навигационные расчёты.

27 числа, в ясную погоду, мы все увидели над горизонтом полный диск солнца. Тут стало совершенно ясно, что мы видели его и 24 числа. И по этому поводу были высказаны различные мнения, а именно, что это противоречит всем древним и новым писателям и даже закону природы и шарообразности земли и неба. Вследствие этого некоторые нашли возможным утверждать, что раз так долго не было никакого дневного

света, то мы вероятно видели его во сне, хотя мы убеждены, что этого отнюдь не было.

Надо сказать, что данный парадокс и после завершения экспедиции продолжал приводить в смятение умы учёных. В безуспешных попытках его объяснить выдвигались самые экстравагантные гипотезы – вплоть до того, что зимовщики якобы проспали две недели кряду так, что сами этого не заметили.

Разрешение парадокса пришло позже, после накопления человечеством арктического опыта. Данное явление называется сейчас «полярной рефракцией» и состоит в том, что из-за инверсного распределения температуры воздуха, в приземных слоях образуется своеобразная «воздушная линза». Из-за которой лучи Солнца, находящегося ниже горизонта, могут огибать землю и быть видны раньше срока.

Благодаря той же аномальной рефракции они временами вроде бы видели на горизонте сибирский берег.

В ясную погоду мы часто убеждались, что видим землю, и показывали друг другу на S и SSO от нашего дома [то есть в направлении Ямала], где как будто находилась горная страна, выглядевшая так, как вообще выглядит земля, рассматриваемая издали.

Месяцы шли и наступил июнь. Дни стали бесконечными, море часто очищалось ото льдов, но корабль в заливе продолжал оставаться намертво вмёрзшим в прибрежный лёд. Время короткого лета шло. Надо было что-то решать.

И капитан Хемскерк принял непростое решение – бросить корабль со всем казённым имуществом, а самим на двух шлюпках пробиваться на юг вдоль западного побережья.

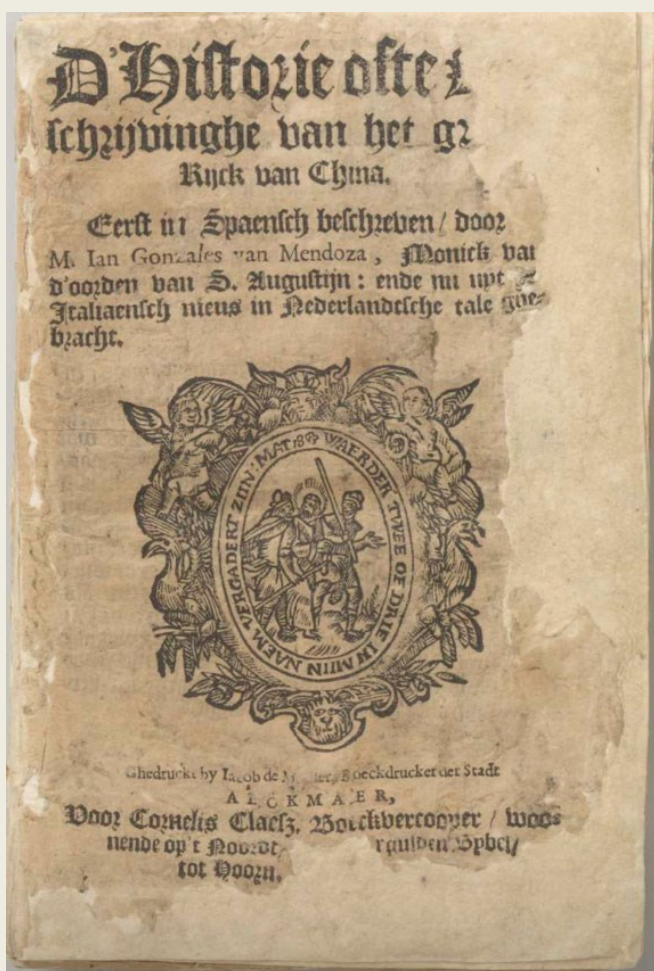
Был составлен и всеми членами команды подписан соответствующий меморандум (в двух экземплярах), налажены и загружены две шлюпки, взято какое-то количество самых ценных товаров (ситец, шёлк) и назначен день отплытия.

Виллем Баренц 14 июня собственноручно написал записку с изложением всех обстоятельств плавания и зимовки и спрятал её в дымоходе. Зимовка закончилась, плавание продолжилось.

Только 274 года спустя, осенью 1871, за полтора года до опубликования Достоевским в журнале «Гражданинъ» статьи о Новой Земле, место зимовки Баренца было впервые посещено человеком. Всё было найдено там в точно том виде, как это описано у Де Фера. Были найдены те самые стенные часы, те самые книги. Засунув руку в каминную трубу, норвежский шкипер нащупал там и упомянутую выше записку Баренца. Всё сходилось в точности.

[Илл. 02-08-01-1. Записка Баренца оставленная на месте зимовки в 1597 и найденная в 1871.]

[Илл. 02-08-02-1. Книга «История Китая», которую Баренц брал в плавание в 1596. Обнаружена на месте его зимовки в 1871.]

Обратное плавание на двух шлюпках длилось два с половиной месяца. Через неделю после его начала Виллем Баренц, уже давно тяжело болевший, умер. Все авторы цитируют описание этого трагического момента, данное Де Фером. Сделаю это и я.

20 июня <...> Около того времени, когда солнце было на юго-востоке, Класу Андришону стало очень худо, и мы убедились, что он недолго протянет, ибо старший боцман, придя в нашу лодку, поведал, в каком положении находится Клас Андришон, и сказал, что он проживет недолго. Тогда Виллем Баренц заметил: «Мне кажется, что и я протяну недолго». Мы все же не подозревали, что болезнь Виллема настолько опасна, так как он вел с нами беседы и читал дневник, который я составлял о нашем путешествии, и мы вступали в разные разговоры по поводу этого. Наконец, отложив дневник и обратившись ко мне, он сказал: «Геррит, дай мне напиток». Только он выпил, как ему сделалось так плохо, что он закатил глаза и неожиданно скончался.

Могила Баренца так и не найдена. Его молекулы распылились по морю, носящему его имя. По хорошему, Новая Земля могла бы называться Баренцевой Землёй, или Землёй Уиллоуби-Баренца. Ну да ладно.

Они поплыли дальше. Вначале льды были очень плотными. Шли по ненадолго открывавшимся полыньям, вдоль схлопывающихся трещин, чуть-что затаскивая лодки на льдины.

Один раз они пережили род крушения и всё содержимое одной из лодок оказалось разметанным по льдине. Немного придя в себя, они по щиколотку в воде перетаскали сохранившееся полотно и шёлк на берег, там ткань тщательно промыли в пресной воде, высушили на солнце, смотали в рулоны и снова погрузили в лодку. Плавание продолжилось.

Уже у южных берегов Новой Земли они встретили артель русских зверодобытчиков – именно тех самых, которых два года назад угощали у себя на корабле. Поморы узнали и Хемскерка и Де Фера и выказали всяческое радушие. Но языковой барьер значительно затруднил общение.

Они спросили про наш «crabble», то есть про корабль, что с ним случилось? Мы объяснили, насколько могли понятно, ибо переводчика у нас не было, что оставили наш корабль во льду. Тогда они спросили: «crabble pro pal?», что мы объяснили себе так: «Потеряли ли вы корабль?» Мы ответили: «crabble pro pal», то есть «мы потеряли корабль».

Очередной реальной опасностью стала цынга, к тому времени сильно развившаяся у всей команды. К счастью, и с ней удалось справиться благодаря нужным познаниям.

31 июля. Мы высадились на берег и нашли на острове так называемую ложечную траву. Она была нам очень полезна, потому что многие из нас были больны, а большинство и даже почти все страдали цынгой и с трудом держались. Пользование этой травой так очевидно и быстро помогло нам, что мы удивлялись сами. Мы ели ее полными пригоршнями,

так как слышали много похвал об ее качествах, теперь же на опыте узнали, что ее целебная сила превзошла наши ожидания.

Поморские ладьи встречались здесь уже достаточно часто. Контактam способствовали как товарно-денежные отношения (не зря Хемскерк тащил с собой шелка), так и просто морская солидарность. Они покупали продукты и получали бесплатно ценные советы. Действительно ценные, поскольку без Баренца с навигацией у них были большие проблемы.

Так или иначе, а 25 августа обе лодки пришли к устью реки Колы (на Кольском побережье) и нашли там корабль Яна Корнелиссона, с которым расстались когда-то у берегов Шпицбергена. Ощущения были непередаваемые.

2 сентября утром мы пошли на веслах вверх по реке [Коле] и заметили на берегу её зеленеющие деревья. Это обрадовало нас, как будто мы попали в какой-то новый мир, ибо с тех пор как мы выехали, мы не видели никаких деревьев.

Мы очень радовались, что <...> прибыли сюда; теперь мы считали себя уже в достаточно безопасном месте и чувствовали себя как дома, не смотря на то, что когда-то эти места были нам до такой степени неизвестны, что считались как бы за пределами мира.

1 ноября они благополучно вернулись в Амстердам.

С этой экспедицией связываются в первую очередь три имени: Виллем Баренц, штурман, Геррит Де Фер, летописец, и Якоб Хемскерк, капитан.

Тут уместно вспомнить о предзнаменовании, увиденном ими в небе в самом начале плавания – трёх солнцах и двух радугах, одна из которых рассекала центральное солнце посередине, а другая – широко окружала все три. Смысл предзнаменования теперь кажется прозрачным. Три солнца – это Баренц, Де Фер и Хемскерк. Центральное солнце рассечено посередине – Баренц из экспедиции не вернётся. А радуга, окружающая три солнца – их всех ждёт впереди сияние славы.

О Баренце и Де Фере написано много. А вот роль капитана Якоба Хемскерка на мой взгляд сильно недооценена.

За время 10-месячной зимовки из 17 человек команды умерло двое, и ещё трое, заболев, не выдержали обратного плавания. Таким образом 12 человек благополучно вернулись в Амстердам. И у меня нет ни малейшего сомнения в том, что своим возвращением эти 12 человек в значительной степени обязаны своему капитану.

Якоб Хемскерк реализовал на практике крайне редкий тип руководства. Обычно любой начальник пытается замкнуть всё на себя, чтобы через это стать незаменимым. Всеми успехами подчинённые обязаны лично ему, а неудачами – своему недостаточному рвению в выполнении приказов.

С Хемскерком всё было ровно наоборот. Это кажется невероятным, но он смог наладить дело так, что всё шло как бы само собой. Каждый понимал свою роль и

просто исполнял долг. В штатных ситуациях капитан был, казалось, не нужен. Но стоило возникнуть серьёзной проблеме, как Хемскерк тут же выступал вперёд. Ответственность он брал на себя, а славу делегировал команде.

В тяжёлых условиях команда всегда смотрит на капитана. И капитан Хемскерк показал лучший пример из возможных. «Буря, льды и ураганы – Ты не страшен, океан: Молодые капитаны Поведут наш караван», – это написано как-будто прямо про 29-летнего Якоба Хемскерка.

Страна (Голландия) умела ценить таких людей. По возвращении в Амстердам Хемскерк, несмотря на катастрофическую убыточность экспедиции, скоро снова выходит в море. Сначала в качестве капитана, а потом и командира флотилии, он бороздит южные моря – от Индии до Молуккских островов. В 39 лет он уже адмирал и ведёт целый флот в Средиземное море.

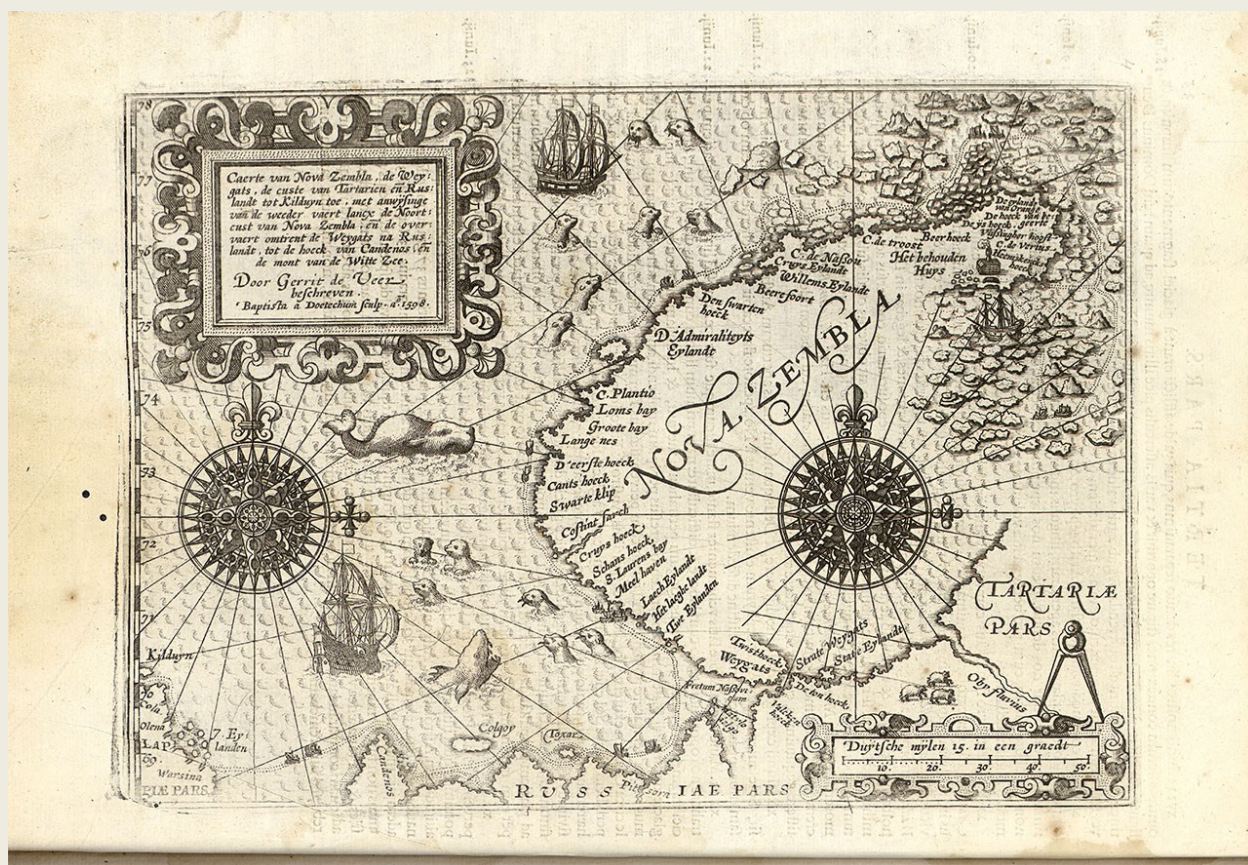
Здесь, 25 апреля 1607 года, он даёт знаменитое Гибралтарское сражение испанскому флоту. Результат сражения типичен для Хемскерка: голландцы практически все живы, испанцы практически все уничтожены, потери 1 к 40. Хемскерк умел беречь своих людей, и его люди умели это ценить.

В том сражении адмирал Якоб Хемскерк погиб от прямого попадания пушечного ядра. А его флот одержал триумфальную победу.

[Илл. 02-08-03-1. Картина Корнелиса Класа (Cornelis Claesz) «Гибралтарское сражение 1607 года», 1621. Rijks Museum, Амстердам.]

Но вернёмся к плаваниям Баренца. Основные результаты трёх экспедиции 1594-1597 годов были следующие. Пройдено Карское море вплоть до западного берега полуострова Ямал. Открыто устье реки Мутной (которая была ошибочно принята за Обь, но как раз по которой пролегает удобный речной путь поперёк Ямала к устью Оби). Картографирован весь западный и северный берег Новой Земли. Показано, что Новая Земля не соединяется с Гренландией (как считалось ранее) и что это скорее всего остров (строго не доказано, но очень похоже на то). Достигнуты крайняя северная и крайняя восточная точки Новой Земли. Карта Де Фера-Баренца стала базальтернативной картой Новой Земли на следующие 150 лет. Получено много практического опыта по плаваниям в высоких широтах.

[Илл. 02-08-04-1. Карта Новой Земли Де Фера – Баренца.]

Команда Якоба Хемскерка прибыла в Амстердам 1 ноября 1597 года, а уже в мае 1598 в печати вышла книга Де Фера о трёх плаваниях Баренца, на голландском языке. Книга имела ошеломительный успех. Только в течение первого года она была переведена и напечатана на латинском, французском, итальянском и немецком. Практически без паузы последовали издания всевозможных переложений и компиляций.

VVaerachtighe Beschryvinghe

Van drie seylagien / ter werelt noyt soo vzeemt ghe-

hooft / drie jaeren achter malcanderen deur de Hollandtsche ende Zeelandtsche schepen by noorden Nooyweghen / Moscobia ende Tartaria / na de Coninckrijcken van Cathay ende China, so mede vande opdoeninghe vande Weygats, Nova Sembla, en vant landt op de 80. gradē / dat men acht Groenlandt te sijn / daer noyt mensch gheweest is / ende vande felle verfscheurende Seypen ende ander Zee-monsters ende ondraschlijche koude / en hoe op de laefte reyse t schip int ys beket is / ende t volck op 76. graden op Nova Sembla een huys ghetimmeret / ende 10. maeyden haer aldaer onthouden hebben / ende daer nae meer als 350. mylen met open clepne schuyten ober ende langs der Zee ghebaren. Alles met seer grooten perijckel / moeyten / ende ongeloofteliche swaricheyt. Gebaen

deur Gerrit de Veer van Amstelredam.

Ghedrukt t'Amstelredam, by Cornelis Claesz, op't vvater, int Shrijf-boeck, A^o. 1598.

[Илл. 02-08-05-1. Титульный лист первого издания дневника Де Фера, 1598.]

Всего через 50 лет после опубликования дневника Де Фера, в середине XVII века, появился краткий его пересказ и на русском языке – выполненный, правда, в одном экземпляре, «для служебного пользования». А вот теперь и я, того сам не желая, сделал скромное очередное изложение невероятного труда Геррита Де Фера.

Ламартиньер: 1653

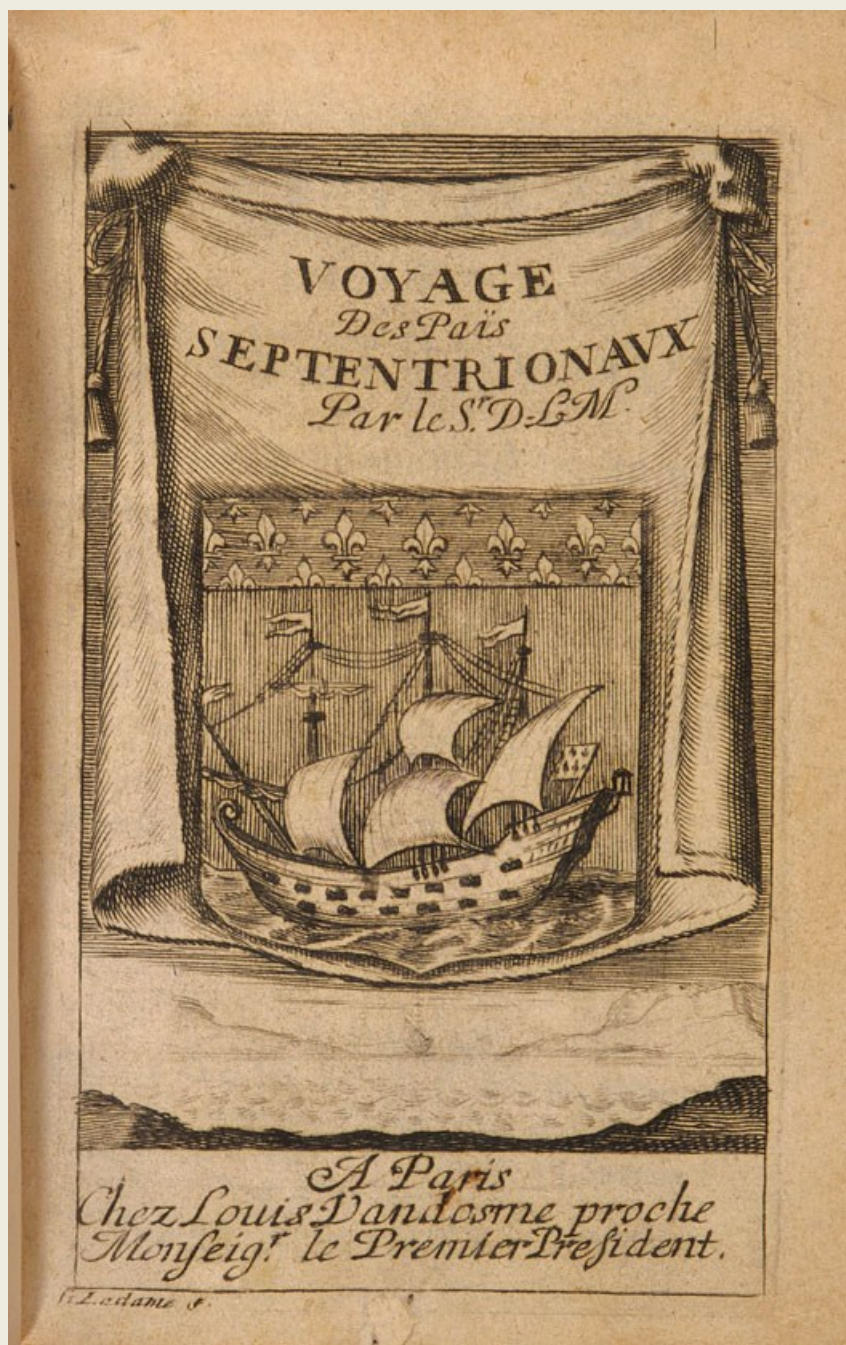
Уверен, что многие знатоки новоземельской истории осудят меня за включение Ламартиньера в данный обзор. И я даже могу их где-то понять. Но, тем не менее, по зрелому размышлению я утвердился в убеждении, что Ламартиньер непременно должен здесь присутствовать. Поясню суть вопроса для непосвящённых.

Французский врач Пьер-Мартин де Ламартиньер (Pierre Martin De La Martiniere) совершил в 1653 году в составе датской экспедиции путешествие вокруг Скандинавии к Кольскому побережью, оттуда к Шпицбергену, оттуда к устью реки Печоры и Самоедскому берегу, оттуда к западному берегу Новой Земли, затем в Гренландию, потом в Исландию и наконец назад в Копенгаген.

Путешествие было на удивление удачным. Морское плавание перемежалось частыми и длительными познавательными-коммерческими рейдами далеко вглубь суши – Кольского полуострова, Большеземельской тундры, Полярного Урала и низовьев Оби. Высаживался Ламартиньер и на Новой Земле.

В 1671 году, то есть 18 лет спустя, Ламартиньер опубликовал книгу об этом путешествии «Voyage des pais septentrionaux. Dans lequel se void les mœurs, manière de vivre, et superstitions des Norweguiens, Lappons, Kiloppes, Borandiens, Syberiens, Samojedes, Zembliens, et Islandois ; enrichi de plusieurs figures», Paris, Vendosme, 1671 (кратко – «Путешествие в северные страны»).

Именно благодаря своей книге Ламартиньер и попал в мой обзор. Поскольку она вывела тему Новой Земли на принципиально новый уровень – уровень художественной литературы. Новая Земля перестала быть уделом лишь морских деятелей и учёных – после Ламартиньера она стала частью общечеловеческой культуры.

[Илл. 02-09-01-1. Ламартиньер «Voyage des pais septentrionaux...», первое издание, 1671. Обложка.]

К самой книге есть ряд претензий. Некоторые из них справедливы, но большая их часть порождена недоразумением.

Недоразумение это источниковедческой природы. Кратко, суть сводится к следующему: то в чём обвиняют Ламартиньера (мягко говоря, в сильных преувеличениях) – Ламартиньер не писал.

Сама книга упоительна. Критики Ламартиньера любят сравнивать его приключения с приключениями барона Мюнхгаузена. Если мы вспомним, что речь идёт о художественном произведении, то это, вообще говоря, высочайший комплимент. При том, что книга Ламартиньера обладает до некоторой степени и документаль-

ными достоинствами. Вот эта-то степень документальности и является камнем преткновения.

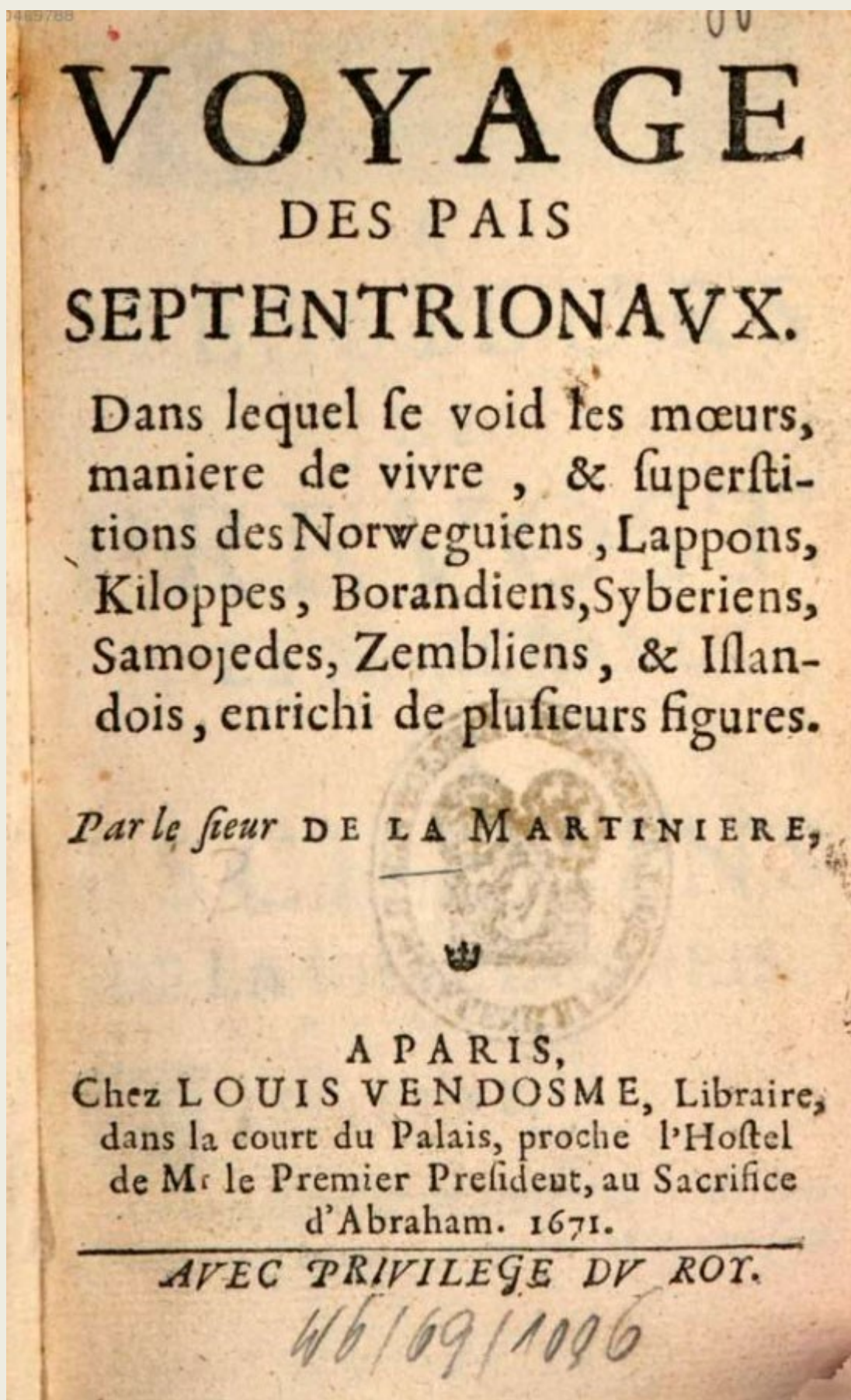
Критики Ламартиньера приводят колоритные цитаты из его книги (с историческими неточностями и даже нелепостями) — из чего должен был бы следовать вывод, что вся книга — сплошная «развесистая клюква». Но вывод такой делать на мой взгляд неправомерно. И вот почему.

Вся «развесистая клюква» сосредоточена здесь в одном месте — вставной главе («рассказ лотарингского дворянина»), составляющей значительную часть всей книги. Так вот, этой главы нет и в помине в прижизненном издании «Путешествия...» (1671). Откуда она взялась и кто её автор — никто не берётся сказать.

Вообще, эта проблема типична в источниковедении. Если обычный читатель может позволить себе сказать, например: «Печорин на дуэли застрелил Грушницкого», то источниковед обязан при этом уточнить — на основании какого именно издания «Героя нашего времени» он основывает это своё утверждение.

Проблема на первый взгляд кажется надуманной (и в случае с Печориным это действительно так), но когда речь идёт о раннем книгопечатании, вопрос об аутентичности того или иного издания часто является критически важным.

В случае с книгой Ламартиньера дело обстоит именно так. Надо чётко осознавать, что авторское право понималось в XVII веке несколько иначе, чем сейчас. Хозяином литературного продукта являлся издатель, а автор — это всего лишь подмастерье текста (или некоторой части его). Так, если на фронтисписе книги Ламартиньера автор удостоился быть обозначенным только как «D.L.M.», то издатель подан развёрнуто и пышно — «A Paris Chez Louis Vandosme proche Monseigneur le Premier President». Эти вроде бы мелочи на деле говорят о реальном соотношении ролей. Чтобы ни у кого не возникало на это счёт никаких сомнений, на титульном листе издатель сообщает всем и каждому прописными буквами прописную истину: «AVEC PRIVILEGE DU ROI», то есть что он — писательский царь и бог «именем короля».

[Илл. 02-09-02-1. Там же, титульный лист.]

После смерти издателя (Louis Vandosme), его издательские права (в том числе и на книгу Ламартиныера) пошли по рукам. И с текстом книги начали твориться чудеса. Неведомо откуда стали появляться всё новые главы, в том числе даже не имеющие отношения к теме книги. К 1708 году дело зашло так далеко, что и сама книга стала называться по-другому – «Nouveau voyage vers le septentrion etc.». К этому времени автора давно не было в живых.

Так что же делать с такой сложносоставной «книгой Ламартиныера»? А вот что – на благоприобретённые (то есть – неведомо откуда взявшиеся) главы не обращать внимания и читать книгу без них. И книга сразу превращается во вполне достоверное описание реально авантюрного путешествия в экзотические страны. Со скидкой на пылкость автора, живость его художественного пера и французскую литературную традицию авантюрно-приключенческих романов.

Завершая экскурс в источниковедение позволю себе сделать небольшой прогноз. Проблема аутентичности печатного текста, значительно сглаженная в поздний период книгопечатания, скоро станет (если не стала уже) практически неразрешимой применительно к электронным книгам. Вообще говоря, любая часть любого электронного текста может взяться неизвестно откуда или оказаться любым образом неведомо кем изменённой. Кажется даже странным, что ещё не слишком широко циркулируют версии «Героя нашего времени», где Грушницкий (в угоду какому-то сегменту целевой аудитории) убивает Печорина. В принципе, это естественный тренд – производство культурных продуктов узкого, но точного действия.

Собственно, идея «эго-таргетинга» уже была сначала введена, а потом и реализована на практике в 2011 году Лабораторией Семантической Инженерии, создавшей Пушкинский процессор «Пушкин 2.0» (www.pushkin20.ru), генерирующий для каждого читателя его собственного «персонального Пушкина» – с учётом строго индивидуальных представлений данного читателя о прекрасном вообще и о поэзии в частности.

С источниковедением всё, вернёмся к Ламартиныеру.

Пересказывать книгу «Путешествие в северные страны» бессмысленно, её надо читать. Приведу, как всегда, несколько цитат и на этом с Ламартиныером закончим.

Все любят цитировать эпизод с «узелками». Вот он:

Мы шли несколько дней вполне благополучно, но на широте северного полярного круга, около берега, мы заштилели.

Зная, что жители этих мест, равно как и обитатели финских шхер, все колдуны и умеют распоряжаться ветрами по своему усмотрению, мы послали шлюпку к ближайшей деревне, чтобы «купить» ветер. <...> Он вместе с тремя товарищами сел на рыбацкий челнок и прибыл на корабль, где и сторговался дать нам ветер за 10 крон и фунт табаку. Тогда он привязал к концу паруса фок-мачты лоскут полотна <...> на котором было три узла.

Только что он отвалил от борта, капитан развязал первый узел и этого было достаточно, чтобы подул самый приятный западно-северо-западный ветер.

Ветер начал меняться и, желая поворотить на север, капитан развязал второй узел; результатом было то, что мы получили опять попутный ветер до гор, лежащих впереди Рукселла.

Так как ветер снова изменился, капитан развязал третий узел. Тотчас задул северо-северо-западный ветер, столь сильный, что казалось небо хочет обрушиться на нас и что Бог хочет нас наказать за то, что мы прибегли к колдовству. <...> Мы были предоставлены на волю волн, которые нас так бросали, что мы ежеминутно ожидали пойти ко дну.

Теперь о сухопутной части. Перемещался Ламартиньер очень много, в том числе вдоль и поперёк изъездил Большеземельскую тундру. Места, по которым он проехал, он называет «страной Борандеей» а жителей – «борандеями» (Borandiens), что позволяет локализовать место стоянки его корабля. Это – прибрежный остров (фактически уже материк) Варандей в юго-восточной части Баренцева моря, недалеко от мыса Медынский Заворот и реки Песчанки. И надо же было так случиться, что как раз в том самом году (1653) и именно в этом месте завершалась ещё одна экспедиция, связанная с Новой Землёй. Но о ней я скажу позже.

Вот как технически происходили зимние передвижения Ламартиньера, быстро научившегося, без всякого «Письма о правилах...», отличать в тундре ямб от хорея.

Мы поместились каждый в свои сани, одетые, как лапландцы, в одежду, которую мы тут выменяли; кроме того каждого из нас покрыли медвежьей шкурой; потом нас привязали оленьими ремнями к задку саней и дали нам по глотку водки; в каждую руку нам дали по палке с железным наконечником, на случай, если нам попадетс какой-нибудь пень, сук или камень – чтобы отталкиваться и не перевернуться.

Приготовив все к отправке, хозяин, которому принадлежали все олени, пошептал на ухо каждому из них несколько слов, говоря им, как я полагаю, куда нас надо отвезти.

А вот как передвигаются местные:

Проезжая между двумя гребнями гор, заметили мы лапландца, идущего на охоту, который нас догнал, скользя по снегу так же быстро, как мы ехали. Он почти не оставлял следов на снежной равнине, катясь на лыжах, сделанных из деревянных пластин, длиной футов в 6 1/2, а шириной всего пальца в 4, плоских снизу и с углублением на тех местах, где к ним прикреплялись ноги.

И, наконец, главное впечатление от края, резюмирующее все остальные:

Что касается женщин, то они очень красивы, белы и полны, с темно-русыми волосами и, как все москвиты, очень приветливы.

На Новой Земле Ламартиньер видел диких людей, лес (тут он что-то путает) и самоедских идолов (а вот это вполне возможно):

Проехав Самоессию и возвратясь в Борандай, к нашим товарищам, ожидавшим нас с нетерпением, мы перебрались на суда, а через 2 часа все подняли якоря и пошли в открытое море, взяв курс на Новую Землю, куда мы и прибыли через 20 часов.

У берегов Новой Земли они видели ужасных морских чудовищ и вступали с ними в битву.

[Илл. 02-09-03-1. Там же, с. 140. Охота на морское чудовище.]

Несколько слов о коммерческой стороне дела:

Он [некий русский чин] променял на табак и водку все свои шкуры, за исключением <...> соболей <...> не имея права их продать, ибо великий князь Московский, которого они называют царь, приказал их все оставлять для себя, и никто <...> не смеет продавать соболей иначе, как с

разрешения его или его доверенного. <...> Если кто-нибудь продаст соболя случайно, то только крадучись, а те, кто их купит, тоже должны прятаться.

Печора [Пустозёрск] – маленький городок, расположенный на берегу небольшого залива, которое носит его имя. Мы отправились в замок (острожек) представиться губернатору (воеводе), который, собственно говоря, ничто иное, как приказчик великого князя.

Этот воевода был москвит. <...> С ним мы выпили превосходного меду, сладкого и крепкого, как испанское вино, и водки с пряниками. Так как тут были магазины и управление по сбору соболей для царя, то мы спросили воеводу, не продаст ли он нам этих соболей, и он согласился, спросив, сколько нам надо?

Когда мы купили все меха, отмеченные печатью великого царя, какие только у него нашлись, он решил нас угостить <...> Стол длился 8 часов.

Ну и напоследок ряд цитат из пресловутой вставной части, ошибочно приписываемой Ламартиньеру. Даю исключительно для полноты картины. В ней некий лже-Ламартерьер сообщает много подробностей о московских порядках и быте.

Во время масленицы русские устраивают разного рода кутежи и пьют так сильно в эту последнюю перед постом неделю, что как будто не надеются уже больше пить во всю остальную жизнь.

Есть такие, которые пьют столь крепкую и острую водку, что она воспламеняется у них во рту, так что видно выходящее из рта пламя, и можно быть уверенным, что они умерли бы от этого, если бы вблизи не было молока, чтобы их отпоить.

[Существует] запрещение, которое последний патриарх наложил на инструментальную музыку, и убеждение, что музыка есть как бы собственность государства.

Здесь устроены суды, называемые Приказами (precauses). Судопроизводство – третейское, так как русские имеют очень мало писаных законов, и судьи руководствуются обычно примерами прежних лет, если только они не подкуплены деньгами, которые для них имеют больше силы, чем все примеры на свете.

Они пишут постоянно у себя на коленях, хотя столы и стоят перед ними, и оставляют большие промежутки между строчками письма, а это является причиной того, что они изводят невероятное количество бумаги.

Он [царь] в известном отношении есть хозяин всего имущества своих подданных.

Существует очень большой налог на астраханскую икру <...>, на рыбий клей и на грибы.

Язык их и их произношение не имеют ничего общего с языками других наций. Они свистят зубами, а не губами.

Они качают головой, когда выражают удивление.

Стрелка часов у нас ходит вокруг циферблата, а у них сами часы ходят вокруг стрелки.

Самым невероятным вещам они придают большую веру, зато с трудом верят тому, что вероятно и допустимо рассудком.

Простое слово человека, имеющего бороду, для них более убедительно, чем присяга такого, который ее не имеет.

Маленькие ноги и тонкая талия кажутся им уродством. Они прибегают ко всевозможным средствам, чтобы потолстеть.

Местные купцы пьют чай с сахаром, как и мы, и употребляют его, как прекрасное лекарство. <...> Его привозят в бумаге с китайскими надписями и в каждом свертке заключается 1 фунт.

Те, которые брали взятки с народа и грабили иностранцев, думают искупить свои злодеяния тем, что строят церкви, жертвуют большое количество колоколов и наполняют церковь богато украшенными Николаями (образами), осыпанными драгоценными камнями.

Считается преступлением, наказуемым смертью, разглашать то, что делается или говорится при дворе царя.

Завершает лже-Ламартиньер свою часть сообщением о московских грибах. Ввиду особой важности предмета привожу текст полностью.

В России растет много сортов грибов; но между ними есть семь, замечательных по своей форме и качествам.

Рыжики (rizhics) – маленькие, черные и красные, вырастают в течение одной ночи на болотах. № 1

Сморчки (smortshyys), или медовые грибы, которые Жерар называет *fangi farinosi* и помещает их в разряд ядовитых, – превосходны, очень дороги в России и составляют одно из наиболее лакомых блюд за столом знати. Их кладут в суп и в пироги: они появляются раньше других, в апреле и мае. № 2.

Грибы (gribbuys) – коричневого цвета и темно-желтые: их ножка образует как бы пилястру и расширяется посредине. Они появляются после сморчков. № 3.

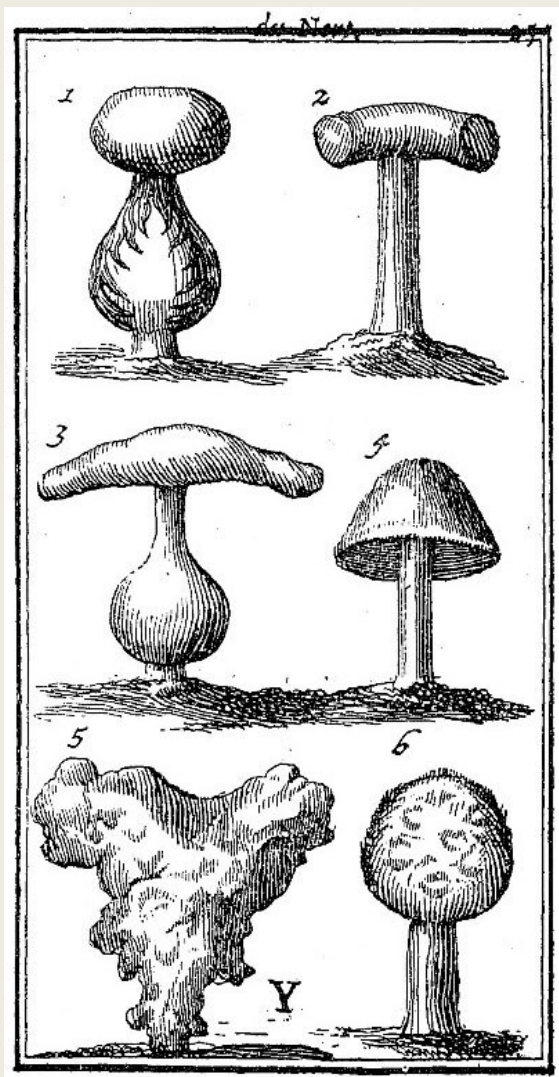
Волнушки (volnitzis) – коричневые и черного цвета, смешанного с красным, а кверху заостренные. № 4.

Грузди (gronsshdys) – самые крупные из всех грибов, пустые [в середине], как вафли, и белые, как тюльпан, когда они завяли. До варки они бывают наполнены такою горькой и едкой жидкостью, которая обжигает рот тех, кто их ест. Я думал что умру, попробовав их; обыкновенно их солят. № 5.

Маслята (maslinicks) – названы так от слова masla, что значит «масло». <...> Маслята – коричневые и широкие и появляются в июле месяце. № 6.

Дождевики (dozhshovick) – белые, широкие и губчатые: их считают ядовитыми.

В России произрастает такое огромное количество этих грибов и многих других сортов, что требуется в год до тысячи телег, чтобы снабдить ими один только город Москву. Бедные ими питаются, а богачи делают из них свои деликатесы. Грибы почти все годятся в пищу, и между ними очень мало таких, которые называются у ботаников ядовитыми или смертоносными.

[Илл. 02-09-04-1. «Русские грибы». Картинка из «расширенного» издания книги Ламантиньера.]

Фламинг: 1664

Почему-то в жизни обычно бывает так, что главных своих результатов человек достигает либо в самом начале карьеры, либо в самом её конце. А вот у голландского (фрисландского) шкипера Виллема де Фламинга (Willem de Vlamingh) было и то и другое.

В 1664 году, когда Фламингу едва исполняется 24 года, ему удаётся первым в истории обогнуть Новую Землю с севера, войти по чистой воде в Карское море и далеко углубиться в него на юго-восток. Измерения глубин и пробы грунта говорили со всей определённоcтью, что рядом должен быть материк (западный берег Таймыра), которого сам Фламинг, впрочем, не видел. Однако его матросы утверждали, что определённо наблюдали на горизонте горы.

24 года спустя, в 1688 году, в ходе своего последнего плавания в Арктике, Фламингу также повезло сделать важное наблюдение. На западном побережье Новой Земли, недалеко от мыса Лангенес (ныне Сухой Нос) он «поднялся на очень высокую гору» и увидел с её вершины то ли залив то ли пролив, уходящий вглубь суши насколько хватало глаз. Вне всякого сомнения это и был тот легендарный проход, о существовании которого ходили смутные слухи, но который никто до того не видел воочию. Проход, якобы разрезающий Новую Землю пополам и делящий её на два отдельных острова.

Здесь же Фламинг обнаружил гору, которую назвал «Хрустальной», поскольку там он нашёл очень много хрусталя, «разбросанного у вершины».

Это случилось во время последнего плавания Фламинга в Баренцевом море, после чего в том же 1688 году он перевёлся в Батавию (Джакарту) – плавать по южным морям. 8 лет спустя Фламинг возглавил спасательную экспедицию, направленную на поиски важного голландского судна, пропавшего где-то в Индийском океане. Пропавшее судно Фламинг не нашёл, но в ходе 2-летнего плавания детально обследовал западный берег Австралии. В 1698 году он вернулся в Амстердам, где предположительно вскоре умер.

Новоземельские открытия Фламинга стали широко известны в первую очередь благодаря знаменитому труду «Noord en Oost Tartarye» Николааса Витсена.

Витсен: 1692

Возможно, лучшее, что случилось с Россией во всём XVII веке – это был Николаас Витсен (Nicolaas Witsen).

При всём уважении к великим первопроходцам, реальность такова, что не будь на свете того или иного отважного капитана, его открытие сделал бы другой капитан, не менее отважный. Но если бы на свете не было Витсена, его бы дело, боюсь, не сделал никто.

Как Ричард Хаклюйт за сто лет до того предопределил Британскую Империю, так Николаас Витсен своим научным подвижничеством дал шанс другой империи – Российской. Возможно, это был единственный учёный, который смог реально повлиять на ход истории. Но начну свой рассказ чуть отступя назад.

В 1664 году 23-летний голландский студент из семьи уважаемых граждан заканчивает обучение в Лейденском университете (основанном ещё Вильгельмом Оранским) и получает степень «доктора права». Натура Николааса чрезвычайно живая и настежь открыта «впечатлениям бытия». Низачем, единственно из жажды нового, он увязывается в неопределённом статусе в путешествие с Нидерландским посольством Яна Борейля, отправляющимся в неведомое и заповедное Московское царство.

По километрам Москва не так уж и далека от Амстердама, это вам не Ост-Индия. Но по степени неизвестности и диковинности Московское царство – просто другая планета, ни в какое сравнение не идущая с уже рутинными Кальтуттой и Батавией (Джакартой).

Очень важно, что молодой Витсен оказывается в Московии в том возрасте, когда глаза широко открыты, а душа впитывает всё, как губка. И земля, по которой он совершает первое своё настоящее (достаточно случайное) путешествие – эта земля становится его первой настоящей любовью. Любовью на всю жизнь.

Любовь, как мы знаем, слепа. Объективно, обстоятельства путешествия посольства Яна Борейля по Московии должны были бы отвратить любого от этих не слишком приветливых мест. Отношение местных властей к членам посольства было, скажем так, озадачивающим. Но всё это не имело для Николааса ровно никакого значения. Отныне и навсегда главный интерес и склонность его жизни – Московия. В широком смысле этого слова.

Включая дорогу туда и обратно, посольство пробыло в Москве царя Алексея Михайловича практически целый год, с сентября 1664 по август 1665. В путешествии Витсен ведёт подробнейший дневник с научным энтузиазмом ещё вчерашнего студента. Этот дневник содержит тонны уникальной, никем до Витсена не зафиксированной информации о России Алексея Михайловича. Рисунки храмов, планы городов, персоналии Московских авторитетов, стенограммы его бесед с историческими фигурами (опальным к тому времени патриархом Никоном, например, или архимандритом Иверского монастыря, или князем Барятинским и проч. и проч.). Многое, из того, что современные историки знают о царстве Алексея Михайловича, известно исключительно по дневнику Витсена.

Одного этого дневника было бы достаточно, чтобы войти в историю. Но в масштабах Витсена это такая мелочь, что о ней почти не стоит и говорить. Вернувшись в Амстердам, он тут же направляется в новое путешествие – на этот раз во Францию и Италию. Дневник же свой он даёт кому-то почитать и о нём, похоже, просто забывает. В результате дневник этот опубликован так и не был (руки не дошли) и следы его полностью теряются.

Теряются полностью, но не навсегда. Ибо 222 года спустя, в 1866 году рукопись дневника Витсена была обнаружена во Французском Национальном Архиве. А первая его публикация (на голландском языке) состоялась ещё столетием позже, только в 1966 году, уже фактически в наше время.

Записки Витсена – это одни из самых интересных, ярких, наблюдательных, детальных и непредвзятых записок о России времён Алексея Михайловича, какие мне доводилось читать. В русском переводе они называются «Путешествие в Московию» (в оригинале – «*Moscovische Reyse: 1664-1665. Journaal en Aantekeningen*»).

В них уже отчётливо видны признаки той научной добросовестности, доходящей порой до сущего педантизма, что станет фирменным знаком Витсена-учёного. Если Витсен что-то видел сам, он чётко пишет где и при каких обстоятельствах. Если видел сам, но не всё понял, то так и пишет «видел сам, хотя и не до конца уверен, что всё понял правильно». Если что-то знает с чужих слов, то обязательно это оговаривает, указывая по возможности источник информации.

Европа вступила в ньютоновскую эпоху, никого больше не интересуют ссылки на авторитет древних концепций и политикообусловленные умозрительные конструкции. Ценен только прямой эксперимент и личный опыт. Это – черта поколения, Витсен с точностью до года ровесник Ньютона.

Ну что, почитаем отрывки из дневника Витсена, навскидку.

10 декабря 1664.

Жена воеводы [Пскова] в очень богатых украшениях смотрела на нас из окна, мы видели ее, проезжая мимо, но, когда мы пытались ее приветствовать, она сразу пригнулась.

Я сразу заметил, как здесь считают время: счет начинают с восхода солнца и до захода, а оттуда снова до утра. Часов у них мало, а где таковые имеются, там вращается циферблат, а стрелка стоит неподвижно; она направлена вверх, показывая на цифру вращающегося циферблата.

14 декабря.

Здесь я узнал их бани, это бани парные. Помещение нагревают печами, а горячие камни, лежащие на них, поддерживают и увеличивают жару тем, что образуется пар, когда на камни льют воду. В бане стоят друг над другом 2–3 ряда лавок, на которые каждый может лечь голым. Самые верхние скамьи – самые жаркие. Обслуживают девушки или, если хотят, слуги; они трут тело и ополаскивают его, а также слегка бьют, чтобы открылись поры.

26 декабря,

Чтобы увеличить в наших глазах количество войска, перед нами вторично пустили только что прошедших солдат.

27 декабря.

Беседы, которые велись с ними, были очень поверхностны: нужно хвалить их и их страну, и их царя, который превыше всего на свете. Это они охотно слушали.

5 января 1665.

Ночью на небе показалась большая кометная звезда с громадным хвостом, который закрыл несколько звезд, вокруг луны мы видели большое кольцо; за этим последовала сильная гроза.

Я видел также, как дети слетали с высоких, крутых гор на длинных досечках быстрее стрелы из лука, ужас!

У меня спросили мое имя и имя моего отца. Ни к кому не обращаются по фамилии, а только по имени и отчеству, так что здесь я приобрел имя – Николай Корнельевич.

6 февраля.

Теперь мы, идя по улицам [Москвы], заметили озорство русских: в сумерках у некоторых из наших отняли ружья, и нам сказали, будто за одну ночь были убиты 12 человек, им перерезали горло, и что это здесь часто случается.

Тем временем некоторые из нас осматривали большой колокол. Измерить его не разрешается, боятся, что его заколдуют.

17 февраля.

Когда я нанял учителя русского языка, мне запретили приводить его в наш двор, следовательно, запретили учиться.

5 апреля.

Каждый здесь так делает [целуются в Пасху], и в поцелуе не откажет ни одна, какая бы ни была знатная дама, хотя бы и на улице. Мне тоже случилось целовать многих важных дам: и иноземных и русских девушек.

Стрельцы имеют здесь большой авторитет в мелких делах, если они кого-нибудь захватят, они сами его и наказывают.

8 апреля.

8 ночь на четверг я увидел на небе комету, на вид размером 16-17 локтей, русские думают, что это означает счастье и мир для них. Царь велел двум людям, которые понимают в естественных науках и небесных телах, сделать из этого предсказание. Они дали очень забавный и сомнительный ответ.

22 мая.

Считая характер народа и его веру известными, не буду их описывать, скажу только, что они хорошие христиане, но необучены и плохо воспитаны. Обучение там не в почете, и тех, кто занимается наукой, называют еретиками. <...>

Они все рабы, кроме самого царя.

25 мая

В прошлую ночь [у Твери – обратный путь посольства] два-три медведя напали на наших лошадей, но стрельцы успели отогнать их выстрелами; при этом выяснилось, как русские воины обращаются с ружьем: один уронил его, пока стрелял, другой не знал, как его зарядить, третий, стреляя, отвернул голову назад, и т.д.

1 июня.

Меня ввели к архимандриту [в Иверском монастыре на Валдае], и я вел с ним долгую беседу; он спрашивал меня о многом, но ввиду того, что у них никогда не бывает общения с иноземцами, нет книг и они еще в юности были вывезены из своих стран, они не осведомлены о многих известных вещах: так, они спрашивали меня, есть ли в Амстердаме король, как далеко наша страна, что там делают, есть ли хлеб, сахар и пряности, что за страны Англия, Франция, и т.д. Я сделал грубый набросок карты нескольких стран, в том числе и их страны. <...> Удивились, как это я так быстро сделал на бумаге набросок карты; я ответил, что у нас этому обучают с детства и, кроме того, мы учим разные языки. Они записали наши имена; до нас иноземцы были здесь один раз, мы были вторыми.

К слову, за тот год, что Николаас ездил по Московии, 23-летний Исаак на ферме матери в Вулстропе сформулировал Закон Всемирного Тяготения (математически он оформит его позже) и разложил свет по спектрам.

А вот первый контакт Витсена с Сибирью и «страной самоедов»

9 февраля.

Сегодня я посетил знатока области Сибири; он рассказал, что требуется два-три года, чтобы добраться до крайних ее границ, или столбов; это потому, что ездят только зимой и то очень медленно из-за бездорожья; приходится много идти пешком, а багаж тянут собаки на маленьких санках. У людей тогда под ногами доски, чтобы пройти по еще не тронутому снегу и не провалиться. <...> употребляют и сани с парусами для езды на равнинных полях; по соболям стреляют стрелами, спереди закругленными.

15 февраля.

Наступил сыропуст, и я обедал у одного англичанина. Там мы видели танец группы самоедов, которые несколько дней назад были отправлены своими родичами к Его Царскому Величеству; они приехали со 130 оленями. Это дикие люди, питаются они мясом и рыбой. Самоед буквально – это есть себя; они еще язычники, кроме немногих, которых русские учат креститься. Они очень малы ростом, приземисты, с круп-

ными головами и короткими шеями, почти безбородые, волосы черные как смоль, нечесанные, свисают с головы прямо, как скрученные веревки. Одежда из шкур, верхний кафтан шерстью наружу, а нижний – шерстью внутрь, штаны из меха, другой одежды у них нет. Охотятся они с помощью лука и стрел. Когда голова мерзнет, они натягивают свой кафтан на голову, что очень странно выглядит. Ненцы плясали на одной ноге, хлопали в ладоши, били себя по голове и пели для нас на своем языке.

1 марта.

После полудня послу показали несколько ненцев. <...> Когда я спросил, сколько им лет, они сказали, что не знают никаких лет.

Некоторые зарисовки московского делового этикета

20 января.

[Въезд посольства в Москву] Свита ехала впереди посла, и мы направлялись навстречу приставам; сани, в которых они сидели, тоже приближались. Только здесь начался настоящий спектакль. <...> Весь вопрос был в том, кто из них первым – посол или пристав – выйдет из саней и обратится к другому. Оба встали, но медлили; как только посол поставил ногу на край саней, русский отступил назад, после чего посол не только отступил, но и совсем сел. «Ха, – сказал русский, – дело плохо», ибо он не хотел признаться, что первым отступил назад. Он не хотел также, чтобы обе стороны одновременно вышли из саней. Дважды посол делал вид, что падает, когда собирался выйти из саней; русский же всякий раз отступал назад и, поглаживая бороду, снова садился. Посол велел сказать ему, что это против правил; тот ответил, что Бог его достаточно научил, чтобы знать, что делать. Эта дурацкая сцена продолжалась более получаса. Никогда я не видел комедии смешнее. Нас окружали сотни людей, наблюдавшие за этой сценой. Стало уже темно и, чтобы наконец закончить споры, младший пристав подошел к старшему, сел к нему в сани, и тут пришли к соглашению: первым выйдет младший пристав, затем посол, а потом уже старший пристав; так и было сделано.

22 января.

Приставы на встрече были одеты в ценные золотопарчевые платья с жемчугами и камнями; как только они привели посла в его комнату, оба в переднем зале сняли эти платья и надели старые кафтаны на глазах у всех.

23 января.

Приставы пришли с приказом Его Царского Величества, чтобы им показали все подарки, что и было сделано. Все открыли и тщательно рассмотрели, очень внимательно пробовали все съедобное и справлялись о свойствах и питательности. Аккуратно запакованные шелковые мешочки пришлось развязать. Серебро они взвешивали, и так как у нас больше внимания обращали на искусство изделия, чем на его вес, то было сделано много замечаний о легком весе множества вещей; русский не ценит искусство и смотрит только на стоимость. О серебряном жемчужном ларчике они сказали: «Полагается, чтобы он был наполнен

драгоценностями»; то же и о других пустых ларцах; умалили они и ценность узкой золотой парчи. Да, они рассматривали все так тщательно, что даже проверили пробу серебра. Пряности им, правда, понравились, но, когда мы сказали, что они привезены из [Ост-] Индии, кто-то спросил, какая это страна, как далеко от России и как туда попасть, удивились, когда им сказали, что на корабле.

Лакированные ларчики они приняли за стеклянные; сказали, что все вещи из меди должны были быть из золота, а все оловянные – из серебра, включая даже и замки. О фарфоровых чашках сказали: это глина, у нас ценится дешево. Об инкрустированном столе сказали – это дерево.

9 февраля.

Я пытался расспрашивать о странных обычаях их страны, но они притворялись глухими и не хотели говорить или не знали, что сказать, хотя хвастались тем, что у них есть все, о чем спрашивают, но о чем бы мы ни спрашивали, они отвечали, что все это у них есть, но нам этого видеть нельзя; так они ответили, когда я спросил о библиотеке царя и картах; говорят определенно, что здесь находятся древние книги Александра Великого, а также летописи страны и карты; «Только одни наши братья, – сказали они, – имеют туда доступ».

Они так ревнивы, что то небольшое, что они знают, они не смеют или не хотят сказать; всегда думают, что у них ищут какую-нибудь выгоду. Они тщательно осматривали наши одежды, примеряли на свои головы наши шляпы с перьями, и мы вели малозначительные беседы с этими большими господами, подобно тому, как у нас разговаривают с детьми.

21 февраля.

Русские, даже без царского на то приказа, обращаются с иностранными послами невежливо, думая, что этим они возвеличивают своего царя; и если такое удастся, они докидывают начальству, надеясь получить за это благодарность. Такова политика этой страны.

3 апреля.

Для развлечения царя имеется и большой пруд с рыбами. Когда мы спросили сторожей, какие там животные и рыбы, мы получили ответ: «Чтобы ответить на этот вопрос, у нас дня не хватит; почему вы спрашиваете об этом?» Эти люди очень ревнивы и боятся, что выдадут тайну, даже в таких мелочах.

Впечатления от национальных праздников

16 декабря.

Был день Николая; его праздновали с большим благочестием. Люди шли по улицам, крестились и молились, перед иконами зажигали свечи, иконы находятся напоказ внутри и снаружи дома; остаток дня они проводят в чрезмерном пьянстве. Воевода просил передать нам не выходить сегодня, ибо мы могли пострадать от пьяных. Я все же вышел на улицу из любопытства и видел, что весь город пьян, и мужчины и женщины.

24 декабря.

Настоящая причина, почему нас до назначенного времени не хотели пускать в Москву, была в том, что они от Рождества до Богоявления пьянствуют и не хотят, чтобы в этом им мешали.

13–14 февраля.

В пятницу и субботу мы видели много пьяных мужчин и женщин, попов и монахов разных чинов. Многие лежали в санях, выпадали из них, другие – пели и плясали. Теперь здесь было очень опасно; нам сказали, что в течение двух недель у 70 человек перерезали горло.

В первую, неделю поста все делается очень набожными; они моются и чистятся, исповедуются и мало выходят; сняв с себя грехи, они не имеют больше оснований для молитвы, поэтому после окончания поста снова грешат, чтобы было о чем молиться.

7 апреля.

Ну какая теперь снова началась пьянка! Кончились святые дни. Улицы были заполнены пьяными: многие лежали в грязи <...> другие вплоть до рубахи все пропили, отдав все в казну царя; да, мы встречали сани, полные пьяных женщин. Бояре тоже не зевали; они шатались по городу, а многие с трудом удерживались на конях.

Климат тоже не остался без внимания

10 декабря.

Холод стал такой пронизывающий и сильный, что мы временами начинали тереть нос и глаза снегом.

16 декабря.

Был такой сильный мороз, что влага в носу замерзала, как только выйдешь на воздух. Когда я однажды слишком долго был на улице, у меня лицо и рот так окоченели, что я с трудом мог говорить.

26 декабря,

Здесь зимой не время для верховой езды, это я вполне почувствовал; одна моя рука и полноса были почти бесчувственные и, попав в тепло, сильно ныли. Другие отморозили ноги так, что не могли долго усидеть.

27 мая.

[Обратный путь посольства] Комары, муравьи, москиты и жара мучили нас теперь, пожалуй, больше, чем тараканы и холод зимой. Да, мне думается, что жара в Индии ненамного больше, чем в этом месяце здесь.

1 июня.

Проехали около 9 миль, безмерно измучились от жары, комаров, москитов и муравьев.

И, конечно, русская кухня.

19 декабря.

[Снабжение посольства провизией] Для посла – 2 бутылки французского вина, 1 – испанского вина, 2 – вареного меда, 1 бутылку двойной водки, полбутылки уксуса, 1 бочонок меда и несколько больший – с пивом. Для дворян и офицеров – на 14 человек – одну бочку меда; для офицеров и слуг вместе: 1 бочонок водки и одну бочку пива. Для посла – кусок говядины, четверть овцы. Для офицеров – овца, для остальных – 2 овцы и кусок говядины. В общем на каждый день: 7 кур, 2 утки, 2 гуся, 100 хлебов, 1 кусок свинины, 10 окуней, 4 щуки, 2 фунта слив, 1 пакет с фунтом горчичных семян, такой же – с изюмом и с лучшими сливами, 5 мускатных орехов, 1/2 лота гвоздики, 1/2 унции перца, 1 пакетик корицы, 1 голова сахара, 1 фунт риса, 1 фунт растительного масла, 50 яиц, чашка сливок, ведро огурцов, 5 редек, соль и хрен, четверик муки, 3 фунта масла, ящик крупы, 8 небольших свечей.

8–11 января.

Любопытство привело меня в дом купца, куда я был приглашен на обед. Первым блюдом были засахаренные сливы и огурцы, на второе подали курицу в бачке, на третье – кусок свинины с уксусным соусом, который они ели ложками. Четвертое – какая-то странная жидкость, которую тоже едят ложками. Пятое – паштет из мяса, с луком, чесноком и т.д.

27 марта.

[О постном столе] Все блюда были приготовлены без рыбы, мяса, масла, яиц, молока, однако все разнообразное. Во многие блюда входили горох, изюм, рис, ячмень, растительное масло, лук, чеснок, гречневая мука, были и пшеничные пироги, грибы, сладкие лимоны и т.д. и т.п. Действительно, многое было вкусно приготовлено и – не откажешь – красиво оформлено; были и разные соки и соусы и запеченные в тесте яблоки.

29 марта.

Прибыл обещанный «корм» [жалованный царём послу] из 64 блюд и, соответственно, напитков. Теперь была рыба, а именно: осетр, очень крупная семга, щука, красная и черная икра, стерлядь, морской язык размером, наверное, 2 фута в квадрате, все с разными приправами; были паштеты, пироги с икрой, другие начинены чесноком и луком, большие пироги и печенье из толченой рыбы, которые сильно пахли, грибы в масле, печень, жаркое из осетра.

Разница между «кормом» и «столом царя» в том, что в последнем случае угощать приходит приближенный царя. Во всех этих сложностях мы должны были сами разбираться. Эту пищу присылают из трех приказов: один дает выпечку, другой – напитки и третий – рыбу.

К Новой Земле «Путешествие в Московию» Николааса Витсена прямого отношения ещё не имеет, но косвенное – очень даже. Именно с этого путешествия началось неустанное изучение им всего, что хоть как-то связано с Россией. Документы, свидетельства путешественников, карты, геологические образцы, всевозможные артефакты – Витсен не просто всё это собирает, он – систематизирует. И кропотливо складывает из этих осколков знаний целостную и всеобъемлющую картину России.

Трудится Витсен в свободное от основной работы время, пуская на это свои личные средства. Изучать Россию, находясь вдали от неё, оказалось даже проще, чем сидя в Москве – и матерьялы доступней, и никто не вставляет палки в колёса.

Результаты не заставили себя ждать. Скоро Витсен становится главным специалистом в мире по России. Никто, включая русского царя, не знает об этой стране столько, сколько знает о ней Николаас Витсен.

Медленно, очень медленно и кропотливо, проверяя и перепроверяя, Витсен пишет труд своей жизни – книгу о России, о землях и народах от западных застав и северных островов до восточного океана.

27 лет ушло у Витсена на подготовку первой (сокращённой) редакции своей книги. Ещё 13 лет потребовалось на вторую её редакцию. В 1687 году, когда сама книга ещё не была готова, в мире состоялись две знаменитые публикации. В Лондоне вышло некое философское, судя по названию, сочинение «*Philosophiae Naturalis Principia Mathematica*», а в Амстердаме Витсен напечатал первый материал из своей будущей книги – «Новую Карту Азии и Европы» («*Nieuwe Lantkaarte Van het Noorder en Ooster deel van Asia en Europa Strekkende van Nova Zemla tot China door Nicolaes Witsen*», 1687), которая стала первой собственно картой – в современном значении этого слова – Северной и Восточной Евразии.

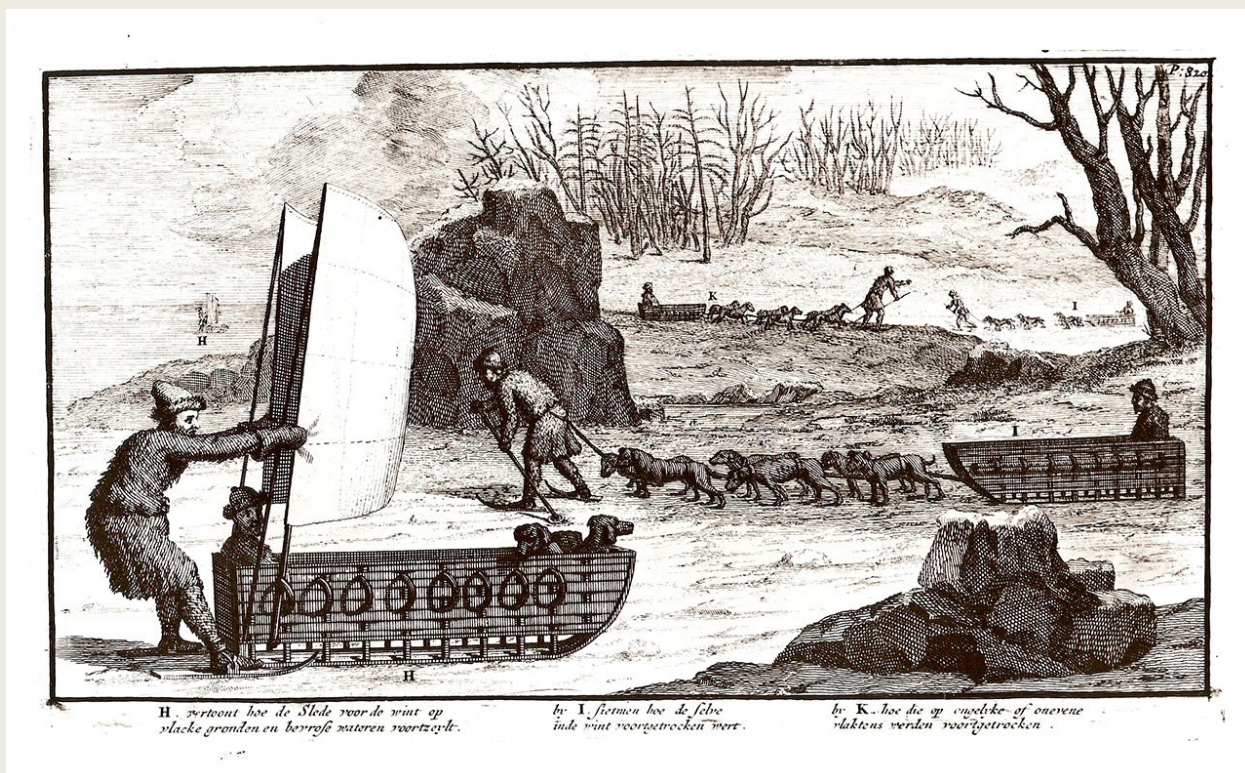
А 5 лет спустя, в 1692 году Витсен за собственный счёт издал в Амстердаме и сам фундаментальный труд – «Северная и Восточная Тартария» («*Noord en Oost Tartaryen*»).

Я поставил перед собой задачу составить карту и описание этих мало-известных земель, так как имел возможность беседовать со многими тартарами, греками, персами и с людьми, побывавшими в плену в азиатских странах. Беседовал я с синцами, наблюдавшими Тартарию и передавшими мне как синские, так и тартарские письма; имел сообщения от нидерландцев, побывавших в Пекине и Хоксиу. Кроме того, я получал известия как из самой Тартарии, так и из Московии, Астрахани, Сибири, Персии, Георгии, Турции. Даже из Индии получал я описания жизни в странах востока и северо-востока Азии; из Ниухе, Мугалии, Калмакии, Алтына, Сибири, Самоедии, Тингусии, стран, лежащих за Синской стеной.

Пересказывать эту книгу я даже не буду и пытаться. Один перечень её разделов трудно охватить с первой попытки. Вот он:

Ниухе – Корея – Область Даурия и соседние районы – Великая Синская стена, которая отделяет Тартарию от Сины – Йессо, Езо, Йесо и т. д. – Страна Мюгалия, Мугали, или Монгол и т. д. – Калмакия – Тангут – Земли Каскар – Узбек, или Загатай – Алсогд, или Согд – Область Бухара – Область Хорасан – Область Туркестан – Ховарезмия – Каблестан – Сегестан – Таберистан – Херат – Фаргана – Алсагарьян – Георгия, или Иберия – Область Менгрелия – Чиркассия – Крым – Нагайя – Черемисы – Мордва – Киргизы и Башкиры – О народах Остяках или земле Остякии – Алтын – Тингусия или Тунгусия – Астракань – Вятка – Области и места, лежащие вокруг знаменитой реки Оби, такие как Сибирь и другие – Сибирь – Самоедия и соседние местности.

Каждый из этих разделов представляет собой по сути целую книгу. Кажется, автор стремится зафиксировать все мыслимые проявления и формы бытия на подведомственной ему территории. В зоне его интересов китайские «фантастические» джонки и японские корабли; типология форм корня женьшеня; планы Нерчинска, Тобольска, Пустозёрска, Астрахани и проч.; исчезнувшие города в пустынях; дом наслаждений китайского императора; виды берегов Курильских островов и северных побережий; тангутский, мунгальский, грузинский и проч. алфавиты; костюмы якутов, калмыков, киргизов, тангутов и даурских народов; юношеский портрет Петра I; узбекские мужчина и женщина, нарисованные с натуры; оснащение человека, управляющего каяком; техника хождения зимой под парусом на санях; карта Крыма; летающая белка; тонкости запряжения собак в упряжки; линия летних льдов между Новой Землёй и Шпицбергенем; молитва «Отче наш» в переводе на два разных диалекта ненецкого языка и проч. и проч. и проч.

[Илл. 02-11-01-1. Разные способы передвижения по снегу в России. Витсен, «Noord en Oost Tartaryen», 2-е издание, 1705. Том 2, вставка после с. 820.]

К нашей теме – Новой Земле – относится лишь один-единственный раздел «Северной и Восточной Тартарии», а именно – «Самоедия». Но можно быть уверенным, что всё, что могло быть известно человечеству о Новой Земле на то время, в этом разделе представлено. А также много того, что нигде больше, кроме как у Витсена, для истории не сохранилось.

В 1687 году Витсен посылает свою «Новую Карту Азии и Европы» в подарок русским царям – молодому Петру (15) и уже не такому молодому Ивану (21). В ответ он получает от них личную (в данном случае – дву-личную) царскую грамоту со всяческим одобрением своей работы. Понятно, что в Москве всем заправляла ещё Софья, но видимо что-то тогда запало в душу Петру Алексеевичу, некое неясное пока ощущение. Рискну назвать это «ощущением возможности царства разума».

Как бы там ни было, а спустя 10 лет, уже полноценный царь Пётр совершает «Путешествие на Запад» практически в том же возрасте и практически тем же маршрутом, что и некогда Витсен, только в обратном направлении – из Москвы в Амстердам. Прямые следствия этого путешествия для России и мира известны каждому.

Возможно, чуть менее известно то, что именно Николаас Витсен был тем человеком в Амстердаме, который лично принимал там Петра (в том числе и у себя дома) и оказывал ему ежедневное содействие. Можно себе представить, сколь разительным нашёл он различие между Петром и его отцом, Алексеем Михайловичем, с которым Витсен некогда встречался в Москве. Витсен увидел воочию то, ради чего он, собственно, жил – возможность перемен.

В свою очередь молодому Пётру также несказанно повезло, что он встретил именно такого человека, как Николаас Витсен. Мы бы удивились, узнав, сколь многие стратегические решения принимаются на чисто личностном, эмоциональном уровне. Не персонифицируйся Петру Европа в образе такого человека, как Витсен, ещё неизвестно, обрела бы идея модернизации ту силу, что позволила его сознанию преодолеть порог непреодолимого искуса стабильности.

Контакты Петра с Витсеном с тех пор уже не прекращались. Принято писать, что Николааса и Петра связывала многолетняя (20-летняя, если точно) дружба. Полагаю, что это не совсем точно передаёт суть их отношений. Мне кажется, правильнее говорить, что Пётр обрёл в Витсене второго отца, тем более, что первого он практически не видел, и уж точно не знал. Не зря русский посол в Амстердаме Андрей Матвеев сообщал в своё время в тайной депеше, что ни в коем случае нельзя предлагать Витсену за его бескорыстную помощь России деньги – а вот получить от Петра собственноручное письмо было бы просто здорово.

Во время первого пребывания Петра в Амстердаме в 1697 году, Витсен, в числе прочего знакомил своего подопечного с методами производства бумаги и технологиями гравировки. Эти две простые вещи в результате определяют тот невероятный рывок в картографии (а значит, и в понимании мира), который произойдёт в России в самое ближайшее после этого время.

В Амстердаме Пётр успешно прошёл «курс молодого гравёра» (весьма, надо сказать, непростой) и собственноручно выполнил экзаменационную гравировку. Содержание её не буду здесь приводить, дабы не оскорблять чувств одних верующих и не потакать чувствам других верующих.

Полагают, что в 1717 году император Пётр I, плод любви Николааса Витсена к России, присутствовал в Амстердаме на его похоронах.

Книга Витсена «Северная и Восточная Тартария» имела два прижизненных издания – в 1692 году и (расширенное до 1000 страниц) в 1705 году. Оба издания были не коммерческими. Тираж хранился в виде отдельных листов, которые подбирались и переплетались по мере надобности. Так что разные экземпляры одного тиража вполне могут отличаться по составу. Книгу свою автор дарил друзьям.

Так прожил жизнь Николаас Витсен, собиратель земель русских.

В России книга «Северная и Восточная Тартария» Витсена не издавалась никогда. К настоящему моменту единственная её публикация на русском языке была осуществлена, *solī deo gloria*, в 2010 году в Амстердаме тиражом, обратно пропорциональным квадрату расстояния.

Пересменка: 1700-е

Хорошо известно, что всему толковому на Руси начало положил Пётр Первый. Потому в некотором замешательстве я вынужден констатировать, что никаких сдвигов по Новой Земле в правление Петра не имело места быть.

Так что единственное, что здесь остаётся, это обсудить вопрос, традиционно интересующий публику «Знал ли Пётр Первый о Новой Земле?» Однако это вопрос праздный. Как минимум по причине необъятной ширины спектра значений слова «знать». Да, Пётр имел техническую возможность подержать в руках карту «Восточной и Северной Тартарии» Николаса Витсена (присланную ему автором), на которой была обозначена Новая Земля. Но что из этого следует? На той же карте обозначена и Босбоза – так можно ли говорить на этом основании, что Пётр знал и о ней. Что такое «Босбоза»? Вот именно.

Так что интересующихся интересует по всей видимости другое. А именно – «Являлась ли Новая Земля в понятийном пространстве Петра Первого самостоятельным объектом с быстрым к нему доступом по идентификатору (названию)?» Другими словами, мог ли Пётр по названию вызвать из памяти образ острова и, наоборот, имея в уме его образ, мог ли он вызвать из памяти его название?

Ответить утвердительно на данный вопрос можно было бы на основании рукописей Петра, в которых он упоминал бы Новую Землю. Но таких рукописей наука не знает.

Лучшее, что имеется в этом смысле – письменное сообщение англичанина Джона Перри (John Perry), в котором он утверждает, что лично слышал, как Пётр высказывался по поводу идеи морского плавания вдоль северного берега Евразии. И в этом контексте Пётр вроде бы (из текста Перри это не очень понятно) упоминал и Новую Землю. При всем моём уважении к переводу княжны Дондуковой-Корсаковой, приведу текст в оригинале (по первому изданию записок Перри 1716 года):

I have often heard the Czar say, that he intends to send People on purpose to take a true Map of his Countrey, <...> and that than he <...> will search out wheither it be possible for Ships to pass by the way of Nova Zembla into the Tartarian Sea...

(«The State of Russia Under the Present Czar, by Capitain John Perry», p. 61. London, 1716)

Поскольку здесь автор использует не прямую речь, а косвенную, то из текста невозможно однозначно определить, утверждает ли автор, что Пётр упоминал Новую Землю самолично, или автор утверждает лишь то, что Пётр говорил в общих словах об идее северного морского пути, который (уже в пояснении самого Перри) проходил бы около Новой Земли. Вот такое вот свидетельство. Не бог весь что, но что есть.

Плюс к этому, имеется ещё пара писем к Петру, в которых их авторы походя упоминают Новую Землю.

Автор первого такого письма, Избрант Идес (да, тот самый), 2 сентября 1705 года пишет из Архангельска Петру о том, что некое судно (шняв «Меркуриус») согласно царскому распоряжению передано одному из компанейщиков князя Меншикова. Попутно автор сообщает, что это судно вернулось незадолго до того с Новой Земли (РГАВМФ, ф. 177, оп. 1, док. 46 «О вооружении и плавании судов и т.п.»). Вот и всё письмо.

Другое письмо с упоминанием Новой Земли, адресованное Петру, более интересно. Это, собственно, не письмо, а целое развёрнутое послание, даже два. Я говорю о проекте реформ, на свой страх и риск предложенных Петру менеджером среднего звена Фёдором Салтыковым, проживавшим по долгу службы в Лондоне. Документ яркий само по себе, безотносительно Новой Земли.

Свой проект тотального переустройства России Салтыков выслал царю двумя порциями. Первая называлась «Пропозиции» (1713), вторая – «Изъявления» (1714). Каждая из двух порций проекта содержит множество глав (только в «Изъявлениях» их 33), каждая из которых распадается на множество отдельных пунктов («Письма Фёдора Салтыкова <...> при том же в тетрадах: Пункты о прибылях и о правлении...», РГАДА, разряд 9, оп. 3 ч. 2, кн. 13, лл.938-985).

Свой проект Салтыков разработал самочинно, никто его об этом не просил. Это был своеобразный порыв души. Будучи в служебной командировке за границей, Салтыков, как и многие тогда, оказался настолько потрясён контрастом между двумя мирами (из которого он уехал и в который попал), что молчать было просто невозможно. Оказалось (как ему казалось), что некоторые вещи в государственном устройстве настолько очевидны, что достаточно будет нескольких царских указов, чтобы на Руси тоже установилось царство разума, справедливости и достатка. Просто о некоторых простых вещах на его родине никто ещё не додумался – и вот он сейчас всем откроет глаза, в первую очередь царю.

Вещей, которые следовало на Руси исправить, оказалось великое множество. Соответственно, план Салтыкова охватывал множество различных сфер – об устройстве переправ через Неву, о правилах сочинения истории, об установлении статуй и амфитеатров, об Украине, о размножении шелков, о бумажных заводах, о воскресных днях и обязательной исповеди, об учинении чина рефендаря, о сырных заводах, о создании библиотек, о строении каменных зданий чрез все государство и т.д и т.п.

Один из пунктов «Изъявлений» Салтыкова представлял собой ни много ни мало Проект устройства на Руси электронной почты (глава 9 «Изъявлений», «О пени-пост»).

Обычная почта в России к тому времени уже существовала. Она характеризовалась следующими отличительными признаками – а) дорого, б) медленно и в) трудна в использовании.

Салтыков предложил внедрить технологии, благодаря которым почта стала бы – а) практически бесплатной, б) фактически (по сравнению с существующей) мгновенной и в) технически сверх-удобной. А именно – ценой в одну копейку, с временем доставки в несколько часов (правда, только в пределах города) и с приёмом писем у каждого пользователя прямо на дому.

Благодаря таким параметрам, виртуальное общение по мысли Салтыкова должно было быстро вытеснить общение обычное, офлайновое – и привести к образованию и лавинообразному росту социальных сетей.

Облекает Салтыков эту блестящую идею в понятные современникам формулировки:

Причина дел и удобие человеческое состоится в том много, ежели кто живет в Питербурхе по одну сторону берега, а имеет нужду о чем говорить с другим человеком, которой живет по другую сторону <...> а те люди не имеют время сами с ними видеться и нет у них к тому людей, кого бы могли послать, а хотя бы и были у них люди, то станет в перевоз чрез реку столько же [по стоимости], кроме что человек потеряет время <...> тогда всем жителям питербурхским лутче писать грамотки, буде похотят в те места один к другому, а за те грамотки им платить только по копейке, а собирать те грамотки <...> ходить человеку с колоколом и звонить по всем улицам для сбора грамоток от пятого часу пополудни до одиннадцатого <...> на завтра в Питербурхе разносить и раздавать по адресом <...> от чего будет великая прибыль в доход, как войдёт в обычай, а людям великая удобность и покой <...> и для того, чтоб то вошло в обычай, безпрестанствовать в том, хотя и прибыли не будет в первой год.

Однако всё, чему «прибыли не будет в первый год», казне было не интересно. Так что проект, несколько опередивший общественный запрос, не пошёл.

А вот ещё интересное предложение Салтыкова – о мощении улиц плиткой, устройстве бордюров и перекрывании въездов во дворы:

Во всех городах и уездах чтоб улицы были вымощены диким камнем. И вымостить диким камнем для проезду корет, телег и верховых, а для пеших по сторонам, возле дворов, выстлать лещедьми дикого камня аршина по 3 или по 4, от дворов даже до мостов, а между моста и лещеди поставить столбы от проезду корет и от раскату саней, чтоб столб от столба не был в дальном разстоянии

(глава 33, Предложение 7)

Имелось у Салтыкова и много других интересных мыслей. Не забыта им была и Новая Земля.

В частности, в «Предложении 5» главы 23-й («О звериных всяких ловлях») он предлагал:

...устроить <...> компании для <...> звериного промыслу и те компании посылать чрез море в Новую Землю в летнее время и велеть им промыслять...

Но были у Салтыкова и более изощрённые планы относительно Новой Земли. Изложены они в Главе 25 «О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Омурского устья и до Китай».

Новая Земля начинала «играть» в этом плане не сразу, а после выполнения некоторых предварительных шагов. Сначала надо найти морской путь в Китай мимо сибирских берегов (очередная реинкарнация идеи Северо-Восточного Прохода). Затем следовало обнаружить, что этот путь чрезвычайно прост и удобен. Далее, нужно было разрекламировать этот путь среди европейских морских держав – так, чтобы все они захотели плавать в Китай именно здесь. И вот тут-то в плане Салтыкова в игру вступала Новая Земля.

Когда все европейские торговые корабли поплывут Северо-Восточным путём в Китай, они обнаружат, что проплыть туда можно только около южного берега Новой Земли (Салтыков немного путает её с островом Вайгач, но это не суть важно). Так вот, на этой Новой Земле нужно заранее построить крепость – и начать собирать пошлину со всех товаров, что проплывают мимо. Прибыль миллионы, затрат ноль. Чем не бизнес!

И по обретении того [налаживании международного торгового пути], на проливах Вайгач в Новой Земле построить одну крепость, а другую на матерой земле, что лежит против Новой Земли, построить крепость же для того: когда тот путь сыщется, для проезжих всех кораблей [установить] пошлины на приклад <...> отчего государству будет великая прибыль.

Откуда скромный служащий Фёдор Салтыков мог знать о существовании Новой Земли? Да откуда угодно. Начиная с 1589 года (то есть к тому времени уже 125 лет) любой мало-мальски образованный человек, имеющий пару свободных гиней, мог купить в любой лавке книгу Хаклюйта (а потом и разные другие книги), где много чего сообщалось по данной теме. Так что знать о Новой Земле «в общем и целом» – это был на тот момент вообще не вопрос. А уж тем более для Салтыкова, который в детстве шесть лет прожил в Тобольске, где его отец служил воеводой (1690 – 1696), и где Семён Ремезов как раз в эти годы готовил свою знаменитую «Чертёжную книгу Сибири» (в которой Новая Земля худо-бедно, но уже наличествовала).

Сам по себе план Салтыкова относительно Новой Земли был хорош, однако на пути его реализации имелось много «но». Да и вообще, судьба его «Пропозиций» и «Изъявлений» сложилась не слишком удачно.

Для начала, Фёдор Салтыков умер в Лондоне в 1715 году, так и не дождавшись царского ответа на свои предложения. Он даже не смог понять были ли прочитаны его предложения вообще.

Впрочем, прочитаны они были, хотя и с большой задержкой. Надо сказать, что подобные инициативы снизу в то время вообще приветствовались. Так, например, Алексей Курбатов (крепостной дворецкий Шереметева) через подобное предложение (ввести продажу гербовой бумаги), через пять лет после этого состоял уже в ранге царского министра финансов.

Однако в данном конкретном случае реакция Петра на предложения Салтыкова оказалась довольно прохладной. Лишь отдельные предложения были помечены Петром (простым крестиком на полях), как заслуживающие препровождения в профильные ведомства – и то не для обязательного исполнения, а просто для сведения.

В числе «помеченных» оказалась и глава 25 («О взыскании свободного пути...»), отправленная Петром в морское ведомство, адмиралу Апраксину. Где проект Салтыкова и сгинул благополучно с концами. Имя Салтыкова ни в каких государственных проектах в дальнейшем уже не всплывало.

Итак. Салтыков умер (1715), Пётр умер (1725), Апраксин умер (1728). Пришли новые времена, новые люди. И новые люди начали продвигать свои собственные новые проекты. Например, Великую Северную Экспедицию (1733 – 1743).

Но странное дело. Ход реализации этой Великой (в будущем) экспедиции в мельчайших деталях «случайно» совпал с проектом Фёдора Салтыкова. Читаем «Изъявления», главу 25:

Предложение 1.

Велеть сперва построить не очень большия морския суды, как буеры или шмаки по два или по три судна для скорости на реках у города Архангельского, на Двине; в Сибири на Березове городе; на Оби реке, на Лене реке, в Якутском остроге, в Сибири же, за Якутским острогом, около Святого Носа, обыскав удобное место на реках, которыя близко к устью Амуры реки, такожде и на Амурском устье, буде она в вашем державстве, только я о том не известен, о чем надлежит справиться, как мир сдelaлся с китайцами и в чьей стороне осталось устье амурское, понеже той реки устье лежит против Епонского острова.

Предложение 2.

И когда в тех речных устьях построятся те суды и к тем судам оправить несколько морских людей из иноземцев и из русских и велеть им описывать по тому берегу от ходу морского, от вдинского устья до обскаго устья, а от обскаго до енисейского, а от енисейского до ленского и до последнего речного устья, которое обыщется удобное близ Амуры реки и по устье амурское и вдоль между Епоном и Китаеми.

Предложение 3.

И когда те суды управятся и пойдут на море, велеть тем плавателем описывать по берегам и на море устья рек, как они найдут и в тех реках глубину и течение воды, какого образа земля на дне, в какой ширине и длине и на которой румб какое ни есть знатное место, дерево, года, строение, или сим подобное лежит, и разстояние их, и какая там клима... и т.д.

Знающие удивятся сами, а остальным подскажу – именно так, слово в слово, Великая Северная Экспедиция и была в результате организована.

Никакого Салтыкова в числе идеологов этого проекта, понятно, не значилось.

Земля или остров: 1745

Итак, сдвигов по Новой Земле в правление Петра не имело места быть. Однако практически сразу по его смерти процесс ускорился.

В конце декабря 1732 года императрице Анне Иоановне полетела (а на деле поплыла) секретная реляция от лондонского резидента (РГАДА, ф. Сношения России с Англией, д. 545, с. 255-256).

Ради должности моей быть нахожу вашему императорскому величеству всеподданнейше донести что по прибытии моем сюды один англичанин, которого имя по его прошению для его безопаства вашему императорскому величеству объявить не могу, подал мне приложенной при сем проект <...> В оном проекте ваше императорское величество усмотрит, что агличанин сей обещается от Архангелогородского порта сыскать безопасную морскую дорогу в Япон, в Хину и в Америку иждивением только двенатцети тысяч фунтов стерлингов <...> Обещал я ему нужный на проезд его пасепорт дать.

К реляции прилагался сам проект (так называемый «Проект Элтона»), озаглавленный «О изыскании корабельного ходу от архангельского города около Новой Земли, в Японию, Китай, Индию и в Америку и в протчие»:

Действительно доказывается, что имеется море, которое ведет от Архангельского города до Япона, Китая, Индеи и Америки и до протчих, которым на кораблях ходить можно безопасно и с успехом. Что вероимнее есть от Европы дойти до самых норд-остовых берегов России и Тартарии и с вящим успехом и с меньшими проторми водою нежели сухим путем.

Данный проект ходу не получил в силу многих причин, главная из которых – неудачно выбранный момент. Уже начала разворачиваться Великая Северная Экспедиция (тогда величавшаяся ещё просто «Второй Камчатской»), которую планировалось осуществить собственными силами.

Я бы не стал и поминать «проект Элтона», если бы не личность лондонского резидента, втянутого в проблематику Новой Земли. Имя этого резидента – князь Антиох Кантемир, величайший из русских изосиллабических поэтов. Происхождением из Молдавии, родившийся в Стамбуле, проживший полжизни в Лондоне и умерший в Париже.

Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых
Где вы лет тоскуете в тени за ключами!
Жадно воли просите, льстите себе сами,
Что примет весело вас всяк, гостей веселых
<...>
Жадно волю просите, и ваши докуки
Нудят меня дозволить то, что вредно, знаю,
Нам будет; и, не хотя, вот уж дозволяю
Свободу. Когда из рук пойдете уж в руки,
Скоро вы раскаетесь, что сносить не знали
Темноту <...>

Пока в вас цвет новости лестной не увянет,
 Народ, всегда к новости лаком, честь нас станет,
 И умным понравится голой правды сила.

Пал ли тот цвет? больша часть чтецов уж присудит,
 Что предрезостный мой ум в вас беспутно блудит.
 Бесстройным злословием назовут вас смело,
 Хоть гораздо разнится злословие гнусно
 От стихов <...>

Мало кто склонен смотреть чистыми глазами.

Когда уж иссаленным время ваше пройдет,
 Под пылью, молям на корм кинуты, забыты
 Гнусно лежать станете <...>

<...> В речах вы признайте
 Последних моих любовь к вам мою. Прощайте.

«Письмо II к стихам своим», 1740

А с самой Новой Землёй в это время происходило вот что. Примерно к середине 1740-х годов окончательно установилось, что Новая Земля – остров.

Я не зря применил безлично-возвратную форму глагола «устанавливать» – конкретного автора у этого важного открытия нет. Напомню проблему.

Хотя гипотеза об островной сущности Новой Земли выдвигалась многими с самого момента её открытия, но столь же многими параллельно выдвигались и противоположные гипотезы. В частности, что это – южный мыс некоего неизвестного арктического материка (чей другой мыс – Гренландия).

После того, как Виллем Баренц в 1594 году открыл северную оконечность Новой Земли и гипотеза об «арктическом материке» отпала, на авансцену тут же вышла другая альтернативная гипотеза. А именно, что Новая Земля идёт сначала на север до точки, открытой Баренцем, там она погибает (как это делает Скандинавия) и где-то на востоке «прирастает» к Евразии, становясь, таким образом, её полуостровом. Соответственно, Карское море – всего лишь залив с узким горлом у острова Вайгач. Этой гипотезе, как только она возникла, сразу нашлась масса подтверждающих фактов. А именно – низкая солёность Карского «моря», свидетельства местных жителей (самоедов), несимметричность приливов в Югорском шаре и проч.

На картах всего XVII и начала XVIII века Новая Земля изображалась трояко: либо как вытянутый остров, либо как сильно изогнутый полуостров Евразии, либо (самое корректное) как незамкнутый отрезок линии, очерчивающей западный и северный берега, а с востока оставляющей свободу интерпретациям. Все три варианта были чисто предположительными.

И вот к середине 1740-х годов истина, наконец, определилась. По принципу «от обратного». Как мы помним, при Анне Иоановне (племяннице Петра I) началась, а

при Елизавете Петровне (дочери Петра I) закончилась «Великая Северная Экспедиция» (ВСЭ). Это был большой географический проект, растянувшийся на 10 лет, с 1733 по 1743 годы. Только самостоятельных «отрядов» было 7 штук, каждый из которых ещё распадался на отдельные «экспедиции», имевшие самостоятельное (и по ходу дела менявшееся) руководство.

Собственно Новая Земля никак не входила в зону интересов ВСЭ, целью которой было описание северного и восточного побережья Евразии. В целом эта цель к 1743 году была достигнута.

Но попутным результатом этих исследований стало понимание того, что никакая «Земля» (в том числе и «Новая») к Евразии с севера не «прирастает». А раз Новая Земля не полуостров «Арктического материка» (как установил Баренц), и не полуостров Евразии (что косвенно следовало из результатов ВСЭ) – значит она может быть только островом с неизвестной пока линией восточного берега. Что и требовалось доказать.

Розмыслов: 1767

Но пора уже нам перейти от изосиллабической поэзии – к поэзии силлаботонической. Новая волна будущих звёзд поэтического Олимпа (то бишь Парнаса), отвоёвывая своё место под солнцем, жаждет сбросить Кантемира с дубельшлюпа современности.

Открылась бездна звезд полна;
ЗвездАм числа нет, бездне дна.

Всё правильно. Слово (частный элемент) может быть прогнута под себя как угодно, ритм (общий принцип) – никогда. Так мы дошли, наконец, до Ломоносова. Как вообще можно без Ломоносова?

В 1739 году 28-летний Михайло Васильевич, находясь под большим впечатлением от только что проштудированного им «Самоучителя поэзии» Иогана Гюбнера (Johann Hübner), пишет из Марбурга на родину «Письмо о правилах российского стихотворства», воспринятое в русских поэтических кругах, как откровение. Чуть оправившись, все кинулись работать ямбы и хореи.

Склонный к предельному лаконизму, Ломоносов передаёт название Самоучителя, как «Вновь расширенное поэтическое руководство, то есть кратко изложенное введение в немецкую поэзию», хотя полностью название Самоучителя я бы перевёл так: «Руководство по стихотворству – полный Реестр рифм, снабжённый исчерпывающими наставлениями по немецкому стихосоставлению, для начинающих искушаться к превеликим своим пользам в немецком рифмоплетении, с немалым прилежанием составленный» («Poetisches Handbuch. Das ist Ein vollständiges Reim-Register Nebst Einem ausführlichen Unterricht von den Deutschen Reimen Allen Anfängern in der deutschen Poesie zu grossen Nutzen mit höchstem Fleiße zusammen getragen»).

Уроки этого Самоучителя Ломоносов пронесёт через всю жизнь. Даже 24 года спустя он продолжает им руководствоваться.

Блаженство общества всядневно возрастает;
Монархия труды к трудам соединяет.

Так пишет он в 1763 году своей пятой по счёту (после Марты Самуиловны, Анны Иоанновны, Елизаветы Карловны и Елизаветы Петровны) «монархине», Софье Кристиановне.

А ещё в 1763 году Михайло Васильевич пишет той же императрице доклад под названием «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

Это достаточно длинный документ в 123-х параграфах с Предисловием и Заключением, предпосланный «Е. и. в., пресветлейшему государю цесаревичу, великому князю Павлу Петровичу, герцогу шлезвиг-голстинскому, стормарнскому, дитмарсенскому, графу олденбургскому и делменгорстскому, наследнику норвежскому, флотов российских генералу-адмиралу, милостивейшему государю».

Это сам по себе крайне поучительный документ, где правильным фактам даётся неправильная интерпретация, на основе которой делаются правильные прогнозы, на основе которых делаются неправильные выводы.

А именно, анализируя геометрию известных частей суши (Европы, Америки, Азии), Ломоносов усматривает в ней глобальную симметрию (как широтную, так и азимутальную), и на основе этого сомнительного обобщения заключает, что форма северных берегов Северной Америки (на тот момент неизвестных) должна в целом походить на форму северных берегов Евразии (уже известных). То есть, что никакого материка у Северного полюса быть не должно. Что оказалось впоследствии абсолютно верным. Более того, Ломоносов предрекает, что северные берега Америки должны быть гористыми (а не плоскими, как в Евразии), и что никаких рек, соизмеримых с Леной и Енисеем, там быть не должно. И этот прогноз Ломоносова в точности оправдывается. На основе всех этих правильных прогнозов Ломоносов заключает, что море в районе Северного Полюса должно быть свободным ото льдов. А вот здесь он немного ошибся.

В Докладе Ломоносова Новая Земля поминается часто, в основном как источник затруднений для мореплавания.

Происхождение падуна уже и по имени явствует, ибо когда летнею порою поверхность Новой Земли от снега свободится и потекут ручьи и речки в море, тогда под намерзлые в ущелинах крутых берегов ледяные горы пресная вода с земли в море путь находит и оные подмывает, также и волны морские подплескивают, от краев ущелин дожди и ручейки отполаскивают, а больше всего когда тягость толь великия громады, преодолев связь с каменною горою, обрушивается в море и производит ужасный гром и шум, как бы из целой артиллерии и многого мелкого ружья вдруг выпалить.

Для <...> судов собрания должно назначить места, к чему служить может <...> восточный конец Новыя Земли, названный мыс Надежды, на котором в пристойном месте завести магазин со всякими припасами.

В следующем, 1764 году Ломоносов пишет «Прибавление о северном мореплавании на восток по Сибирскому океану», в котором он корректирует свою позицию – плыть лучше не вокруг Новой Земли, а ещё севернее, через Шпицберген.

Слово Ломоносова – автора латинского «Рассуждения о происхождении ледяных гор в Северных морях» – есть слово Ломоносова. По результатам Доклада и Прибавления начинается морская экспедиция в Северный океан для... да-да, для очередного открытия морского пути в Индию. Ломоносов сам участвует в отборе руководителей этой экспедиции, разрабатывает регламенты и проч. Но тут Михайлу Васильевичу нежданно «открылась бездна» и экспедиция выходит в море уже без его попечения. Возглавляет экспедицию Василий Чичагов, будущий адмирал и будущий отец адмирала.

Бороться со льдами Ломоносов предписывал ему так:

Плавающим по Ледовитому морю приключается, что запирают их окружающие льды: как сперва малая льдина ход затворит и пока оную отводить стараются, между тем другие больше и больше поспевают и выход

совсем пресекают. Для скорейшего и сильнейшего разбивания льда, уповаю я, что весьма служить будет порох таким образом, как рассекаются в рудокopных ямах каменные горы. Того ради должно на всяком судне иметь буравы, подобные горным, чем бы лед просверливать. Сия работа весьма будет происходить скоро, ежели буравы употребятся к тому горячие или и раскаленные (для всегдашней готовности должны они всегда лежать на очаге острыми концами к огню), а в проверченные на льду дыры всунуты будут готовые к тому патроны с фитилями, охраненные от мокроты смолою.

Чичагов выплывает в 1765 году из Колы (Мурманска) в сторону Шпицбергена. Экспедиция в целом была неудачная. Ни в том году, ни в следующем 1766, продвинуться дальше Шпицбергена не удалось. На том проект Ломоносова был закрыт.

Всё это не имело бы отношения к Новой Земле, если бы не одно удивительное совпадение. Практически следом за Чичаговым, будто необъяснимым образом спровоцированная Ломоносовским докладом, в 1768 году из Архангельского порта к Новой Земле выходит государственная экспедиция под началом штурмана Фёдора Розмыслова. Он станет первым казённым человеком, ступившим на эту землю.

Ввиду эпохальности самого факта экспедиции, о её обстоятельствах следует сказать чуть подробнее.

Статус экспедиции – государственный, но – регионального, губернского масштаба. Инициатором явился Архангелогородский губернатор Андрей Головцын, однако для её проведения требовалось, разумеется, Высочайшее соизволение. Кое и было получено по представлению всеподданнейшего доклада в конце мая 1768 года.

Задачи экспедиции в своём официальном «Наставлении» в 15 пунктах Головцын определил предельно ясно. Найти предполагаемый сквозной пролив через Новую Землю (якобы существующий по сообщению кормчего Якова Чиракина). Если пролив обнаружится, то картографировать и описать его. Попытаться выйти через него в Карское море. Если и это получится, то попытаться доплыть до устья Оби.

Есть в Наставлении и прямой отсыл к Ломоносовскому проекту установления морского пути в Индию. То, что двумя годами ранее аналогичный проект провалился, было даже хорошо, поскольку давало губернатору шанс встать впереди паровоза. Поэтому пункт 11-й Наставления гласил:

Как небызвестно вам, что с стороны Российской Империи об открытии пути в северную Америку многие опыты с великим казенным иждивением чинены и предприимлемы были, но оные и поныне остались ещё без желаемого успеху, то <...> не будет ли способов впредь испытать с того места восприять путь в северную Америку.

Не забыты были и дела более земные. Читаем пункт 7 Наставления:

На островах близ пролива <...> осмотреть в тонкости, нет ли каких руд, и минералов отличных, и неординарных камней, хрусталя, и иных курьезных вещей <...> и жемчужных раковин.

В этих строках мы видим слабый, но вполне различимый отблеск второй (наряду с желанием обскать Ломоносова) движущей пружины экспедиции. Всё началось, как мы помним, с сообщения кормщика Якова Чиракина о проливе. С него тогда были сняты письменные показания, но кроме письменных существовали показания и устные, ещё более интересные. О них мы знаем из журнала самого Розмыслова. А именно, Чиракин (со слов Розмыслова) утверждал, что на Новой Земле в районе пролива находится некий сказочный «камень» неземной красоты:

Камень, весьма примечания достойный, <...> такой красоты, когда в ясный при солнце день, оной глазам представляет разных цветов искры <...> почти за алмаз почитаемый.

Теперь всё складывается. Радужная перспектива засветится при дворе, коммерческие торговые виды и волшебный камень, за алмаз почитаемый. Можно плыть.

Состав, а главное финансирование, экспедиции были смешанными – частно-государственными. Купец Антон Бармин снарядил за свой счёт судно («кочмару») и экипаж из 10 человек со всем необходимым, а казна со своей стороны командировала командира (Фёдора Розмыслова, «штурмана флота в чине поручика»), его заместителя (подштурмана Губина) и двух матросов, снабдив этих четырёх участников провизией и снаряжением.

Кроме обычного набора, было отпущено «6 дестей лучшей бумаги, 2 стопы бумаги писчей, <...> 2 дюжины карандашей, 6 брусков чернил китайских <...> 1 дюжина хорьковых кисточек <...> и полкуля сосновых шишек».

Понятно, что не-государственным участникам экспедиции нужна была какая-то мотивация (служилым шло жалованье). Губернатор Головцын в своём Наставлении предусмотрел и это.

Оному кормщику и работникам в подлежащее время в промыслах их препятствия не чинить, но с теми кормщиком и работниками и всем будущим в команде обходитца ласково и никаких ссор не делать, а иметь между собою любовь.

Я [губернатор Головцын] со своей стороны все силы употребить, равно же кормщику и работникам к неоскудной заплате старания учинить, не оставлю.

За что я [губернатор Головцын] пред Ея Императорским величеством по справедливости вашей, равно же и всех протчих в том трудившихся, рекомендовать и благополучиями споспешествовать обязанным найдусь.

И, конечно, всё делалось под завесой сугубой секретности и государственной тайны. Пункт 15 и последний Наставления:

Как сие дело в секрете содержать подлежит, то чтоб ни показанные морские служители, ниже кормщик и работники, никому в силу законов под жестоким наказанием не объявляли, обязаны они в том подпискою.

Высочайшее соизволение этого не требовало, пункт 15 губернатор добавил от себя лично.

Итак, поплыли. Всего из Архангельска 9 июля 1768 года вышло 14 человек, включая «виновника» предприятия Якова Чиракина. С его помощью, пролив в Новой Земле благополучно был обнаружен и Розмыслов приступил к промерам и зарисовкам.

Лето началось в начале августа, а в конце августа закончилась осень.

Зимовка была предусмотрена планом, поэтому на берегу пролива, недалеко от выхода в Карское море, поставили две избы. Взаимоотношения в коллективе, вопреки губернаторскому наказу «иметь между собою любовь», судя по всему, не задались (что подтверждает и Крестинин). Во всяком случае избы для зимовки поставили не то что не рядом, а аж на разных берегах пролива.

Особых событий зимой не было. День шёл за днём, зимовщики постепенно умирали. Из 14 человек в Архангельск вернутся только 6.

Весной Розмыслов со здоровой частью экипажа сделал дальнюю сухопутную вылазку для розысков «волшебного камня» Чиракина. Камня обнаружить не удалось.

Я с бывшими при мне людьми старанье прилагал найти тот удивительной красоты камень; но множество их обошед, и ни один, кроме своего дикого цвета, никакой отмены не показал.

В августе лёд в проливе сошёл. Оставшиеся в живых предприняли попытку пойти по Карскому морю в сторону устья Оби, но продвинуться получилось только на 60 вёрст. Дальше начались сплошные льды, так что еле удалось вернуться назад к суше. По тому же проливу, но в обратном направлении, они прошли к западному берегу Новой Земли. Здесь, в самом устье пролива, силы и ресурсы исчерпались окончательно.

На своё счастье, Розмыслов (к тому моменту уже полтора месяца как бывший «трудно больным») с пятью товарищами увидели промышленное судно, зашедшее в пролив забрать оставленный здесь груз. Кормчие этого судна Антон Ермолин и Иван Лодыгин забрали оставшихся в живых участников экспедиции и, закончив свои коммерческие дела, 9 сентября 1769 года доставили всех к Соломбальской верфи, в Архангельск. Прогнившую кочмару так и бросили у берегов Новой Земли.

В Архангельске Фёдору Розмыслову удалось выздороветь. Его отчёт и другие материалы по экспедиции губернатор Головцын во всеподданнейшем рапорте от 20 марта 1770 года направил на благоусмотрение Государыни Императрицы.

Надо отдать губернатору Головцыну должное – секретность экспедиции ему удалось соблюсти в полной мере. Никто о ней так и не узнал, а вскоре и те, кто что-то слышали по должности, о ней забыли.

Участникам экспедиции также пришлось забыть о губернаторском обещании «не оставить старания учинить неоскудную заплату» и «найти себя обязанным благополучиями споспешествовать».

Единственный след этой экспедиции, понятный, впрочем, только посвящённым, обнаруживается на всех последующих российских картах Новой Земли (начиная уже с карты Ивана Трескота 1772 года), где остров уверенно перерезается пополам сквозным проливом, вычерченным с какой-то избыточной детализацией и конкретикой. На источник происхождения плана этого пролива нет при этом нигде даже и намёка.

Откуда мы тогда вообще знаем об экспедиции Розмыслова? Из трёх оригинальных источников.

1. Статья 1820 года «Извлечения из журнала Штурмана Розмыслова, зимовавшего на Новой Земле в 1768 году» (опубл. в сборнике «Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности», часть 4, 1820, СПб, Морская типография, с. 379-391.). Здесь на 12-ти страницах даётся краткий пересказ хода плавания и зимовки, без цитат. Автор «Извлечения...» не указан. Возможно (моё личное предположение) оно подготовлено Фёдором Литке.

2. Обзор 1828 года Фёдора Литке исторических плаваний к Новой Земле – в части, касающейся экспедиции Розмыслова, всего 12 страниц (опубликовано в книге Литке «Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан», 1828, СПб, Морская типография, с. 92-104)

3. Брошюра 1898 года Н. Чулкова «Экспедиция на Новую Землю под начальством Розмыслова в 1768-1769 гг.» (Архангельск, 1898, Губернская типография, всего 55 страниц). Брошюра составлена, по выражению автора, «по архивному делу», с включением цитат из документов. В целом, публикация Чулкова вызывает ощущение вполне добросовестной работы.

Сам же «Журнал плавания Розмыслова» никогда не публиковался – ни целиком, ни частями, ни в виде рукописи, ни в виде текста. Однако он существует и сохранился в неплохом состоянии. Спорные места предыдущих трёх источников я старался прояснять именно по рукописи этого журнала. К этой рукописи мы ещё вернёмся.

Но самое первое сообщение об экспедиции Розмыслова, длинной ровно в 14 строк, имело место в 1788 году в одной знаменательной статье Василия Крестинина.

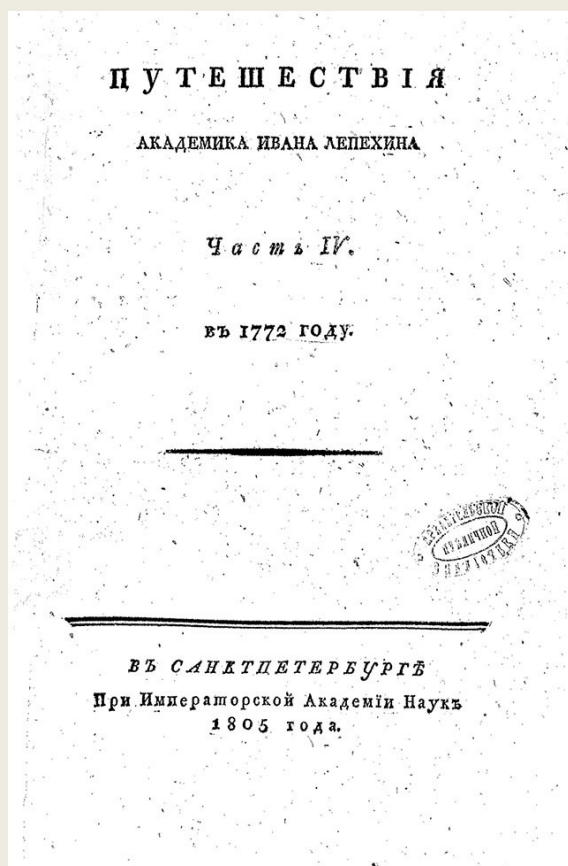
Крестинин: 1788

Ломоносов породил Чичагова, Чичагов породил Розмыслова, Розмыслов породил Лепёхина. Кто породил самого Ломоносова – на эту тему есть разные спекулятивные теории, крайне популярные в среде студентов Московского Университета.

Итак, академик Иван Лепёхин (второе «ё»). Странное дело. Стоило пройти двум в общем-то неудачным экспедициям в Гипербореях (Чичагова и Розмыслова) – и мода на русский Север тут же, как цунами, захлестывает академический мир. Север теперь, видите ли, всех интересует. Так что нет ничего удивительного в том, что свежее испечённого академика Ивана Ивановича Лепёхина, 31, уже три года как колесящего по южным весям Империи, этой всеобщей волной неотвратимо забрасывает (вместе с учеником Николаем Озерецковским, 21) в 1772 году в Архангельск.

Северные виды, да и вообще путешествия, Лепёхину очень понравились. По впечатлениям четырёхлетних странствий, он пишет свои знаменитые «Записки» в четырёх томах. Полное название – «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства». Первые два тома вышли сразу (в 1771 и 1772 годах соответственно), третий – с заметной задержкой (в 1780), а последний, четвёртый том – только 33 года спустя после самой поездки на Север, в 1805 году.

Архангельская часть путешествия Лепёхина вошла как раз в этот 4-й том, называющийся уже просто «Путешествия академика Ивана Лепёхина, IV, 1772».

[Илл. 02-15-01-1. «Путешествия академика Ивана Лепёхина», часть 4, 1805. Титульный лист.]

Хорошо, что мы знаем. Знаем, что местоимение «мне», употреблённое в «Географическом известии...», относится к другому лицу, поскольку само это «Известие» целиком принадлежит перу другого автора – Василия Крестинина. Опубликовавшего этот свой опус за 17 лет до того, ещё в 1788 году, в журнале «Новые Ежемесячные Сочинения». Единственно, тогда это всё называлось «Географическое Известие о Новой Земле Полуночного Края».

В оправдание Лепёхина следует сказать, что 4-й том его «Записок» вышел уже после его смерти и в его окончательном редактировании он участия принимать не мог. Публикацией занимался его ученик, тот самый Николай Озерецковский, к этому времени сам академик (а тогда, в 1772 году, после Архангельска ещё только отправившийся учиться в Голландию, в Лейденский университет). Качество подготовки рукописи к печати оказалось аховое. Часть текста принадлежит, видимо, Лепёхину, часть – самому Озерецковскому, часть – Фомину, часть – Крестинину, часть – ещё неизвестно кому. Однако понять, что есть что, из текста совершенно невозможно. Автор всему указан один – академик Иван Лепёхин. До остального надо в лучшем случае докапываться, а где-то – только догадываться.

Но так получилось, что «Записки» Лепёхина обрели по факту широкое хождение, а издания, где публиковался Крестинин – нет. Так что его эпохальное «Географическое описание Новой Земли» известно теперь преимущественно по 4-му тому «Записок» Лепёхина, где Крестинин не указан в качестве автора ни в оглавлении книги, ни в тексте самой статьи.

Однако мы говорим, что «Лепёхин породил Крестинина», не только по этой причине.

Василий Васильевич Крестинин – архангельский краевед, по происхождению – из купцов, по роду занятий – мелкий служащий (к концу жизни, правда, «степенный гражданин»). Историей родного края он интересуется (как я уже устаю в этом обзоре писать) «в свободное от работы время». Но работа Крестинину – постыла, а история – препрелестна.

И тут, в 1772 году в Архангельск приезжает «настоящий академик», да ещё «из Петербурга»! И не просто приезжает, а ласково принимает местного краеведа, общается с ним, расспрашивает, хвалит. Могу предположить, что именно эта встреча с Лепёхиным (будущим автором «Размышлений о нужде испытывать лекарственную силу собственных произрастений») и дала Крестинину внутренний импульс к «собственным произрастениям» на всю жизнь. Ведь местное начальство (тот же Головцын) до того и в упор не хотело видеть в нём «к пользе подвижающегося».

И Крестинин начинает с удесятёрённой энергией собирать, обобщать, писать и в Петербург посылать. Тем более что, уезжая, важные гости прямо наказали Крестинину продолжать его изыскания, в том числе и конкретно по теме Новой Земли.

Этот наказ реализовался (16 лет спустя) в 3-х больших публикациях Василия Крестинина в журнале «Новые Ежемесячные Сочинения». Это было собственно «Географическое известие о Новой Земле Полуночного Края» (1788, т. 19, с. 3-46) и два к нему «Прибавления» (1789, т. 31, с. 3-78), едва успевших выйти до того, как народ, внявший пламенным призывам Донатьена Альфонса, двинул расчищать почву для Новой Оперы.

В лучших научных традициях, Крестинин (на Новой Земле не бывавший) указывает источники своей информации. А именно, «Географическое известие...» он пишет «по сказанию кормщика Ивана Шухобова», «Прибавление первое» – «по сказанию кормщика Федота Рахманина» и «Прибавление второе» – «по сказанию кормщика Алексея Откупщикова», по прозвищу «Пыха».

Но не стоит думать, что «Географическое известие...» – это просто запись «сказаний поморов». Полноценным автором всех трёх статей является по всем меркам именно Крестинин. Он допрашивает кормщиков с предельной степенью научной пристрастности. В результате Крестинин получает весьма актуальную информацию – и тут же, по свежему следу, столбит её в статьях.

В три упомянутые статьи вошли разделы: Местоположение, пространство и разделение Новой Земли – Губы, реки и озера – Горы и мысы – Поверхность – Пространство – Малые острова прилежащие – Воздушные перемены – Растения – Животные земные, водяные и воздушные – Упражнение жителей – Исторические приключения – и прочие.

Специальные разделы посвящены таким важным темам, как: «Ископаемости», «Прозябаемости» и «Некоторые породы из трёх царств натуры».

Особо ценным стало «Прибавление второе» (и последнее), посвящённое сведениям о северной части Новой Земли, науке практически неизвестной. К этому разделу сочинения Крестинина мы в будущем ещё вернёмся.

Конечно, «Известие...» Крестинина – это ещё не вполне научная работа, а сказания поморов – они и есть «сказания». У Крестинина можно найти много неточностей, неверностей, да и просто несуразностей. Но при всём при том, это – первая серьёзная русская заявка занять своё место в истории исследований острова. Впервые после Барнеца было предложено описание берегов Новой Земли, основанное на личном опыте (правда, опосредованном) и вносящее ряд уточнений в Баренцеву картину новоземельского мира.

Поскольку данное сочинение не переиздавалось с 1805 года, то нельзя исключить, что у некоторых нынешних читателей в их домашней библиотеке его экземпляр отсутствует. Для них пробежусь по избранным местам «Географического известия о Новой Земле Полуночного Края», опуская неисчислимые исчисления мысов, островов, заливов, гор и рек:

С начала осени даже до марта в ясные погоды завсегда блистают над Новою Землёю огнеобразные сполОхи (северное сияние), смущающие ужасом незнающих людей.

В летнее время с гор сих падуны пресной воды с великим шумом низпускаются в заливы.

Царство подземных сокровищ Новой Земли обещает ещё нашим купцам два товара: нефть и каменное уголье.

Все жители сей земли суть пришельцы – <...> стекаются <...> препроводить в Новоземельском звероловстве время, несколько более или менее года, и потом с желаемой добычей возвратиться восвояси.

Хозяин обязан снабдить своих <...> промышленников всем [необходимым – снастями, одеждой, припасами]. <...> Напротив же того, обязываются промышленники доставить без изъятия в хозяйские руки всю морскую и горную их добычу и делить с ним весь промысел по уравнению «ужны». Ужнями называются паи. Часть хозяйская по ужнам занимает обыкновенно <...> две трети, а достальная треть принадлежит промышленникам. <...> Последняя треть раздробляется на разные части. Кормщик, яко глава, должен получить награждение против рядового промышленника в четверо, или в пятеро, иногда же в шестеро или в семеро более.

Угар, по свидетельству кормщика Шухобова, причиняет иногда скоропостижную смерть зимующим на Новой Земле мореходцам.

На цынгу, случающуюся обыкновенно зимою, служат лекарством сосновые шишки и ягода морошка, запасаемая напередь хозяином судна. Сосновые шишки, употребляемые неподобие чаю, облегчают грудь и освобождают от задышки, а морошка от назубицы.

Нынешняя наука мореплавания всех поморского северного края кормщиков состоит только в употреблении компаса (здешние поморцы называют компас «маткою», словом Российским известного произведения) и песочных часов; вместо Меркаторской карты служит им собственная их память. <...> Впрочем, разные неграмотные но любопытные кормщики не пренебрегают иметь у себя собственные карты морей, печатные иностранные, рукописные Российские.

Около 1770 года, покойный Архангелогородский купец Антон Бармин, человек сильный богатством, отправил <...> к Новой Земле собственное судно, под начальством морского офицера Розмыслова и кормщика Чиракина. Чиракин <...> Бармину обещал открыть путь к серебряной руде. Барминское судно на Новой Земле <...> зимовало; там умер Чиракин в зимнее время, который товарищем своим Розмысловым был недоволен; Розмыслов же возвратился назад без успеха.

По измерению флотского штурмана Розмыслова, длина <...> пролива [перерезающего Новую Землю] 102 версты.

Розмыслов один только геометр из Россиян посетил Новую Землю; он, по свидетельству Рахманина, проехал весь [пролив] от устья до устья; но более сего других размеров на Новой Земле не делал по причине, что путешествие его на Новую Землю было не для Географии, но для обыска в Серебряной губе драгоценного металла, на счёт интересов <...> Антона Бармина.

Самый пролив во внутренности узок; ширина его сто сажен и не многим более; на обоих берегах пролива высокие каменные горы; наклонность

их над сим проливом в некоторых местах подобна своду, имеет на верху узкое отверстие или ущелье.

Все берега северо-западной части Новой Земли покрывает непрерывный хребет. <...> Горы сии лежат по большей части подле самого моря: некоторые из них опускаются в морскую воду утёсом, стоят аки стена неприступны. <...> Сии горы простираются почти на 1200 верст.

На рассыпавшихся крестах [на Мучном носу] были вырезанные надписи <...> что приходили к ним [к «людям из Нова города Строгоновым»] некоторые люди, называемые Шаршуты, и их обидели. В надписях представлены сии люди с железными носами и зубами, и что страшное их видение смертоносно.

Со временем, когда любовь к наукам в мезенских гражданах распространится, надлежит ожидать во всем доброй перемены.

История повторяется. Как Крестинин не дал забыть Розмыслова, так самого Крестинина не дал забыть Литке.

Обладатель Полнощных гор: 1820

Фёдор Петрович Литке – это такая грандиозная тема, что перед ней я хочу взять паузу и сделать небольшое лирическое отступление. Лирико-романтическое, если совсем точно.

1817-й год. В Кронштадте готовится большая кругосветная экспедиция. От желающих принять в ней участие отбоя нет, но начальник экспедиции, капитан 2 ранга, легендарный Василий Михайлович Головнин, строг и непреклонен в отборе лучших из лучших.

Но жизнь есть жизнь. Головнину уже пошёл пятый десяток, он собирается по возвращении жениться, так что приходится соотноситься с пожеланиями молодой невесты. В частности – взять в команду двух её братьев-гардемаринов, Феопемпта и Ардальона Лутковских. А заодно и их приятеля.

Далее. Уважаемый преподаватель Морского кадетского корпуса просит взять в экспедицию своего шурина Фёдора. Тоже надо уважить.

Но поток ходяков не пресекается. За своего бывшего воспитанника, также Фёдора, просит не кто-нибудь, а сам директор Царскосельского лицея, входящий к Государю Императору. Тут уж никак нельзя отказывать. Хотя здесь случай вообще вопиющий. Соискателя спрашивают, какая у него специальность (в смысле: морская специальность), а тот отвечает – «греко-римская сатира».

Но Головнин решает: «Плыть хочется» – пусть плывёт. Ведь его покровителя, Егора Антоновича Энгельгардта тоже понять можно. У него на руках целый выпуск, и всех надо приладить на правильный путь. Вот с Фёдором Матюшкиным всё вроде устроилось (любезностью Головнина), но есть и другие. Антон Дельвиг, хотя бы. В Департаменте Горных и Соляных Дел толку от него, видимо, не будет. И уж совсем беда с некогда милым егозой Александром Пушкиным, которого с таким трудом пристроили в Коллегию иностранных дел. Ну какой из него, посмотрите сами, «коллежский секретарь»! Как-то всё пошло не туда. А ведь подавал надежды.

В своём педагогическом предвидении Энгельгардт оказался, к сожалению, прав. По выпуску из Лицея Пушкин совершенно потерялся. Стихи – это не профессия.

Да и со стихами-то, сказать по правде, как-то всё складывалось не очень. Школьные вирши об Амурах и ветреных Лаисах – это хорошо для подростка, но парню уже 18 лет. А вот и 19, а вот и 20.

За три года, прошедшие после выпуска, Пушкин написал, положив руку на сердце, всего два хороших стихотворения («Чаадаеву», 1818 и «Домовому», 1819). Всё же остальное – сплошные Вакхи и эпиграммы. Да ещё и вольности всякие.

Кончается это, как и боялся Энгельгардт, плохо. Весной 1820 года Пушкина, по скрытому обвинению в «оскорблении чести и достоинства» разных уважаемых людей, переводят из Петербурга, с его карьерными возможностями, в захолустный Кишинёв. Пусть там эпиграммы строчит.

Однако, Провидению было угодно, чтобы до Кишинёва Пушкин доехал не сразу. Благодаря неудачному купанию в Днепре и удачной встрече с семьёй Раевских, его маршрут резко искривляется к востоку, и он едет на Кавказ и Крым через Таганрог. В Таганроге Пушкин живёт в доме Папкова – в том самом доме, в котором 5 лет спустя его нынешний гонитель, Государь Император Александр Павлович, таинственно и скоропостижно то ли скончается, то ли инсценирует свою смерть, чтобы пойти с сумой по миру под именем старца Фёдора Кузьмича.

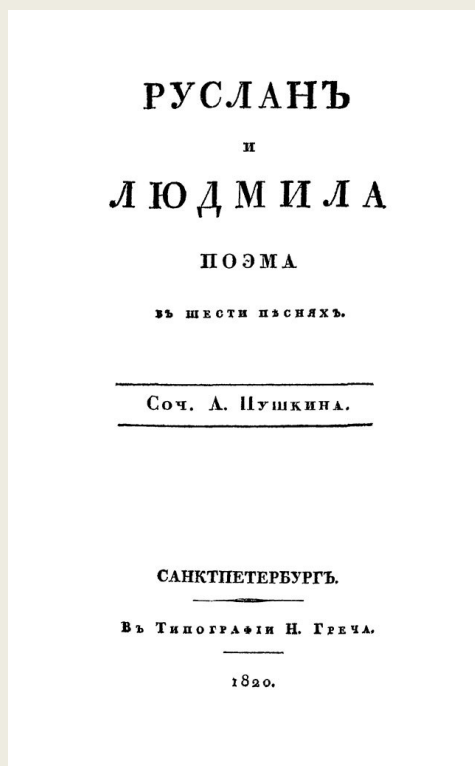
«Всю жизнь свою провёл в дороге, Простыл и умер в Таганроге», – скажет об этом Пушкин (сам полжизни в дороге проведший и чуть не умерший в Днепропетровске, простыв.)

Но как раз после этого путешествия Пушкин и осознаёт себя профессиональным поэтом. Впрочем, пока он только ещё едет и за душой у него всего два толковых стихотворения. Да, чуть не забыл – ещё одна толковая поэма, «Руслан и Людмила».

«Руслана и Людмилу» Пушкин пишет два года, с 1818 по 1820. Отдельным изданием поэма выходит тут же, в мае 1820 в типографии Н. Греча. С цензорским предуведомлением.

Печатать позволяется, с тем, чтобы до выпуска из типографии представить в Санктпетербургский Цензурный Комитет шесть экземпляров для препровождения оных куда следует на основании узаконений. С. Петербург, Мая 15 дня 1820. Цензор, Статский Советник и Кав. Ив. Тимковской.

Поэма эта будет иметь некоторое отношение к нашей теме.

[Илл. 02-16-01-1. Пушкин, «Руслан и Людмила», первое издание, 1820. Титульный лист.]

Немного странно осознавать, что в первом издании «Руслана и Людмилы» нет самого знаменитого и самого яркого её места, которое собственно все и знают и которое разительно отличается от остального текста. А именно, здесь нет ещё ни Лукоморья (впервые упомянутого, как мы помним, Сигизмундом Герберштейном в 1517 году), ни дуба зелёного, ни кота учёного со златой цепью, ни русалки на ветвях, ни витязей с их дядькой морским. Ничего этого в «Руслане и Людмиле» пока нет.

Всё же остальное примерно соответствует. В Киеве князь Владимир выдаёт дочь Людмилу замуж за Руслана, но в первую же ночь Людмила исчезает, буквально испаряется. Руслан вместе с тремя конкурентами отправляется на её поиски. Он встречает колдуна (финна по национальности) и тот ему открывает, что Людмилу похитил некий волшебник Черномор и унёс её в свой замок. Также колдун указывает, где именно следует искать замок пресловутого Черномора. Руслан, претерпев многие приключения, добирается до этого замка, побеждает Черномора, и опять-таки не без приключений воссоединяется с Людмилой в Киеве. Все счастливы (кроме соперников и Черномора, разумеется).

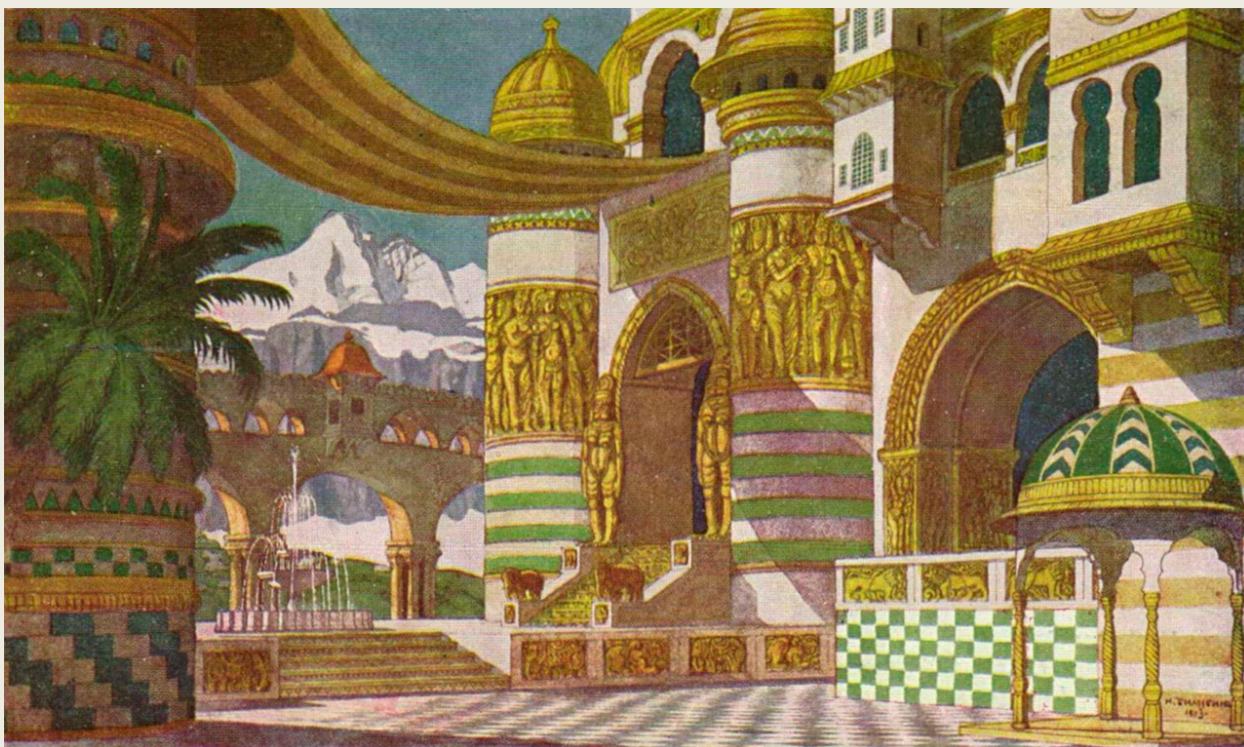
Образы героев этой поэмы Пушкина в коллективном бессознательном (да и в частнособственном сознательном) за прошедшие 200 лет вполне устоялись. Взять хотя бы карлу Черномора (не путать с одноимённым «морским дядькой» из «Сказки о царе Салтане»). Внутренним взором его видишь достаточно отчётливо.

Согласно этому внутреннему взору, о Черноморе можно много чего сказать навскидку. Он, по-видимому, как-то связан с Чёрным морем. Это следует как из его имени, так и (чисто визуально) из сценографии различных постановок оперы Глинки, где Черномор традиционно одет, как визирь Блистательной Порты (Османской империи), степень «восточного колорита» которого доведена до карикатурности.

[Илл. 02-16-02-1. Эскиз костюма Черномора для оперы Глинки. Художник Михаил Улановский.]

Правильность представлений о турецко-персидской сущности и бусурманской локализации Черномора подтверждают и эскизы Билибина, где дворец Черномора выдержан в мавританском стиле (правда почему-то с кхмерскими барельефами) и расположен определённо в субтропической зоне на фоне снежных (очевидно, Кавказских) гор. Свита Черномора, составленная исключительно из «арапов», закрепляет образ восточного дворца, изнывающего в неге под жарким полуденным солнцем и ослепительно чистыми лазурными небесами.

[Илл. 02-16-03-1. Замок Черномора, эскиз декорации. Художник Иван Билибин.]

А теперь посмотрим на буквы, написанные Пушкиным. Колдун-финн, сообщает Руслану кто похитил Людмилу:

Волшебник страшный Черномор,
<...>
Полнощных обладатель гор.

По наводке того же финна, Руслан пускается в путешествие к замку Черномора:

<...> Руслан
Свой путь отважно продолжает
На **дальний север**; <...>

Колдунья-Наина указывает Русланову конкуренту Рогдаю, куда ему ехать, чтобы догнать Руслана:

Она дорожною клюкой
Ему **на север указала**.
«Ты там найдешь его», – сказала

Черномор обитает не просто на Крайнем Севере, а в северных горах. После битвы с Русланом он:

Смиренно внемлет Черномор;
Домой он с витязем пустился;
Летит – и мигом очутился
Среди своих ужасных гор.

Теперь о самом замке Черномора, в котором Людмила оказалась сразу же по похищении. Она подходит к окну и видит:

И взор ее печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Все мертво. Снежные равнины
 Коврами яркими легли.
Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне
 <...>
 И звонкий рог <...>
В пустынных не трубит горах;
 Лишь изредка с унылым свистом
Бунтует вихорь в поле чистом
И на краю седых небес

Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стояшъ угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ,

[Илл. 02-16-01-2. «Руслан и Людмила», 1820, с. 47 («Песнь вторая»)].

Замок Черномора стоит не просто среди гор, а непосредственно на вершине крутой горы. Когда Руслан хочет в него проникнуть, он:

Спешит на **верх горы крутой**

Кроме Полярных гор, с замком Черномора связана ещё одна географическая подробность, гидрографическая – рядом находится море (понятно, студёное). Едва Руслан хватает Черномора за длинную бороду, тот взмывает вверх и тут же оказывается, что они уже:

Летят над дикими горами,
 Летят **над бездною морской**

Для правильной интерпретации приведённых выше географических указаний важно знать время года. Так вот, Черномор похищает Людмилу в Киеве летом. Хотя это у Пушкина впрямую нигде не указывается (и вообще, сезонной конкретикой поэма бедна), но по совокупности примет можно с уверенностью говорить, что дело происходило именно летом (сухо, пыльно, жарко, но трава ещё высокая и сочная, плывут туманы над рекой):

Летят в **клубящейся пыли**
Туманы над Днепром глубоким

Кругом **росистая трава**

Травой оброс там шлем косматый

Всё утро сладко продремав,
укрывшись от лучей полдневных,
 у ручейка, наедине <...>
 обедал <...>

Итак, Людмила оказывается в замке Черномора летом. При этом она видит, что не только на горах лежит снег, но даже и равнины у подножия гор покрывает не тающий снежный покров (см. выше). Погода, кстати, тоже отнюдь не солнечная, как у Билибина. Пасмурно, угрюмо, «седые небеса», «бунтует вихорь».

Небольшое замечание касательно собственно «Черномора». Его имя правильное производить не от «Чёрного моря» (Karadeniz), а от «чернокнижничества» персонажа. Эта тема в тексте поэмы прямо заявлена. Черномор, пойманный Русланом и посаженный в седельную сумку, там

Не смел дышать, не шевелился
и чернокнижным языком
 усердно демонам молился

Сам Черномор о себе говорит:

Я в **черных книгах** отыскал

Что касается способа словообразования, то «Черно-мор» в этом смысле родственен скорее «Мухо-мору», чем «Черноморскому моряку». В отличие от «Сказки о царе Салтане», где Черномор, действительно, совершенно другой человек – «морской воевода», командир роты морской пехоты. Но и Пушкин образца 1831 года – это тоже совершенно другой человек.

Подытожим. Замок Черномора расположен Пушкиным – а) на крутой горе, б) в окружении других гор, в) в полярных широтах (где даже летом на равнине снег не тает), г) в непосредственной близости от моря-океана.

Данным требованиям не соответствуют ни Полярный Урал (до моря горы не доходят), ни Хибинские горы (море также далеко, кроме того у этих гор нет вершин – они плоские). Прибрежные горы севера Норвегии в принципе могли бы подойти – если бы не указание на лежащий в окрестных долинах снег (стоит, напомним, лето). Не годится и Шпицберген, поскольку это остров, находящийся далеко в океане, а в тексте ясно сказано, Руслан прискакал к замку Черномора верхом.

Так что остаётся только один возможный вариант, на удивление точно удовлетворяющий всем требованиям – горы Северного острова Новой Земли.

Хотя формально это тоже остров, но у Пушкина на это есть ответ. Начинается действие поэмы летом, но до замка Черномора Руслан добирается только зимой:

Зима приблизилась – Руслан
 Свой путь отважно продолжает

А зимой (начиная с октября) Новая Земля становится частью материка – проливы Югорский шар и Карские ворота надёжно схватываются льдом. Можно ехать (что самоеды, собственно, и делают).

То, что в районе замка у Пушкина встречается лес, не должно нас смущать – в таких нюансах не то что 18-летний лицеист, но и опытный путешественник Ламарти-ньер, как мы помним, путался.

Итак, на первый вопрос – «Какое место расположения замка Черномора полностью соответствовало бы описанию Пушкина?» – на этот вопрос мы ответили. Это – Северная часть Новой Земли.

Теперь надо ответить на второй вопрос: «Имел ли Пушкин возможность знать что-либо о Северном острове Новой Земли?». Ответ здесь будет утвердительный.

Самое полное описание Новой Земли на момент создания «Руслана и Людмилы» содержалось, как мы помним, в статье Крестинина «Географическое описание Новой Земли», опубликованное без указания автора в книге «Путешествия академика Ивана Лепёхина, том 4», вышедшей в 1805 году.

Для начала. Личность Лепёхина была Пушкину определённо известна, чему есть ряд свидетельств. В брошюре под названием «Заседание, бывшее в Императорской Российской Академии 18 января 1836», которая имела в библиотеке у Пушкина, на странице 47 в тексте доклада В. А. Поленова слова о жизни Лепёхина отчерчены Пушкиным на полях, и рукой Пушкина приписано: «вздорь».

Несколько позже, в собственной статье «Российская Академия» Пушкин пишет об этом докладе Поленова (на основании, надо думать, вышеупомянутой брошюры), следующее: «В. А. Поленов прочёл «Краткое жизнеописание И. И. Лепёхина», первого неперменного секретаря Российской Академии: статью дельную, полную, прекрасно изложенную, словом, истинно академическую» (конец цитаты). Без комментариев.

Но это так, мелочи. Главное, в библиотеке у Пушкина имелись все три первые тома «Дневных записок путешествий... Ивана Лепёхина» первого издания (согласно «Библиографическому описанию библиотеки Пушкина», составленному Львом Модзалевским, №№ 214, 215, 216). Более того, когда в 1821-1822 году вышло второе издание «Дневных записок... Лепёхина», Пушкин приобрёл и его тоже (№ 301 Библиографии Модзалевского).

И хотя четвёртый том «Путешествий...» Лепёхина в библиотеке Пушкина не значится, можно с большой вероятностью предполагать, что Пушкин его видел и был знаком с его содержанием. Том вышел в печать в 1805 году и на протяжении лицейских годов Пушкина оставался модной географической новинкой.

Интерес Пушкина ко всему, что так или иначе связано с путешествиями, хорошо известен. Географическая часть библиотеки Пушкина весьма обширна. Здесь, в частности, есть книги о путешествиях Крузенштерна, Литке, Магеллана, всевозможные компиляции на тему истории исследования Северного океана и Северной части Сибири.

Известно также, что Пушкин любил и ценил географические карты (как, впрочем, и игральные). А к началу XIX века Новая Земля в Российской картографии уже вполне устоялась и обрела уверенные, хотя и фантазийные, черты – результат творческого скрещивания карты Баренца с обзором Крестинина. С которого Пушкин, судя по всему, и списывал владения Черномора.

Есть ещё одно любопытное пересечение между Пушкиным, Лепёхиным и «Русланом и Людмилой». Людмила, оказавшись в замке Черномора, выглядывает в окно, видит полярные горы, покрытые снегом, и идёт во внутренние залы замка. И там она неожиданно попадает в оранжерею – такую большую, что потом успешно прячется в ней от Черномора несколько дней:

И наша дева очутилась
В саду. <...>
Пред нею зыблются, шумят <...>
Аллеи пальм, и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,
И золотые апельсины...

Чистый Зимний сад, род Эдема, просто полярный Парадиз, разбитый по всем правилам ботанического искусства.

А теперь вспомним, что академик Иван Лепёхин был по основной своей должности директором Императорского Ботанического (Аптекарского) сада в Петербурге. Трудно поверить, чтобы у лицеистов младших классов не было учебных экскурсий в этот Ботанический сад. Иван Иванович Лепёхин к тому времени уже несколько лет как умер, но память о нём несомненно должна была сохраняться среди сотрудников.

Но Лепёхиным дело отнюдь не исчерпывается. Вот ещё один, совсем свежий (на момент написания «Руслана и Людмилы») новоземельский информационный вброс. Популярнейший еженедельный журнал «Сын Отечества», 1818 год, №45. И как специально, на страницах 289-304 мы находим «Известие о путешествии на Новую Землю». Где описывается путешествие за серебром, совершённое в 1807 году Лудловым и Пospelовым. Сам текст принадлежит Бергу.

Серебро они искали на склонах некой высокой горы, на берегу губы Серебрянки, на Северном острове Новой Земли. Пейзажи «Руслана и Людмилы» («В странстве пасмурной дали // Всё мёртво» и т.п.) как будто прямо списаны Пушкиным у Берга:

Природа казалась мертвою. [...] Мрачный вид сей страны, оставленной Природою, производил невольный ужас.

(Берг, «Известие о путешествии на Новую Землю», «Сын Отечества», 1818, № 45, с. 296)

**и находится между высокими, совершенно
бесплодными берегами обѣихъ половинъ Но-
вой Земли. Мрачный видъ сей страны, ос-
павленной Природою, производишь неволь-
ный ужасъ.**

[Илл. 02-16-04-1. Статья Берга о плавании Лудлова и Поспелова к Новой Земле. Журнал «Сын Отечества», 1818, №45, с. 296, фрагмент. «Мрачный вид сей страны».]

Вроде бы уже достаточно, но существует ещё один информационный канал, связывающий Пушкина с Новой Землёй.

Одним из ближайших друзей Пушкина по лицу был, как известно, Вильгельм Кюхельбекер («Кюхля»), с которым Пушкин, из-за своей любви к красному словцу («Так было мне, мои друзья, И кюхельбекерно и тошно»), предположительно имел даже дуэль.

Так вот, пока лицеисты развлекались дуэлями, младший брат «Кюхли» Михаил Кюхельбекер окончил Морской кадетский корпус и летом 1819 года на бриге «Новая Земля» под командованием лейтенанта Лазарева ходил в экспедицию к берегам именно Новой Земли.

19 мая [1819] мичман Кюхельбекер прибытием своим доставил мне посланные инструменты, кои неупустительно при всех благоприятных случаях были мною поверяемы

(Андрей Лазарев, «Плавание брига Новая Земля под командованием флота лейтенанта А. Лазарева в 1819 году», с. 15, СПб., 1820)

На берег участники экспедиции Лазарева не сходили, но горы Новой Земли видели.

По наружности своей берег Новой Земли <...> от Бритвина [мыса] далее к северу представляет картины гористой и утёсистой Норвегии, от которых отличается белой одеждою.

(Там же, с. 55)

А вот как командир Михаила Кюхельбекера, «лейтенант флота» Андрей Лазарев (будущий контр-адмирал), подводит итог всему путешествию:

Вот плоды похода моего на Новую Землю! В то время, когда товарищи мои, пролетев роскошные берега Европы, наслаждались богатствами Натуры в благословенных климатах Бразилии и Перу, знакомились с миролюбивыми жителями Южного моря, видели разнообразность нравов, обычаев, одежд и даже самых лиц человеческих, — одни лишь кос-

матые медведи представлялись глазам нашим, и ежеминутно грозившие нам ледяные исполины в вечных туманах отнимали силы в людях, и наносили им болезни; но всего прискорбнее для меня то, что ничем непреодолимая в ужасах своих Природа, постановила преграду рвению моему вполне оправдать лестную для меня доверенность Начальства, которую во всё продолжение службы моей ценил дороже всех почестей.

(Там же, с. 64)

Осенью 1819 года мичман Михаил Кюхельбекер, вернувшись из полярного плавания, был уже снова в Петербурге – переполненный впечатлениями от своего первого дальнего похода. Трудно предположить, чтобы лучший друг его брата (Пушкин), жадный до путешествий, не прилетел бы тут же слушать рассказы «бывалого мичмана» о Новой Земле.

Итак, вот они – три лежащие на поверхности источника Пушкина по Новой Земле: «Географическое описание» Крестинина, статья о плавании Пospелова (вышла осенью 1818) и личные рассказы Михаила Кюхельбекера (осень 1819).

Попробуем расставить акценты и определить, хотя бы примерно, относительный вклад последнего из этих источников (Кюхельбекер) в выборе Пушкиным места для его «замка Черномора». Для этого нам потребуется ответить на вопрос: когда именно Пушкин определился со своим выбором для «замка» – до или после возвращения Кюхельбекера с Новой Земли?

Вопрос не праздный, поскольку к моменту возвращения Кюхельбекера в Петербург (октябрь 1819) Пушкин работал над «Русланом и Людмилой» уже около двадцати месяцев и много чего в поэме было уже написано. Освежим для начала некоторые общеизвестные факты.

Работа Пушкина над «Русланом и Людмилой» в течение двух лет (февраль 1818 – март 1820) шла крайне неравномерно и представляла собой несколько бурных, но коротких (месяц-два) автономных эпизодов творческой активности. В основном привязанных к периодам эпизодических болезней Пушкина в те два года (судя по всему венерических; январь-март 1818, февраль 1819, июль-август 1819, возможны и другие).

Для установления времени появления окончательных (то есть «печатных») вариантов тех или иных фрагментов поэмы существуют следующие объективные препятствия.

а) При в-целом поступательном движении работы над поэмой (от первой «песни» – к шестой), ранние части, считавшиеся уже «законченными», подвергались на поздних этапах многочисленным, в том числе принципиальным, переделкам.

б) Хотя и существуют свидетельства о датах якобы полной готовности тех или иных «песен» (публичные чтения, сообщения в письмах, воспоминания знакомых) – ни в одном из этих случаев мы не знаем о какой именно версии текста (многократно менявшегося до самого момента публикации, и даже позже) идёт речь. При этом известно, что как минимум в некоторых случаях публичного чтения Пушкиным «готовых» фрагментов их текст никак не мог совпадать с напечатанными впоследствии окончательными их вариантами.

в) Несмотря на то, что рабочих черновиков поэмы сохранилось достаточно много (так называемая «Лицейская рабочая тетрадь», где присутствуют в той или иной степени полноты черновики всех шести «песен»), однако эти черновики покрывают далеко не весь текст поэмы.

г) С большой вероятностью можно предполагать, что записи в «рабочей тетради» делались Пушкиным не подряд. Среди пушкинистов общепринято мнение, что при заполнении рабочей тетради Пушкин нередко делал большие пропуски, а через некоторое время использовал эти пропущенные чистые листы, причём вне связи с предшествующим и последующим текстами. Так что листы с большими порядковыми номерами могли в принципе быть заполнены раньше, чем листы с меньшими номерами. Точная датировка конкретных записей, и даже просто определение их последовательности, оказывается возможна лишь в очень ограниченном числе случаев, когда для этого имеются дополнительные данные.

Так что исходная диспозиция у нас такова: то, в какое именно время появилась окончательная (печатная) версия того или иного эпизода «Руслана и Людмилы» — мы знаем это далеко не для всех эпизодов. Знания пушкинистов о хронологии работы автора над поэмой ограничиваются в основном общим представлением о порядке возникновения главных сюжетных линий и не распространяются на конкретные локальные решения.

Всё вышесказанное хорошо известно специалистам. А теперь перейдём к результатам моих небольших изысканий, касающихся времени появления в поэме «полярной горы на берегу моря», как места расположения «замка Черномора».

Указание на место расположения «замка Черномора» содержится в поэме в одиннадцати эпизодах, покрывающих все главы, кроме последней, то есть главы 1, 2, 3, 4 и 5. А именно:

а) Указание на «северное» расположение замка — три эпизода: «Свой путь на полночь пробивай» (I-258), «Ему на север указала» (II-88), «На дальний север» (IV-207).

б) Указание на «гору» (в том числе «полярную гору») — семь эпизодов: «Полночных обладатель гор» (I-262), «И вдруг умчал к своим горам» (II-179), «Угрюмых гор вершины... и т.д.» (II-277-288), «На темени полночных гор» (III-31), «Уж витязь под горой стоит» (V-30), «Среди своих ужасных гор» (V-97), «Спешит на верх горы крутой» (V-111).

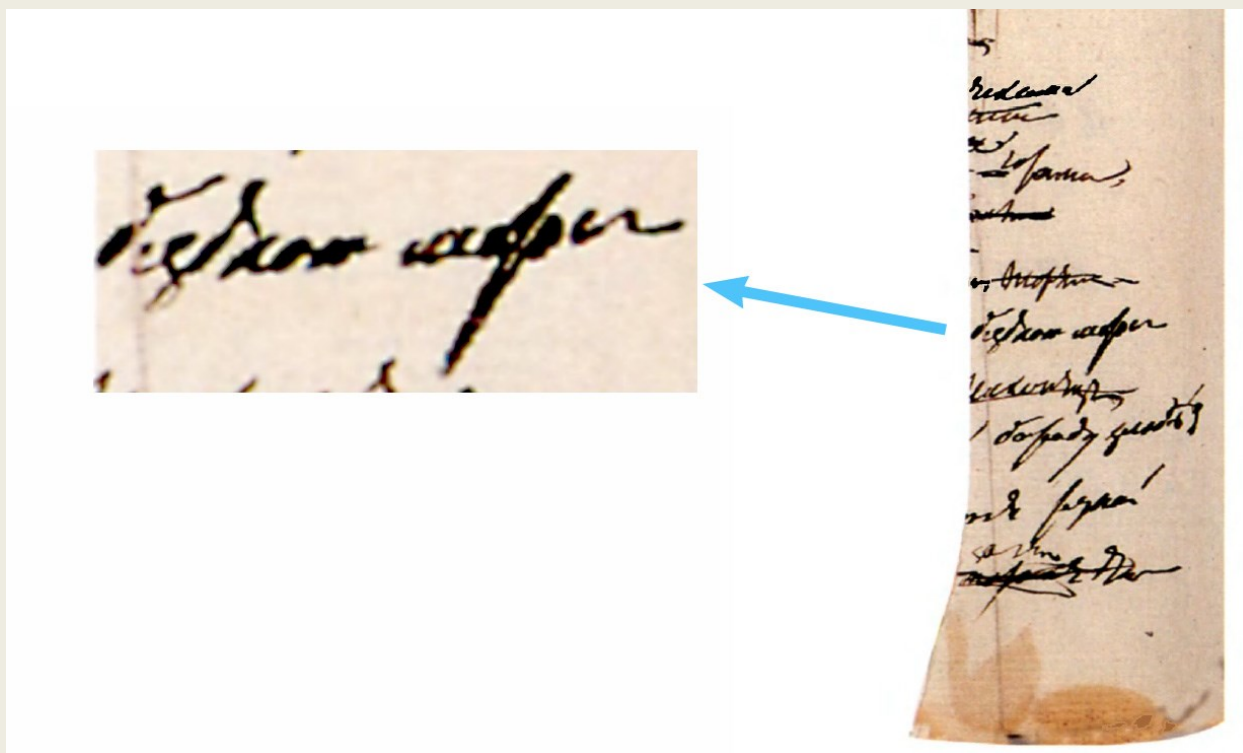
в) Указание на близость «моря» — один эпизод: «Летят над бездною морской» (V-60).

Из выше перечисленных одиннадцати эпизодов мне удалось обнаружить в черновиках Пушкина лишь пять (Архив РГАЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 829, «Лицейская рабочая тетрадь»). А именно:

- Указаний на «север» в черновиках обнаружено два (I-258; II-88), оба в окончательном варианте (л. 50; л. 48 об.).

- Указаний на «гору» в черновиках имеется тоже два (V-97, V-111), остальные пять отсутствуют. Оба имеющихся фрагмента отличаются от окончательных их версий: «В минуту средь волшебных гор» (вместо «Среди своих ужасных гор»), «И на гору к Людмиле» (вместо «Спешит на верх горы крутой», оба – л. 71).

- Единственное в поэме указание на «море» в черновике наличествует (V-60), однако установить идентичность всего фрагмента не представляется возможным, поскольку данный лист был вырван Пушкиным из тетради и не сохранился (л. 70 об.). На оставшейся корешковой части листа прочитывается только «...бездною морской». Что, впрочем, для целей нашего исследования вполне достаточно.

[Илл. 02-16-05-1. Слова «[летят над] бездною морской» из «Руслана и Людмилы» (V-60) в черновике Пушкина. Лист вырван Пушкиным, осталась только корешковая часть (справа). «Лицейская рабочая тетрадь», архив РГАЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 829, л. 70 об.]

А вот что можно сказать о времени написания обнаруженных фрагментов.

Оба указания на «север» (листы 48 об. и 50) предположительно раннего происхождения. С большой вероятностью они относятся к середине или концу 1818.

Датировка остальных трёх имеющихся в «рабочих тетрадях» указаний (два на «гору» и одно на «море») может быть сделана, напротив, достаточно точно. Поскольку все они находятся внутри тетрадного блока листов 70-74, которому в этом смысле «повезло».

Специфика данного блока (в дальнейшем «блок 70-74») подробно описана в специальной литературе (напр., Нина Петрунина «К творческой истории поэмы...», «Русская литература», 1992, № 4, с. 182-201). Перескажу коротко важные для нашего вопроса моменты.

По целому набору признаков – палеографических (чернила, перо, способ его зачинки, манера письма, характер правки) и смысловых (сюжетные линии, «челночная» работа над соседними отрывками) – по всему этому с достаточной уверенностью можно утверждать, что листы «блока 70-74» заполнялись Пушкиным а) подряд, б) в течении относительно короткого отрезка времени. При этом данная группа листов оказалась «зажатой» между двух специфических записей (спереди и сзади), выполненных характерными и редкими чернилами (далее: «запись-1» на лл. 69 об. – 70, и «запись-2» на л. 74 об.). Существуют два варианта объяснения этого факта.

Вариант 1. Сначала была сделана «запись-1» (редкими чернилами), вскоре после этого (и непосредственно за ней) написаны тексты «блока 70-74» (обычными чернилами), а завершилось всё «записью-2» (теми же редкими чернилами, что и «запись-1»). При этом вторичное использование Пушкиным редких чернил в «записи-2» является случайностью и никак не связано в «записью-1».

Вариант 2. Сначала был написан текст «блока 70-74», завершающегося (с одновременной сменой чернил) «записью-2» – а сразу после этого Пушкин сделал приписку спереди «блока 70-74» в виде «записи-1» (теми же редкими чернилами).

Мне лично «Вариант 1» представляется более жизненным. Но в любом случае, время написания текста «блока 70-74» очень близко ко времени написания текста «записи-1».

Всё это я рассказываю так подробно потому, что «запись-1» – это тот редкий случай, когда пушкинская черновая запись надёжно датируется. Ибо «запись-1» представляет собой стихотворение «Всевожскому», которое, как установлено по многим независимым признакам, было написано Пушкиным конкретно 27 ноября 1819.

А это означает, что текст нашего «блока 70-74» (содержащий в себе оба указания на «гору» и одно указание на «море») был написан либо в середине ноября («Вариант 2»), либо в начале декабря («Вариант 1») 1819. В обоих случаях – вскоре после возвращения в Петербург мичмана Кюхельбекера с его рассказами о Новой Земле.

И ещё одна говорящая подробность. В «Лицейской рабочей тетради» на л. 71 об. (то есть внутри того же «блока 70-74») в дополнение ко всему перечисленному присутствуют следы азартной работы Пушкина над сценой, в которой Руслан сразу после победы над Черномором несётся на всех парах к своей Людмиле. В печатном варианте всё это свелось к лаконичному «Спешит на верх горы крутой» (V-111). По черновику же хорошо видно, как образ этой «горы» на глазах наливался изобразительной конкретикой и полярной выпуклостью – как будто автор эту несколько абстрактную до того «гору» наконец хорошо себе, с чьих-то слов, зрительно представил.

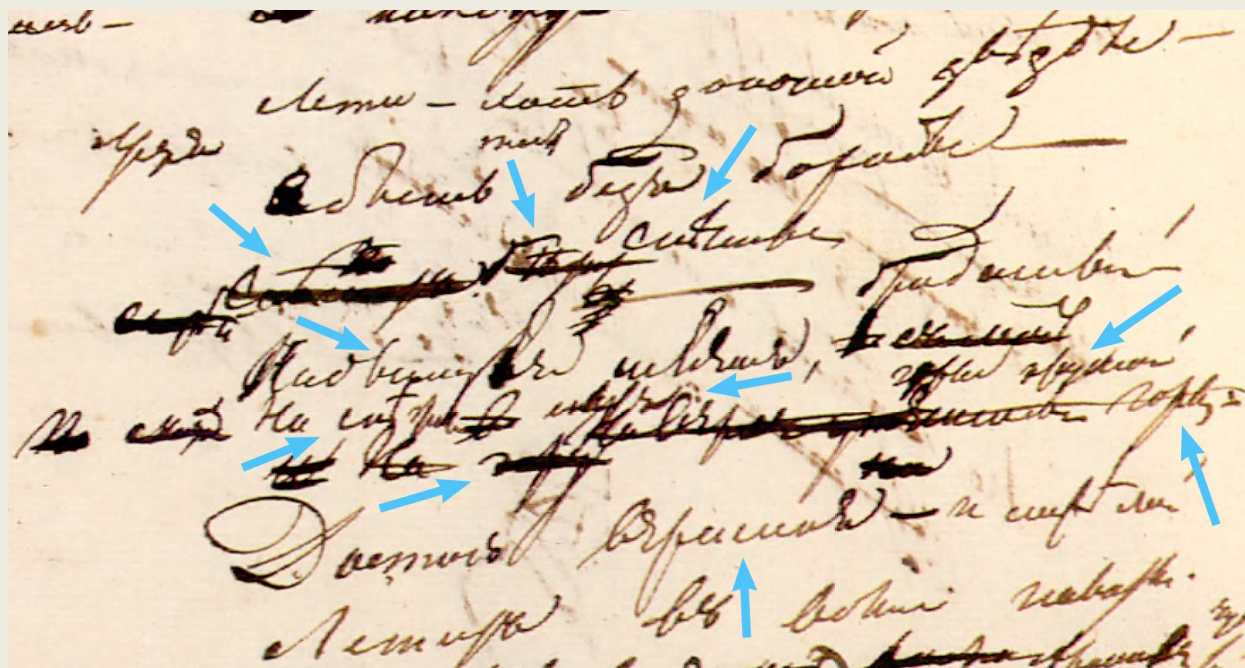
- «Снежн...» (зачёркнуто)

- «Снежн...»

- «На снежну кручу...»

- «На гору» (зачёркнуто)
- «На верх горы» (зачёркнуто)
- «..... горы крутой» (впоследствии даст печатный вариант)
- «Достиг вершины – и стрелой...»

(Архив РГАЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 829, л. 71 об.)

[Илл. 02-16-06-1. «Горно-полярные» реалии в черновом варианте «Руслана и Людмилы». Запись сделана в ноябре-декабре 1819, вскоре после возвращения Михаила Кюхельбекера с Новой Земли. Архив РГАЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 829, л. 71 об.]

И что характерно – момент этой «горной» пушкинской активности тот же самый – сразу после возвращения Кюхельбекера.

А теперь вернёмся к началу и попробуем ответить на вопрос о вкладе в пушкинскую поэму конкретно плавания Кюхельбекера к Новой Земле.

Так вот. Представления Пушкина о местоположении «замка Черномора» в ходе его работы над поэмой формировались, очевидно, постепенно. На начальном этапе (весь 1818) дело ограничивалось расплывчатой отсылкой на «север вообще». Но в ноябре 1819, непосредственно после возвращения Михаила Кюхельбекера с Новой Земли, в поэме появляется образ «крутой снежной горы, стоящей на берегу полярного моря». По крайней мере на данном уровне знаний все известные фрагменты черновиков на эту тему относятся именно к указанному периоду времени (ноябрь-декабрь 1819). Так что можно сказать, что если образ «Новой Земли» гулял в сознании Пушкина с самого начала работы над поэмой, то после рассказов Михаила Кюхельбекера этот образ окончательно утвердился и обрёл зримую конкретику.

Подытожим ещё раз. Замок Черномора физически мог находиться только на одной из гор Северного острова Новой Земли. Пушкин технически мог быть знаком с «Географическим известием о Новой Земле» и по всем понятиям должен был быть с ним знаком. Также он должен был слышать свежий рассказ о горах Новой Земли от очевидца – Михаила Кюхельбекера. Есть мотив и есть возможность – значит, есть и обоснованная версия.

Скажу больше, пушкинский текст и анализ доступных Пушкину источников информации позволяют с большой вероятностью указать и конкретную гору на Новой Земле. Но к этому мы вернёмся чуть позже.

При всём при этом не стоит абсолютизировать полученные результаты. Поскольку «замок Черномора» располагался, строго говоря, в голове у Пушкина, а не где-либо ещё. Так что разбирались мы сейчас только в том, какие именно объекты реальности заставили нейроны Пушкинского мозга сложиться именно в такую конфигурацию.

Можно сказать и проще. Горы Новой Земли и Лепёхинский Ботанический сад явились неотъемлемыми компонентами реактивного топлива, на котором ракета Пушкинской фантазии взмыла ввысь бороздить просторы Большого театра.

Особо заметного вклада в понимание Новой Земли Пушкин, конечно, не внёс. Но на примере «Руслана и Людмилы» я хотел показать, что Новая Земля на каком-то этапе стала уже вполне заметным явлением массового сознания.

Пушкин ухватил этот тренд может быть несколько раньше других. Но очень скоро, особенно после первых экспедиций Литке, Новая Земля замелькала в литературе, как верстовые столбы в окне почтовой кареты при двойных прогонных. Чего стоит один только театрально-абсурдный «Ново-Землянский Мушкетерский полк» Грибоедова, в котором в молодости якобы служил полковник Скалозуб («Горе от ума», 3:12; написание даю по авторской рукописи 1823, так называемому «музейному автографу», ГИМ, ОПИ, тетрадь № 3 «с золотым обрезом», л. 58). Не говоря уж о «новоземлянском языке» Булгарина, на котором были якобы написаны «Странствования по свету в ХХІХ веке» (1824), где рассказывалось о нашем мире в 2824 году – мире, в котором центр цивилизации переместился в Заполярье и в котором уже существуют роликовые коньки, ВДВ, ксероксы и «сочинительные машины», производящие без участия человека прозу и стихи, молоотличимые от настоящих (то есть столь же складные и бессмысленные).

На этом лирическое отступление закончим. Можно переходить к Литке.

Литке: 1821

Если коротко, Литке – наше новоземельское всё.

В этом рассказе будет много розовощёких юношей, много морских звёзд и много невидимых и непромыслимых промыслов Провидения.

В 1817 году, как мы знаем, в Кронштадте готовится к кругосветному плаванию шлюп «Камчатка» под командованием капитана 2 ранга Василия Михайловича Головнина (будущего вице-адмирала). Всеми правдами и неправдами, на борт восходят 20-летний мичман Фердинанд Врангель (будущий адмирал), 18-летний волонтёр Фёдор Матюшкин (будущий адмирал), 14-летний гардемарин Феопемпт Лутковский (будущий контр-адмирал) и 19-летний мичман Фёдор Литке. Последний попал на борт благодаря протекции своего зятя, мужа старшей сестры, капитана 2 ранга Ивана Сульменёва (будущего адмирала).

Правильно говорят, что с кем поведёшься от того и наберёшься. Не трудно угадать, в каком чине окончит службу Фёдор Литке. Но до этого ещё очень далеко и не всё так просто.

Врангелю вообще плыть с Головниным не светило. Но он, взяв на службе фальшивый больничный, явился к Головнину прямо с улицы и буквально прижал сурового капитана к стенке своим напором, соглашаясь плыть (будучи в офицерском чине) хоть простым матросом. Головнин с самурайским хладнокровием подумал – «Вот, единственный человек без протекции, надо взять. Хотя из этого толк будет.»

Василий Михайлович умел видеть людей – толк из Врангеля действительно был. Он не только блестяще показал себя во время кругосветного плавания с Головниным, но по возвращении тут же отправился в суровую многолетнюю сухопутную экспедицию по Чукотке. По возвращении из которой сразу же возглавил новое кругосветное плавание. Врангель станет не только адмиралом, но и Главным правителем Русской Америки, первым из русских пересечёт Мексику от океана до океана, предположительно откроет вершину Мак-Кинли и совершит много чего ещё.

То же и Матюшкин, и тоже не без проблем. Не успел он, грезивший все лицейские годы о море, выйти в море настоящее, как выяснилось, что он подвержен «морской болезни» со страшной силой. Пока его товарищи восхищались видами тропических островов, волонтёр Фёдор, перевесившись за борт, молился всем морским богам в новоосвоенных военных выражениях.

Существует легенда, пошедшая от Анненкова, что Пушкин якобы давал Матюшкину перед отплытием наставления литературного характера, как тому вести свой дневник путешествия. Не думаю, что эти наставления имели место. Вообще, в отношениях этих двух выдающихся людей заметна некоторая асимметрия.

В сознании Пушкина его лицейский товарищ Матюшкин определённо присутствует. Пушкин посвящает ему стихотворные строки (самые известные – в стихотворении «19 октября» за 1825 год), и даже напрашивающаяся рифма «Пушкин – Матюшкин» великим поэтом не пропущена и задействована в шуточной записке.

И, наоборот, с момента своего выхода в море, Матюшкин о Пушкине как будто мгновенно забывает. Фёдор много пишет (в море вообще все много пишут) – но в

его записках «пушки» встречаются часто, а «Пушкин» – никогда. Это тем более странно, что на борту «Камчатки» он пишет письма в том числе и своему благодетелю, директору Лицея Энгельгардту. И тут-то уж, казалось бы, персоналии других одноклассников должны были бы всплывать естественным образом, как общая тема. Но – нет.

Думаю, дело вот в чём. И вовсе не в короткой памяти. Просто масштаб реальности, распахнувшейся перед Матюшкиным (Лондон, норд-ост, Рио-де-Жанейро, «ревущие сороковые», Магелланов пролив, Перу) был настолько несоразмерен с масштабом прошлого его существования (зачёты, именины, потерянный картуз), что этот давешний мир, за мизерностью, совершенно исчез из его зрения. Чтобы хоть как-то охватить распахнувшийся новый мир, ему сейчас требовался морской бинокль, все же прежние проблемы и терзания стали различимы только под микроскопом. И Пушкин остался в том старом мире, который, как выяснилось, целиком умещался в одной пылинке, прилипшей к задней лапке крохотной амазонской эфемериды, присевшей передохнуть на ободок буссоли.

Плавание шло два года – таких, что только чтобы кратко пересказать их потребовалось бы вдвое больше времени. Головнин писал дневник, Врангель писал дневник, Литке писал дневник. И Матюшкин тоже писал дневник. Всё это опубликовано (кроме дневника Врангеля, предположительно сгоревшего) и всё это можно прочитать. Огибая земной шар, они заглянули и на остров Святой Елены, при ещё живом Наполеоне.

По возвращении, Матюшкин сразу же отправляется в полярную сухопутную экспедицию под началом Врангеля (см. выше).

И опять, к вопросу о масштабах реальности. В то время, как Пушкин пеняет судьбе, что забросила его в стылую и дикую пустыню сурового изгнания на край света (город Кишинёв, госслужба), Матюшкин с Колымы пишет Энгельгардту о великой радости обретения цивилизации, какую он испытал, идя на собачьих упряжках про припайному льду и увидев на горизонте эвенкийскую юрту. Пушкин страдает из-за того, что в здешнем обществе ни у кого нет порядочного французского, Матюшкин составляет словари «чуванского» и «оздыкского» языков. У Пушкина депрессия из-за пробежавшего по тапочку таракана, у Матюшкина – неожиданное счастье от потепления с -50 градусов до -43. Это разные миры. И одни и те же слова означают в них совершенно разные сущности. А потому коммуникация становится в принципе невозможной.

Теперь два слова о командире шлюпа «Камчатка», Василии Головнине. Чтобы остаться в истории, ему в это кругосветное плавание можно было и не ходить вообще. Жизненное свершение он и так к тому времени уже совершил. Если коротко, он стал первым русским, которому по несчастливой случайности посчастливилось пробыть в Японии значительное время (2 года в «почётном плену» или «насиленных гостях», это как угодно), стать живым свидетелем японских реалий эпохи Хокусайя, находившегося тогда на полпути к вершине «Тридцати шести видов Фудзи», и написать обо всём этом книгу. Книга эта является классикой, всячески рекомендую («Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах», СПб., в Морской типографии, 1816). Ни один русский японист не может с тех пор пройти этой книги мимо.

Головнин в Японии в числе прочего знакомится с путешественником-самураем Мамией Ринздо.

Пуля, пущенная в 1807 году лейтенантом флота Николаем Хвостовым (тем самым, который «Юнона и Авось» Вознесенского), засела в теле Мамии, вызывая с тех пор не только неугасающее жжение в бедре, но и неутолимую жажду открытия новых миров. Как будто с пулей ему передан от Хвостова неизлечимый вирус «охоты к перемене мест». Не так уж были неправы сёгуны Токугава, пытавшиеся охранить свой народ от этой губительной напасти.

Но всё тщетно. Уже в следующем 1808 году Мамия (это фамилия) идёт в экспедицию на север, огибает Сахалин с запада и открывает пролив между Сахалином и материком. Установив таким образом, что Сахалин – это остров. Также Мамия первым находит устье Амура, поднимается по нему до будущего Комсомольска и вступает там в контакт с китайской факторией. Этот маршрут Геннадий Иванович Невельской (будущий адмирал) повторит только 36 лет спустя, повторно открыв знаменитый пролив имени себя и повторно обнаружив устье Амура.

[Илл. 02-17-01-1. Японская карта Сахалина (с обозначенным проливом) работы Мамии Рендзо, 1809.]

Ради справедливости следует, впрочем, сказать, что на сугубо русской карте Сибири 1765 года преспокойно имеется этот самый Сахалин («Остров Галин») – именно как остров и именно в том месте, где ему быть и положено. Хорошо видно, что мы имеем дело со вполне осознанным чертежом острова, на котором отмечено целых восемь сахалинских топонимов. Карта о которой я говорю называется «Сибирская Генеральная Карта Собранная изъ Российскаго Атласа и с протчихъ картъ, 1765. Копировалъ лейтенантъ Петръ Моисеевъ» (РГАДА, ф. 192, оп. 1, раздел «Карты генеральные Российскаго государства», док. 13). Но вернёмся к Мамии.

Свое путешествие Мамия Риндзо описал в книге «Путешествие в Восточную Тартарию», изданной в 1812 году в Эдо. В том же году он знакомится с Головниным. И не просто знакомится, а проводит с ним много времени. Он щедро делится с Головниным (через переводчика) своим открытием пролива и устья Амура, показывает карты. Вот как пишет об этом сам Василий Михайлович.

Он стал ходить к нам всякий день и был у нас почти с утра до вечера, рассказывая о своих путешествиях и показывая планы и рисунки опи-

санных им земель, которые видеть для нас было весьма любопытно. Между японцами он считался великим путешественником. <...> Ему удалось быть на всех Курильских островах до семнадцатого, на Сахалине, и он достигал даже до Маньчжурской земли и до реки Амура.

Он умел брать секстаном высоту солнца на естественном горизонте, как по полуденной высоте сыскать широту места, для чего употреблял таблицы склонения солнца и всех входивших тут поправок, переведённых на японский язык, по словам его, с голландской книги.

Мамия Ринзо сообщил многие весьма любопытные сведения, которые нашему правительству небесполезно знать <...> Я буду иметь случай упомянуть о них в другом месте.

Дошли ли в результате эти сведения о проливе между Сахалином и материком и об устье Амура до правительства в Петербурге – мне это неизвестно. Во всяком случае записки Головнина с приведённой выше информацией были опубликованы в 1816 году.

Если вообще может наличествовать что-то общее между русским капитаном и японским самураем, то между Головиным и Мамией это наличествовало.

Имел он [Мамия] небольшой кубик для гнания водки из сарачинского пшена [то есть – риса], который беспрестанно стоял у него на очаге; выгнанную же из него водку пил он сам и нас потчевал, что матросам нашим весьма понравилось.

Иногда разговаривали мы дружески о разных материях, в числе коих политические предметы.

О чём говорили они ещё, кроме «политических предметов», Головнин не уточняет. С большой вероятностью могу предположить, что Мамия читал Головнину стихи – краеугольный элемент самурайского мироощущения. Тем более, что как раз перед этим в столице вышла новая книга Кобаяши Иссы «Мой год весны» («Ora ga Haru», 1811).

Тихо, тихо ползи, улитка,
по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!

Это, кстати, та самая улитка («katatsumuri»), которая медленно, но неотвратимо доползёт со временем и до Управления по делам леса, и до самого Леса.

В ответ на данные строки, Головнин, уже умея отличить «хайку» от «хокку» и замышляя побег, мог бы словами того же Иссы парировать:

В полуденный час
Растворяюсь – один-одинешенек –
В лазурном небе.

И уж никак в беседах двух благородных мужей за чашкой сакэ (а похоже, что Головнин принял именно чайник для подогрева сакэ за походный самогонный аппа-

рат) не мог быть забыт Мацуо Басё, великий учитель Иссы, автор дорожного дневника «Неверный путь на дальний Север» («Oku no Hosomichi», 1694). Так что любой из присутствующих мог бы сказать:

Бабочки полет,
Прыгнула лягушка.
Прошёл я сотню ри.

Это что касается японского эпизода одиссеи Василия Михайловича Головнина.

И вот в такой компании 19-летний мичман Фёдор Литке в 1817 году идёт на шлюпе «Камчатка» в свою первую кругосветку. Дневник его путешествия, запечатлевающий образы плывущего мира (укиё-э), пересказывать не буду. Пушкин только в самых дерзких мечтах уносится к «дальному острову заточения» Наполеона, Литке же (как и Матюшкин) видит остров Святой Елены своими глазами (на берег, впрочем, ступали только двое – сам Головнин и Феофемпт Лутковский). По возвращении он получает чин лейтенанта.

А дальше – что? А дальше, похоже что ничего.

Обычная в подобных случаях проблема – за слишком крутым, как большая волна в Канаве, взлётом неминуемо следует кризис карьеры. Человек оглядывает свой недавний путь и экстраполирует его в будущее. Но будущего не происходит. Как будто его Фортуна, только что озарявшую его жизнь, похитил и унёс некий злой волшебник.

Но лейтенант Фёдор Литке не человек, а просто ледокол какой-то. Кто бы сидел и ждал, а он уже через год отправляется вызволять свою Фортуна. А где её ещё искать после «Руслана и Людмилы», как не на Новой Земле – длинной и белой, как борода Черномора. И также, как она, рассечённой надвое мечом бесстрашного витязя (Фёдора Розмыслова).

Четыре года подряд, с 1821 по 1824 бриг «Новая Земля» под командованием сначала лейтенанта, а потом и капитан-лейтенанта Фёдора Литке исследует побережье Новой Земли.

По результатам этой экспедиции в 1828 году вышла книга «Четыреждыпутешествіе въ Северный Ледовитый Океанъ, совершенное по повеленію Императора Александра I, на военномъ бриге «Новая Земля», въ 1821, 1822, 1823 и 1824 годах».

Писал её Фёдор Литке в Петербурге, снимая одну квартиру на двоих с Фердинандом Врангелем. Который в это время также писал свою книгу.

Потом Врангель, не вынеся писательских тягот, сбежал в очередную кругосветку, прихватив с собой, как обычно, Матюшкина. Закончив книгу, в свою кругосветку отправился и Фёдор Литке. Жизнь только начиналась. Но дальнейшая его судьба, полная приключений и драматических поворотов, выходит за рамки нашей темы.

Короля делает свита, открывателя делают спутники. В принципе, о Литке можно больше ничего не говорить. Но я скажу. До экспедиций Литке, единственной картой Новой Земли, основанной на реальных навигационных измерениях, была кар-

та Баренца, составленная за 225 лет до того. Теперь же мир получил, наконец, обновлённую карту Новой Земли капитан-лейтенанта Фёдора Литке. А также карту промеров морских глубин, течений, магнитных склонений, цветущий розарий ветров, и проч. и проч. Новая Земля вошла в век точных наук.

Успехи экспедиций Литке не следует приписывать только технологиям нового века. Буквально за год до него, на Новую Землю посылалась аналогичная экспедиция лейтенанта Лазарева, окончившаяся безрезультатно. Фёдор Петрович в своей книге называет его исключительно «лейтенант Лазарев» и никак иначе. Мы же знаем, что речь идёт об Андрее Петровиче Лазареве (будущем вице-адмирале), старшем брате Алексея Петровича Лазарева (будущего контр-адмирала) и Михаила Петровича Лазарева (будущего полного адмирала), одного из открывателей Антарктиды.

Ирония судьбы состоит в том, что открывателем Антарктиды должен был стать Василий Головнин и с ним, соответственно, Фёдор Литке. Когда Иван Крузенштерн (будущий адмирал) в 1819 году предоставил Морскому министру проект экспедиции в Южный океан, то руководить этой экспедицией он предлагал назначить Головнина. Однако как-то при этом все забыли, что Головнин и так в это время находится в кругосветном плавании на шлюпе «Камчатка» и одновременно возглавить другую экспедицию ну никак не может. Тогда Морской министр, маркиз де Траверсе, предложил свою креатуру на место руководителя экспедиции – Макара Ратманова (будущего адмирала). Ратманов полетел в Петербург на всех парусах, однако в Балтийском море сел на мель, получил незначительные телесные повреждения и остался на излечении в Копенгагене. Тогда – делать нечего – пришлось назначить начальником южной экспедиции Фаддея Беллинсгаузена (будущего адмирала), который взял командиром второго корабля того самого Михаила Лазарева.

21 июля 1821 года Беллинсгаузен и Лазарев, открыв Антарктиду, триумфально вернулись в Кронштадт. В этот день лейтенант Литке вышел из Архангельского порта на бриге «Новая Земля» и взял курс на Новую Землю. Жизнь только началась.

Бэр: 1837

Экспедиция академика Бэра на Новую Землю в 1837 году внешне не слишком эффектна, но весьма знаменательна. Впервые сюда отправлялись сугубо учёные в чисто научных целях.

Руководитель экспедиции, Карл Эрнестович Бэр (Karl Ernst von Baer), натуралист в полном смысле этого слова. То есть он изучал Натуру (Природу) во всех её проявлениях. Но в первую очередь он всё-таки – ботаник и зоолог.

В истории науки Карл Бэр в первую очередь известен, как автор «Законов Бэра», являющихся в концептуальном смысле предвозвестниками учения о «стволовых клетках». Другой известный вклад Бэра в науку, хотя для него и непрофильный, это «Закон о подмывании берегов рек». Бэр, на основе многочисленных наблюдений, сформулировал общее правило: «В северном полушарии все реки, независимо от направления их течения, подмывают всегда правый берег. В южном полушарии – наоборот.». Этот эффект, на первый взгляд не согласующийся с бытовыми рассуждениями о вращении Земли, в последующем объяснил Эйнштейн.

Другой яркий участник экспедиции – 23-летний натуралист (с уклоном в ботанику и геологию) Александр Леман (Alexander Adolph Lehmann), вчерашний студент Дерптского университета. С момента начала экспедиции жить Александру Леману оставалось только пять лет, но за эти пять лет он успеет сделать в науке столько, сколько большинству не удаётся за многие десятилетия безупречной научной службы.

После Новой Земли у Лемана одна экспедиция пойдёт за другой, в основном по неведомой тогда Средней Азии. В частности, он первым опишет природный мир Зеравшанской долины. Когда в 1979 году мы с друзьями – Олегом (будущим молекулярным биологом), Петей (будущим архиепископом), Мишей (будущим советником президента), другим Мишей (будущим висельником) – когда мы на лихом грузовике с гиканьем пересекали долину реку Зеравшан, держа курс на Памиро-Алай, я не задумывался о том, что всё, что вижу вокруг, впервые было описано Александром Леманом. Умрёт Леман в возрасте Лермонтова (и практически в один с ним год) в городе Симбирске, в пути – от горячки, подцепленной в южной экспедиции.

Ещё один участник, оказавшийся чрезвычайно ценным – художник-рисовальщик Карл (?) Редер (Rader, Röder), до экспедиции – гиттенфервальтер Монетного двора в Петербурге. В его рекомендации для экспедиции сказано, что он – «молодой человек, имеющий геогностические сведения и готовый ко всяческим лишениям».

Так вот, Редер стал первым профессиональным художником, запечатлевшим виды Новой Земли с натуры. По завершении экспедиции с его рисунков был сделан небольшой тираж литографий, раскрашенных вручную. Однако в дело всё это тогда не пошло и тираж пролежал без движения на складе следующие 96 лет.

[Илл. 02-18-01-1. Редер, рисунок Новой Земли, 1836. Шхуна «Кротов» в проливе М-Шар.]

На экспедиционной шхуне «Кротов», выделенной для Бэра Морским департаментом, капитаном был 29-летний Август Карлович Циволька. Двумя годами ранее он уже ходил в картографическую экспедицию к Новой Земле (которой командовал Пётр Пахтусов) и по её результатам составил подробную карту отдельных участков Новой Земли. К «Карте Цивольки» мы ещё вернёмся.

Экспедиция Бэра длилась два летних месяца. За это время учёными был описан практически вся флора и фауна Новой Земли. Другое дело, что видовое разнообразие оказалось здесь относительно скромным – не более ста видов «прозябемостей» (растений) и примерно столько же «влачимостей» (беспозвоночных).

Что касается позвоночных, то с одним из них вышла промашка. Карл Эрнестович изначально планировал взять с собой из Архангельска живую корову, чтобы по утрам пить свежеприготовленный кофе по-венски со свежими сливками. Однако, увидев шхуну «Кротов», Бэр резюмировал: «Я думал корову погрузить на судно, но скорее это судно можно погрузить на корову».

В море, недалеко от входа в пролив, отделяющий Северный остров Новой Земли от Южного, экспедиция наблюдала фантастическую картину. Море буквально кишело «гребневиками» всех мыслимых видов и замысловатостей – платиктенидами, беридами, цидиппидами и прочими прозрачными формами существования. Нежными, светящимися, переливающимися, грушевидными, с щупальцами и без.

По результатам экспедиции, кроме сугубо научных отчётов, было опубликовано пространное сообщение «Русская Лапландия и Новая Земля. Путешествие г. Ака-

демика Бера» (журнал «Библиотека для чтения», 1838, том 29, раздел «Науки и искусства», с. 1-30).

Сообщение в журнале идёт без подписи, однако трудно предположить, чтобы подобная публикация была сделана без участия Бэра. Просто такой жанр развязывает автору руки и даёт дополнительные беллетристические возможности. Часть статьи пишется как бы от лица стороннего журналиста (и здесь уместны все превосходные степени), а другая часть – фактологическая – состоит из «прямых» цитат из записок Бэра (и тут уместен, наоборот, строгий, объективный стиль и скромное преуменьшение собственных неоспоримых заслуг).

Последую и я за этой логикой. Сначала немного процитирую «стороннего журналиста», сообщаящего от себя некоторые сведения об экспедиции Карла Бэра 1837 года. По мне, так эта часть публикации – самая яркая. Начнём.

Читая отчет, представленный г. Бером Императорской Академии Наук, вы уже мерзнете среди лета, при виде этой мучительной борьбы, которую органическая жизнь, возбужденная мимолетным лучом солнца, должна там выносить с враждебными стихиями и вечными льдами. При всем том, подобное зрелище не чуждо занимательности. Страдания природы в области полунощной стужи столь же любопытны, как и торжественный пир ее под золотым шатром светлого юга.

Плиний, который говорит, что Аравия Счастливая потому называется «счастливою», что оттуда привозят перец и имбирь, назвал бы Русскую Лапландию «Лапландией Счастливой», потому что в ней пьют чай. Новая Земля, куда отправились путешественники наши из этой блаженной страны, далеко не обещала им таких наслаждений. Тут уже они находились за пределами вселенной.

По железной дороге, при хорошем паровозе, можно [было бы] с Новой Земли в пятнадцать часов езды быть на полюсе.

Мы обыкновенно называем девственными почвы Бразилии, <...> почвы, еще не взрытые лопатой и плугом, хотя густой лес, перепутанный лиасой и сплоченный в одну массу, и толстые слои чернозема, не согласуются с девственностью. Поэтому Новая Земля находится не только в девственном, младенческом положении, но даже в состоянии зародыша.

Со всем тем на Новой Земле встречаются места, где Флора, кажется, рассыпала всё богатство своего пестрого царства.

Неизъяснимая грусть овладевает душой всякого человека, даже грубого матроса, при взгляде на эти обнаженные, безмолвные, безжизненные области, где нет ни дерева, ни кустарника, ни даже высокой травы. Сердце сжимается, но в этом грустном чувстве есть что-то великое, торжественное. <...> Мне казалось [вот, проговорился], что настало первое утро сотворения мира, и юная земля, только что отделившаяся от вод, не успела еще одеться в свои пестрые и зеленые ткани и ожидала прибытия жизни.

Здесь, кажется, мертвеют самые чувства наши.

Хотите ли, чтобы ваше тело не было снедью червей за пределами жизни? – приезжайте умереть в Новую Землю

А вот собственно научная часть.

Горы Новой Земли, говорит г. Леман в геогностическом очерке этой страны, преимущественно состоят из формации глинистого шифера. <...> Каждый пласт имеет свой собственный цвет и резко отделяется один от другого, а иногда эти пласты связаны конгломератами.

Во многих местах по морскому берегу, например у Серебряной Бухты <...> находится каменный уголь.

Металлический, гляцевитый тальковый шифер в Серебряной Бухте от снежной воды рыхлеет и наконец рассыпается в мелкий порошок, который с первого взгляда чрезвычайно похож на серебряную пыль. Этому обстоятельству бухта обязана своим названием.

Не только горы и междугорья, но и низменности Новой Земли, почти все бывают покрыты вечным снегом.

На закраинах роскошно прозябают цветы альпийской флоры.

Между прочими цветками дружелюбные незабудки расстилались как пестрый ковер, или, лучше сказать, как сад, устроенный искусной рукой хозяина в этом ледовитом краю. Эта картина возбудила живой восторг в г. Лемане, молодом товарище, разделявшем мои ботанические труды.

Вы видите перед собой гору, и не можете судить ни об ее высоте, ни о расстоянии. В этих беспредельных пространствах нет мерила для сравнения, и вам все кажется близким. <...> Приготовленный к этому оптическому явлению, я ожидал его, но действительность превзошла мои ожидания. Рассудок никак не мог убедить меня, что эта кажущаяся близость расстояний обманчива.

Мух и комаров здесь <...> с трудом должно отыскивать. Они едва летают, едва живут. Не опасайтесь их докучливости: здешний комар потерял даже инстинкт, увлекающий его к человеческой крови.

И последнее открытие.

Они кормятся одними сосудчатыми и никогда не едят тайнобрачных.

Гамель: 1845

Иосиф Христианович Гамель, из поволжских немцев, академик. В его лице Новая Земля обрела первого русского исследователя своей ранней истории.

Конечно, в книге Литке «Четырёхкратное путешествие...», обзор исследований Новой Земли даётся – и преподробнейший. Однако, начальный этап этой истории описывается там с чужих слов – на базе «The Principal Navigations...» Ричарда Хаклюйта. Гамель же представит миру результаты собственных изысканий, проведённых по архивным документам. Как, собственно, изысканиям быть и положено.

При знакомстве с жизненным путём Гамеля, неотвязно витает ощущение удивительной неисповедимости его подвизаний, какой-то полной независимости свершений от расчётов. Он долго учится и получает диплом «доктора медицины», но врачом не работает никогда. Специализируется на железных дорогах и металлообработке, а запоминается современникам, как «отец русской фотографии». Всеми мыслями устремлён в грядущий «электромагнитный век», а остаётся в истории, как историк глубокой старины.

Даже краткое перечисление предметов, к которым Гамель имел непосредственное отношение, впечатляет. Он приложил руку к появлению в России первой железной дороги (Царскосельской), описал эндемичную кошинель, участвовал в испытании первой линии телеграфа между Англией и материком, разработал проект разведения устриц в Финском заливе, сделал в Париже вероятно первый в истории портретный фотоснимок, приобрёл для России огромное количество английских патентов и проч. и проч.

С фотографией Иосиф Гамель столкнулся, когда ему уже клонилось к пятидесяти. И сильно в это дело влез. Достаточно сказать, что «калотипы» он делал в Лондоне под руководством Уильяма Тальбота (изобретателя калотипии), а «дагеротипы» делал в Париже под руководством Дагера (изобретателя дагеротипии). Причём не когда-нибудь, а буквально стоя у самых истоков открытий, в 1839 году. Напомню, что от этого года и ведёт свой отсчёт мировая фотография. Именно и единственно благодаря Гамелю Россия вступила в век фотографии фактически одновременно со всем миром, буквально в том же году.

Всю свою жизнь Гамель стремился докопаться до самых глубин и достичь самых вершин. Конкретно, в водолазном колоколе он опускался на дно морское и восходил, обвязавшись верёвкой, на заоблачные снежные пики.

В частности, Гамель предпринял попытку восхождения на тогдашнюю «вершину мира», Монблан. Восхождение проходило с 18 по 20 августа 1820 года. Попытка, правда, закончилась неудачно – альпинисты попали в лавину, три проводника погибло. Напомню, что к тому моменту вся 34-летняя история восхождений на Монблан (который хоть и «yet gleams on high», но «здесь смерти неприступная обитель, с оплотами из искристого льда») насчитывала всего несколько удачных попыток.

В своих записках Гамель рассказывает это так («Путешествие доктора Гамеля на гору Монблан», архив Академии наук, СПФ АРАН, ф. 85, оп. 1, д. 2 (?), рукопись не публиковалась):

Вдруг я почувствовал, что снег под моими ногами поддаётся. Думая, что я поскользнулся, я вбил палку с другой стороны, но напрасно! Снег увлекал меня вниз с непреодолимой силой. Я не знал, что случилось <...> Снег давил на меня и мешал мне дышать свободно. Мне представилось, что большая лавина с Монблана толкает снег вперёд, и я каждую минуту ждал, что буду раздавлен этой движущейся массой. Спускаясь, я постоянно переворачивался, напрягая все силы, чтобы раздвинуть руками снег.

Момент этот был для нас запечатлён впечатлёнными художниками-современниками в цветах и красках:

[Илл. 02-19-01-1. Самуэль Вейбель, «Катастрофа, произошедшая с доктором Гамелем в 1820» («Catastrophe du Docteur Hamel en 1820», Samuel Weibel). Archives Departementales de Haute-Savoie. Collection Payot et images de montagne, док. 977-I-2-109.]

[Илл. 02-19-02-1. Габриэль Шартон, «Трагическая попытка восхождения на Мон-блан доктора Гамеля 18 августа 1820» («Tentative malheureuse de l'ascension au Mont Blanc par Mr le Docteur Hamel 18 Aout 1820», Gabriel Charton). Там же, док. 977-I-1-0416.]

VOYAGE MALHEUREUX AU MONT BLANC DE M^r LE Dr HAMEL.

[Илл. 02-19-03-1. Габриэль Шартон, «Неудачное путешествие на Монблан доктора Гамеля» («Voyage malheureux au Mont Blanc de Mr le Docteur Hamel», Gabriel Charton). Там же, док. 977-I-1-0861.]

Пока 32-летний доктор Гамель восходил на Монблан, 21-летний коллежский секретарь Пушкин тоже не терял времени даром и на борту корабля, идущего из Феодосии в Гурзуф, писал мятежные строки. «Погасло дневное светило, На море синее вечерний пал туман. Шуми, шуми, послушное ветрило». И буквально через несколько часов после того, как были написаны завершающие слова «Волнуйся подо мной, угрюмый океан...» (на конце с многоточием, предполагающим возможность любого исхода) – под ногами Гамеля океан снега пришёл в волнение и дневное светило чуть было не погасло для него навсегда. Он мог погибнуть в ледовой трещине на склоне Монблана, однако умер он 32 года спустя, в Лондоне. «Лети, корабль, неси меня к пределам дальним По грозной прихоти обманчивых морей, Но только не к берегам печальным Туманной родины моей».

Этот эпизод в биографии Гамеля обрёл второе дыхание в 1852 году, когда американский журнал «Harper's Monthly», продемонстрировав завидную эрудицию и расторопность, приурочил к поездке Гамеля в Америку публикацию старого рассказа Александра Дюма-отца «Marie Coutet» (в американской журнальной публикации – «Swept away by an avalanche», «Сметённые лавиной»), чей сюжет целиком основан на восхождении Гамеля на Монблан в 1820 году («Harper's Monthly», 1852, November, p. 788-791).

Оригинальный рассказ Александра Дюма был написан ещё в 1832 году во время его первого путешествия по Швейцарии. В качестве главы XII он вошёл в путевые записки Дюма «*Impressions de voyage: En Suisse*» («Дорожные впечатления: В Швейцарии»), впервые опубликованные в 1833 году.

По технике письма это «рассказ в рассказе». Горный проводник Мари Кутэ за стаканом вина рассказывает автору свою историю.

В повествовании «доктор Гамель» («*le docteur Hamel*») упоминается пять раз. Александр Дюма, как истинный мастер слова, знающий толк в создании незабываемых персонажей, придаёт образу Гамеля яркие демонические черты. А история, в общем-то, типовая.

Доктор Гамель и «полковник Андерсон» (в которого Дюма, своей писательской властью, превратил студента Гилберта Хендерсона) нанимают носильщиков для восхождения на вершину Европы, Монблан. Носильщикам, получившим деньги, идти уже не очень хочется. Они пытаются под разными предлогами прервать восхождение и с полпути возвратиться в Шамони. С подобной ситуаций все восходители сталкиваются регулярно.

Рассказ проводника построен на антитезе: опытные проводники, ссылаясь на погоду, хотят возвращаться – а злой «доктор» настаивает на продолжении восхождения. И вот – донаставивался. Сходит лавина и погребает троих. Только тут доктор соглашается внять голосу разума.

Интересно, что в рассказе проводника прямо обозначена «истинная цель» восхождения Гамеля. Оказывается, доктор идёт на Монблан, поскольку он имеет задание «провести по поручению Российского Императора метеорологические измерения на всех высочайших вершинах мира» («*ce dernier envoyé par l'empereur de Russie pour faire des expériences météorologiques sur les montagnes les plus élevées du globe*»).

Поддавшись очарованию этой версии, не сразу соображаешь, что на момент описываемых событий (1820) все до единой, кроме Монблана, высочайшие вершины всех континентов были ещё либо попросту неизвестны (Килиманджаро, Мак-Кинли, Винсон, Костюшко), либо не были измерены (Джомолунгма, Аконкагуа) и, соответственно, про них ещё не было известно, что они «высочайшие».

Оценивая степень документальности рассказа проводника, следует иметь ввиду следующее. Восхождение Гамеля имело место за 12 лет до того, как Александр Дюма оказался в Шамони. Проводнику, который отвечал за безопасность и чьи товарищи погибли, события всегда видятся в несколько ином свете, чем независимому наблюдателю. И уж тем более это касается его версии, которую он излагает на-людях.

Так что я бы не стал заикливаться на оценочной стороне «рассказа Мари Кутэ», а воспринимал бы данную публикацию, просто как интересный литературный отблеск яркой биографии Иосифа Гамеля. Который становится, таким образом, ещё и родоначальником русского альпинизма. Однако, нас интересует сейчас совершенно иная грань его таланта.

В 1814 году Иосиф Гамель оказывается в нужное время в нужном месте. Император-победитель Александр I едет в Оксфорд получать почётную академическую мантию. И не то чтобы в его свите, а скорее просто под шумок этого визита, в Англии оказывается и молодой (26) Гамель. И пока прочие гудят на Пикадилли, Гамель закатывается в Оксфордские архивы и работает там с манускриптами 24 часа в сутки, 7 дней в неделю.

Результатом этой работы (а также аналогичных изысканий в течении последующих 30 лет) становится исследование о первых английских путешественниках, дипломатах и коммерсантах в Московском царстве.

Труд был отдан в печать в 1845 году (практически одновременно с «Тремя мушкетёрами» Дюма), но из-за долгой издательской процедуры вышел два года спустя (1847), на немецком языке, в периодическом издании Российской академии наук «Recueil des Actes de la séance publique de L'academie Imperiale des Sciences de Saint-Petersbourg tenue le 29 Decembre 1845.», St.-Petersbourg 1847, стр. 85-348.

Сама работа называется «Tradescant der Aeltere 1618 in Russland. Der Handelsverkehr zwischen England und Russland in seiner Entstehung. Ruckblick auf einige der alteren Reisen im Norden.»

10 лет спустя, в 1854 году, в Лондоне выходит переработанное издание этого труда в виде отдельной книги «England and Russia; comprising The Voyages of John Tradescant The Elder, Sir Hugh Willoughby, Richard Chancellor, Nelson and others, to The White Sea, etc.», London, Richard Bentley, 422 стр.

20 лет спустя после первой немецкой публикации, этот материал, дополненный новыми главами, выходит впервые на русском языке. Выходит двумя частями – в 1865 и в 1869 году, в качестве приложений к периодическому изданию «Записки Императорской Академии наук» (Приложение к тому VIII «Записок», 1865, с. 1-179; и Приложение к тому XV «Записок», 1869, с. 180-308).

Эта фундаментальная монография – вершина исследований Гамеля в данной области. Называется она «Англичане в России в XVI и XVII столетиях».

Нельзя сказать, чтобы тема первых англичан в Московском царстве не была до того затронута мировой наукой. Заслуга Гамеля состоит в том, что он увидел проблему шире, чем просто описание обстоятельств путешествий. Предмет интересов Гамеля – взаимодействие двух разных миров.

Если английских исследователей интересовали преимущественно сами английские путешественники, то Гамель погрузил своих героев в густую и горячую пульпу Московского царства. Он окружил их писцами, опричниками, дьяками, толмачами, торговыми людьми, боярскими сынами, воеводами. Всё – конкретно, по архивным документам. Картина мира обрела объём.

Иосиф Гамель не был историком ни по образованию, ни по профилю своих основных научных занятий. Но его труд «Англичане в России...» стал не просто классическим и пионерским. Этой работой он открыл глаза научному сообществу на новое направление для возможных исторических исследований.

И по следам Гамеля не то что пошли – буквально кинулись будущие корифеи исторической науки. Карл Свенске, Эдвард Бонд, Юрий Толстой, Сергей Середонин – для изучающих раннее Московское царство имена эти звучат, как звучат имена Боба Марли и Ли «Скрэтча» Перри для бескомпромиссных растаманов.

А начиналось всё с малого. В Оксфордских архивах Гамель натолкнулся на документы о неизвестном ранее путешествии в Россию в 1618 году английского аристократа Джона Традесканта. Чтобы поставить это путешествие в исторический контекст, Гамель включает в область исследований предшественников Традесканта. Для этого пришлось коснуться деятельности английской Торговой компании – и прошло-поехало.

Как я уже отмечал, все научные достижения Гамеля в той или иной степени несут на себе печать непреднамеренности. Но в своем историческом исследовании Его превосходительство (Действительный статский советник) превзошёл в этом смысле сам себя. Он не собирался быть историком, но стал. Хотел написать об одном джентльмене, а написал о целой цивилизации. Решил, раз уж так сложилось, ограничиться столицей, а кончил бескрайними просторами полярных экспедиций.

Словно само Провидение вело его к сэру Хью Уиллоуби. А где сэр Хью, там и Стифен Бэрроу, и Артур Пэт и прочие по списку.

В книге «Англичане в России» собственно Новой Земле посвящено не так уж и много страниц. Но этого оказалось более чем достаточно, чтобы Иосиф Христианович Гамель вошёл в историю, как первый истинный историк Земли Новой. «Земли достигнув наконец, От бурь спасённый провиденьем», как сказал поэт.

Гамель не стремился к Новой Земле – Новая Земля пришла к нему сама. Да и могло ли быть иначе? Тому, кто движется на восток, Новой Земли избежать трудно.

Сводная таблица

Ну, не совсем таблица, но ладно. Соберём вместе основные события второй главы книги.

1553, 14 августа – Сэр Хью Уиллоуби открывает новую, неизвестную ранее, землю, которая и окажется Новой Землёй.

1556 – Стифен Бэрроу подходит к земле, открытой Уиллоуби, и записывает её название – «Nova Zembla», которое он слышит от местного зверодобытчика. От него же он узнаёт, что дальше к северу, на берегу этой земли находится самая высокая в мире гора. Брат Стифена Бэрроу, Уильям, рисует первую в истории карту южной оконечности Новой Земли.

1580 – Корабли Ричарда Пэта и Чарльза Джекмена становятся первыми кораблями, прошедшими с юга от Новой Земли в Карское море.

1589 – Ричард Хаклюйт публикует «The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of English Nation» – «национальный географический эпос», где, в числе прочего, публикует множество документов по ранним экспедициям к Новой Земле.

1594–97 – три экспедиции к Новой Земле с активным участием Виллема Баренца. Снята детальная карта всего западного, северного и северо-восточного побережья острова. Показана малая вероятность того, что Новая Земля соединяется с Гренландией. Осуществлена самая северная на то время зимовка, проведены первые метеорологические наблюдения, описана полярная рефракция, гиповитаминоз, солнечное гало, большое значение магнитного склонения и другие эффекты высоких широт. Карта Баренца Новой Земли становится золотым стандартом на следующие полтора-два столетия.

1653 – Пьер-Мартин де Ламартиньер совершает путешествие по территориям, примыкающим к Баренцеву морю, включая Новую Землю. По мотивам путешествия он пишет документально-фантастическую книгу «Voyage des pays septentrionaux, etc.» (1671), которая выводит Новую Землю на орбиту художественной литературы.

1664 – Виллем Фламинг впервые огибает Новую Землю с севера, попадает в Карское море и входит в зону видимости Сибирского берега. В другое своё плавание, в 1688, около мыса Сухой Нос он поднимается на «очень высокую гору», откуда видит некий пролив, уходящий вглубь острова.

1692 – Николаас Витсен публикует первое в истории фундаментальное научное описание всей северной и восточной части Евразии, в том числе Новой Земли – книгу «Северная и восточная Тартария».

1768 – Фёдор Розмыслов проходит насквозь пролив между Северным и Южным островами Новой Земли и картографирует его.

1788 – Василий Крестинин публикует первый русский географический обзор Новой Земли, составленный по сведениям, полученным им от архангельских промышленников.

1821-24 – Фёдор Литке за четыре навигационных сезона снимает точнейшую карту западного побережья Новой Земли. По результатам экспедиций публикует классическую по Новой Земле книгу «Четырёхкратное плавание...» (1828).

1837 – Карл Бэр возглавляет первую чисто научную экспедицию на Новую Землю. В ней принимает участие также и первый геолог, ступивший на остров – Александр Леман.

1845 – Иосиф Гамель публикует первое русское фундаментальное исследование (по материалам архивов) затрагивающее историю открытия Новой Земли.

Примерно так выглядят основные вехи в истории острова, по состоянию на апрель 1873 года, когда Достоевский садится редактировать рукопись статьи Немировича-Данченко о Новой Земле, где Град Небесный обретаем есмь над некой неведомой Горой.

3. Москва

Первый слух (1590) – Полный запрет (1616) – В зоне внимания (1650) – Собственная попытка (1652) – Тактика «божественного пения» (1672) – Козмографы-землеписцы (1667-1704)

1590: Первый слух

Московское царство Новую Землю проспало.

Нет ни одного документа, который бы свидетельствовал о том, что Иван IV Грозный знал о существовании Новой Земли, или хотя бы слышал это слово. У опричников находились дела поинтересней.

О так называемой «экспедиции Ивана Грозного на Новую Землю», периодически всплывающей в массовой периодике, всерьёз говорить не приходится. Этот миф произошёл целиком от одного-единственного сообщения архангельского краеведа Василия Крестинина. Чтобы сэкономить ваше время, приведу сразу сам первоисточник, породивший весь этот миф («Новые ежемесячные сочинения», ч. XIX, 1788, стр. 43-44). В сноске к основному тексту там читаем:

Покойный бургомистр, потом заседатель Архангелогородского губернского Магистрата, Иван Исакович Фомин, скончавшийся в 1786 году, от рождения своего 77 лет, муж в Архангелогородском гражданстве по своим заслугам почтенный, сказывал мне, как разумный старожил, что во время молодых лет его жизни, уверял его известный знакомец и сосед, старый и постоянный подъячий Архангелогородской губернской канцелярии Алексей Ступинцов, «что есть старинное письменное дело Губернской архивы, об отправлении повелением Государя Ивана Васильевича рудокопов искать на Новой Земле серебряную руду». Таковое свидетельство [сообщает далее Крестинин] надлежит почитать уже погибшим, ибо вся архива здешней губернской канцелярии в 1779 году сгорела.

Вот и всё «свидетельство». Один краевед сообщил, что некогда слышал от одного старика, что в юности тому поведал один человек, весьма заслуживающий доверия, что тот... и так далее. Комментарии, полагаю, излишни.

Хотя дотошный Фёдор Петрович Литке не поленился и прокомментировал этот миф в своём «Четырёхкратном путешествии...» (1828):

Свидетельство «сгоревшей Архивы» ничего не доказывает; притом же покойный академик Лепехин был в Архангельске прежде этого несчаст-

ного случая и если б слышал об этом любопытства достойном деле, то конечно не оставил бы розысков его. <...> Ступинцов мог смешать в памяти своей Новую Землю с Печорою [куда рудокопы Иваном Грозным действительно посылались].

Предание это, сделавшееся известным в конце прошедшего века через Крестинина <...> не подтверждается ни в каких исторических памятниках.

С «экспедицией Ивана Грозного» разобрались. А как обстояли дела на самом деле?

На самом деле Московское царство к началу последнего десятилетия XVI века о существовании Новой Земли даже и не подозревало. Конечно, «чёрные людишки» на окраинах по тихому пользовались Ледовитым морем и хаживали на добычу ко всяким-разным островам. Однако к государству это не имело ровно никакого отношения.

Но всё когда-то случается в первый раз. И вот наконец государство тоже узнало о Новой Земле. Произошло это 4 августа 1590 года, 37 лет спустя после открытия острова сэром Хью Уиллоуби.

Хотя правильнее было бы сказать так: 4 августа 1590 года государство имело возможность узнать о Новой Земле, а уж воспользовалось ли оно этим – то нам неизвестно. И получило государство данную возможность не от кого-нибудь, а из рук Елизаветы I, королевы английской.

Письмо королевы к царю Фёдору Иоановичу привез в Москву один чрезвычайно деятельный и колоритный персонаж – феерический Джером Горсей. О его жизни можно писать книги и снимать блокбастеры. Чем я когда-нибудь возможно и займусь, а сейчас он у нас – спецпосланник королевы к царю.

В Москву Горсей прибыл в апреле 1590. Но расклады и понятия в Московском царстве сложны и путаны, так просто к царю не войдёшь, нужны заходы. В результате только 4 августа Горсею удаётся привезённую грамоту адресату передать. И то не лично, а через «казначей Дементия Ивановича Черемисина, дьяка посольского приказа Андрея Щелкалова и Постника Димитриева».

Обсуждение содержания этой грамоты Елизаветы I выходит за рамки нашей темы. Скажу только, что тон королевы в нём спокойный и уверенный. Англия на подъёме, она только что в пыль растёрла лучший флот мира, испанскую «Непобедимую армаду» – с помощью Бога (более правильного, выходит, чем у испанцев), нации (сплочённой духом грядущей свободы и предпринимательства) и «британского камикадзе» (повезло с погодой).

И вот в этом послании упоминается, в числе прочего, «Новая Земля» («Novazemlja» – так, в одно слово). Это – первый документально подтверждённый случай, когда слова «Новая Земля» встречаются в официальном российском документообороте. Конкретно – в тексте грамоты от английской королевы к русскому царю.

Но, по хорошему, Московскому царству в тот момент не до каких-то там ледяных островов. На повестке дня остро стоит «углический вопрос» с царевичем Дмитрием, требующий острого решения (чему 9 месяцев спустя тот же Горсей окажется чуть не свидетелем). Так что не исключено, что данное слово в тексте послания королевы прошло мимо внимания.

Текст письма Елизаветы впервые был опубликован на английском языке в 1856 году, в сборнике «Russia at the close of the Sixteenth Century» (edited by Edward A. Bond, p. XCIX. Brut Franklin Publisher, New York, 1856). В русском переводе он был опубликован Юрием Толстым в 1875, в книге «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553 – 1593» (док. № 73, с. 376, СПб, 1875).

Я не располагаю никакими сведениями о том, публиковался ли когда-либо сам оригинал этого исторического документа. Поэтому на всякий случай публикую здесь копию первой страницы подлинника этого письма, полученную мной непосредственно в Британском Королевском Архиве (Her Majesty's State Paper Office, ед. хранения SP 91/1/64).

Документ существует в виде списка, сделанного в королевской канцелярии непосредственно перед отправкой грамоты в Москву в 1590 году. Возможно, это первая его публикация.

1590. 1. 3. 64

Elizabeth by the grace of god Quene of Englande France
and Irelande Defender of the faith &c. To her most
mightie Lord Emperour and great Duke. the Duke
of Brunsuich. off all christia or Begynning of off may
absolute amfuer person & her in this following.

first. Or praye ye maye sendinge to us in manye as ye messinger
of Letters unto I. by your reference for matter herein
contained unto I. maye Judgement and opinion, and that
it shoulde so well please our amfuer respect given herein
for us for all contingencies shoulde be in. But the said
matter now finally determined and decreed. being
before the said messinger returne to us in this
to us in this by law of all nations. Or shall the
messinger be in combination to determine of the same
absolutely.

2. Or sendinge I. by your Ambassador. giles. Fletcher, to
us maye be send not be executed for an Ambassador, not
only subject but great subject. It is Letters and
message that demanded of him and send. not
only to us in this presence in the spirit of faith and

3. Or by your Ambassador beinge the best as a
sonne to him doth by reason of the shapen raisinge
not not permitted to be at the said Ambassador in this
domicile. But the said Ambassador not only to
the said Ambassador in this office. person to be sent to us in this
to us in this by law of all nations. Or shall the
messinger be in combination to determine of the same
absolutely.

4. Or by your Ambassador beinge the best as a
sonne to him doth by reason of the shapen raisinge
not not permitted to be at the said Ambassador in this
domicile. But the said Ambassador not only to
the said Ambassador in this office. person to be sent to us in this
to us in this by law of all nations. Or shall the
messinger be in combination to determine of the same
absolutely.

[Илл. 03-01-01-1. Письмо королевы Елизаветы I к русскому царю с упоминанием «Новой Земли», 1590. Оригинал. Британский Королевский Архив, Her Majesty's State Paper Office, SP 91-1-64.]

Итак, 4 августа 1590 года в Московском царстве узнали о существовании некой Новой Земли. По крайней мере – имели шанс о ней узнать.

1616: Полный запрет

А в 1616 году Новую Землю царским указом уже запретили.

Дата эта не строгая, поскольку процесс запрета растянулся на несколько лет, примерно с 1616 по 1619.

Собственно, запретили не конкретно Новую Землю (о которой, похоже, представления по-прежнему не имели), а всё морское сообщение целиком – от Архангельска до устья Оби («страны Мангазеи»). Новая Земля тут просто попала под раздачу, оказавшись посередине запретной зоны. Хотя в тексте соответствующих указов она тоже поминается.

Процесс развивался так. Сначала центральное правительство в лице нового царя, Михаила Фёдоровича Романова, разослало сибирским воеводам предписание опросить местных торговцев и предпринимателей о путях, которыми те возят товары в Сибирь.

Из отписок воевод стало ясно, что основным путём является морской. От Архангельска – мимо устья Печоры – вдоль южной оконечности Новой Земли. В отписках в числе прочего отмечалось, что в торговле участвуют также и иностранцы («немцы»).

В мае 1616 года умер Шекспир, и последние моральные ограничения оказались сняты. Московское правительство решилось действовать. И «Мангазейский морской ход» был запрещён.

Начали запрет как раз с «немцев» (под страхом «великой опалы и смертной казни») – к немалой радости отечественных предпринимателей. Но радовались они не долго – следующей же порцией указов были запрещены и они сами. Возить все товары было предписано только посуху, «чрезкаменно» (через Уральские горы) где уже были налажены пункты господорова.

Так государство решило с «Мангазеей», что бы это ни было, сделать так, чтобы это не было. И Мангазеи не стало. Бурно развивавшаяся поморская цивилизация в низовьях Оби просто перестала существовать.

Документов на эту тему существует много, в большой степени они сходны. Приведу несколько цитат навскидку.

Все документы опубликованы в «Русской исторической библиотеке», т. 2, 1875, раздел № 254, с. 1049–1095, «Отписки Тобольских воевод царю Михаилу Фёдоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь. Царские грамоты означенным воеводам, о принятии мер, чтобы Немецкие люди не узнали дороги в Сибирь, для чего объявить торговым и промышленным людям, чтобы они с Немецкими людьми не торговали.»

Вот отписка тобольского воеводы Ивана Куракина в Москву, датированная 22 мартом 1616 года. Это – первое известное упоминание Новой Земли в собственно российском документообороте (письмо Елизаветы I от 1590 года отнести к такому можно лишь условно).

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси.

Писали мы холопи твои к тебе к государю наперед сего с тобольским Литвином Федором Яновым про дороги с моря в Монгазею <...>

Сказывал нам <...> Колмогорец Еромка Савин: тому де лет с семь, видели они у Карские губы копаны ямы, а сказывали им Самоядь, что приходили де того году на Карскую губу из своих земель на кораблях Немцы, не заимую Архангельского города, имали землю в корабли; а для чего та земля надобна, того они не ведают. <...>

Да нам же холопом твоим сказывал Кондрашка Курочкин, что Немцы из своих земель по вся годы ходят многими корабли для промыслу на островах на Новую землю, а Новая земля стоит против енисейского устья. <...>

(документ опубликован в: «Русская историческая библиотека», т. 2, 1875, раздел № 254, с. 1054-1055)

По поводу загадочных и явно вредительских действий иностранцев, кораблями вывозящих землю Отечества за рубеж – сравните с записью из судового журнала Стифена Бэрроу, сделанной им на том же Самоедском берегу ещё 1556 году:

В воскресенье, 12-го [июля, 1556], наши люди рубили дрова на берегу и перевозили их на корабль, который мы здесь же нагрузили балластом из камней [для увеличения бортовой остойчивости].

А вот царский указ от 16 февраля 1618 года. Из него видно, что письмо Куракина при дворе было прочитано. И не просто прочитано, а тщательно соотнесено с другими аналогичными отписками того же времени:

Писали вы к нам про дороги с моря в Монгазею <...>

И в нынешнем во 126 году, Декабря в 9 день, писали к нам из Монгазеи воевода Иван Биркин да Воин Новокщенов: в прошлом де во 124 году <...> в роспросе же торговых людей три человека сказали: ходят де они на Новую землю из Кулуского устья на Канин нос, на Глубник, и с Канина носа к Новой земли ход меж севером и полунощником, и кораблей де на Новой земли не видали; а та де Новая земля лежит против Мурманские стороны, а не к Мангазейской земли и не к енисейскому устью. А по Новой земли ходят до Максимкова, а приходят к тому месту на Успенев день и на Семен день, а дале де того до Новой земли нельзя бывати, великих ради непроходимых льдов, а та де Новая земля неведома остров, неведома матерая земля. <...>

И как к вам ся наша грамота придет, и ты бы <...> велел <...> торговых и промышленных людей <...> отпускати к Руси болшим морем и через Камень <...> по прежнему, как наперед того ходили.

А будет <...> люди учнут с Немецкими людьми в Монгазею ездити, или с ними торговати, или в Монгазею кто Немецким людям дорогу укажет, и тем людям от нас быти в великой опале и в смертной казни. <...>

(там же, с. 1060-1067)

Как видим, отечественным предпринимателям (в отличие от иностранцев) ходить морским путём в царском указе дозволяется. А вот следующий указ от 29 ноября 1619 года. Кое-какие «мелкие детали», как видим, поменялись:

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, в Сибирь
<...>

И по нашему указу, велено вперед торговым и промышленным всяким людем ездить в Мангазею <...> через Камень, <...> а опричь тех дорог иными местами от Архангилского города болшим морем <...> в Мангазею <...> ходить не велено. <...>

(там же, с. 1073-1075)

Вот и всё. На Мангазее можно ставить точку.

А ведь и тридцати лет не прошло с того момента, как русский царь увещевал английскую королеву:

И которую дорогу Бог устроил великое море окиян, и ту дорогу как можно затворить?

(«Письмо царя Фёдора Ивановича королеве Елизавете, июнь 1589», ИРИО, т. 38, с. 201)

Да можно, всё можно. Продолжим.

1650: В зоне внимания

Геррит Де Фер, участник экспедиции Виллема Баренца 1596-97 годов к Новой Земле, опубликовал дневник этого путешествия вскоре после возвращения в Амстердам, в мае 1598 года.

С историей русского перевода этой книги Де Фера связано одно небольшое недоразумение. Однако оно широко растиражировано и продолжает тиражироваться дальше, а на его основе уже строятся некие теории. Поэтому считаю уместным сказать об этом пару слов.

Недоразумение состоит в тезисе, что первое краткое переложение дневника Де Фера на русский язык было выполнено якобы практически сразу же по его публикации, то есть уже в 1598 году. Это не так. Такое переложение науке не известно.

А пошло это заблуждение вот откуда. В 1930 году в Ленинграде, в издательстве Севморпути, вышел полный перевод на русский язык книги Де Фера. В предисловии к этому изданию, его переводчик, профессор Александр Иустинович Малеин, упомянул некий документ, однако допустил при этом небольшую неточность.

Сам по себе документ интересный. Он относится к середине XVII века (царствованию Алексея Михайловича) и представляет собой обзор, подготовленный для царя его канцелярией, на предмет перспективности плаваний по Ледовитому океану. Алексей Михайлович этот документ читал, о чём свидетельствуют его собственноручные пометки.

Документ состоит из трёх разделов. Первый озаглавлен так: «Описание чего ради невозможно от Архангелского города моремъ проходить в Китайское государство и оттоле к восточной Индіи». Второй раздел называется «О плаваніи голландскихъ 2-хъ кораблей къ Севернымъ странамъ для изысканія проходу мимо Новые Земли въ Китайское государство и оттуда къ восточной Индіи». А третий раздел не называется никак и кратко резюмирует первые два.

Документ хранится в «Архиве Древних Актов» по разряду Приказа Тайных дел (РГАДА, фонд 27, опись 1, док. 333).

Текст этого документа был впервые опубликован в два захода в 1893 и 1895 годах историком Сергеем Алексеевичем Белокуровым («Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете»; первая часть – в 1893, т. 4, раздел «Смесь», с. 13-14; вторая и третья части – в 1895, т. 4, раздел «Смесь», с. 3-5).

Причиной недоразумения стала вторая часть документа. В своём предисловии 1930 года к дневнику Де Фера, профессор Малеин по поводу этой части написал следующее (цитирую): «Документ относится к 1598 году, так как начинается словами: «В прошлом во 105-м году» (конец цитаты). В летописной практике «105-й год» означает «7105-й год от Сотворения мира».

Так вот, если принять версию Малеина о датировке русского документа, то слова о «105-м годе» выглядели бы достаточно странными. Действительно, плавание Баренца началось на самом деле в 104-м году (май 1596), а закончилось в 106-м (ноябрь 1597). И если бы документ писался, согласно Малеину, на следующий год

после 105-го, то есть в 106-м году (который начался, как мы понимаем, 1 сентября 1597 и закончился 31 августа 1598), то такая неточность в датировке совсем свежего события, всего несколько месяцев как произошедшего (а ошибка тут в целый год), была бы совершенно необъяснима.

Далее. Первое издание дневника Де Фера вышло на голландском языке в мае 1598 – а уже до конца августа этого же года (согласно версии Малеина) должно было бы появиться его переложение на русском языке. Такая стремительность уже сама по себе была бы крайне маловероятна. Но допустим. Дело в другом. Судя по тексту переложения, оно делалось никак не с первого (голландского) издания (и уж тем более не со второго, латинского, вышедшего в июле 1598 – другие там цифры) а с какого-то более позднего перевода (или даже скорее с авторизованного переложения), на что и сам Малеин обращает внимание в своём предисловии. Так что русское переложение уже никак не могло быть сделано в «106-м году».

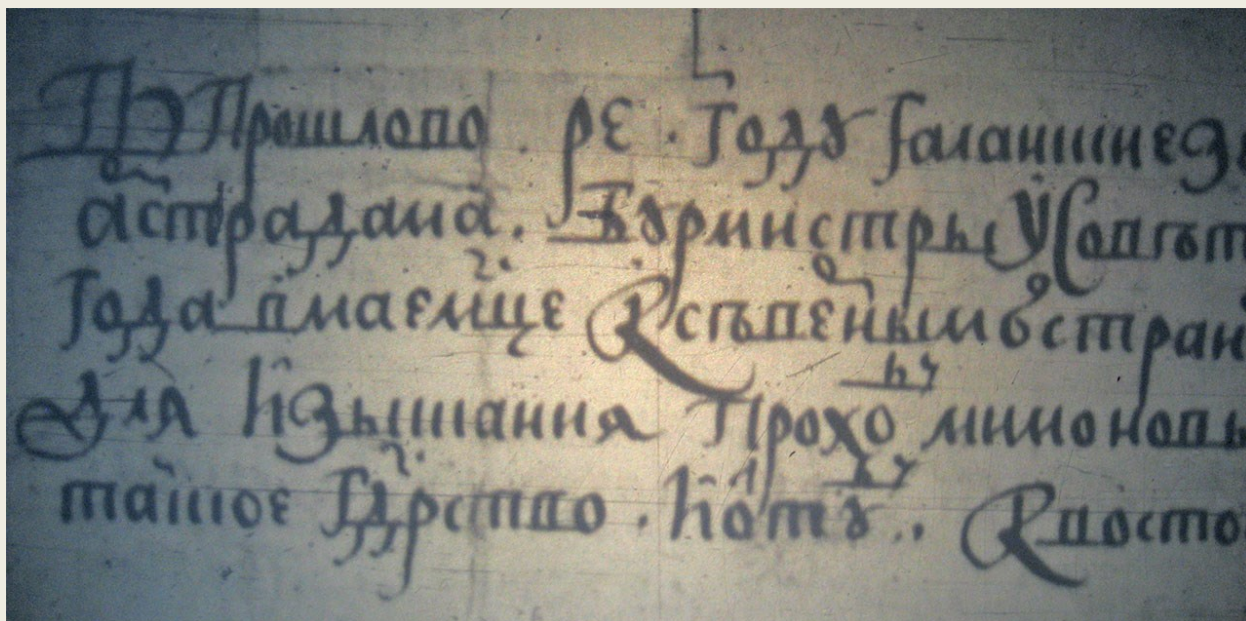
Показателен и сам состав эпизодов, выбранных для переложения. Вся огромная книга Де Фера, описывающая события всех без исключения дней полуторалетней экспедиции, в русском переложении уместилась всего на шести страницах. Отбор материала тут весьма специфичен. Трудно избавиться от ощущения, что составитель имел целью подвести читателя к некой наперёд заданной мысли. А именно, что пытаться плыть северным морем в Китай не следует, а вот попробовать прибрать к рукам саму Новую Землю не помешало бы. Такой подход был бы странен для нейтрального составителя-переводчика 1598 года, но он абсолютно логичен для сотрудника царской (Алексея Михайловича) канцелярии, готовящего в 1650 году материалы для принятия по ним того или иного решения (и лоббирующего одно из них).

Данное ощущение ещё больше усиливается тем, что одну абсолютно гениальную по своей безотказности деталь, уложившуюся ровно в одну строку, составитель русского переложения каким-то сверхъестественным наитием умудрился выудить из всего огромного сочинения Де Фера. У Де Фера эта деталь мелькает походя тоже одной лишь строкой, да и то в описании другой экспедиции (1594-го года), да и совсем в другом смысле. Но, похоже, именно эта деталь, будучи мастерски включённой в доклад Алексею Михайловичу, и приведёт в результате к нужному для переводчика решению царя. Об этом я скажу позже.

Как же разрешить все эти противоречия?

А очень просто. Достаточно лишь прочитать первые три слова русского переложения, прочитать буквально. Ведь там всё написано. «В прошлом [пауза] во 105-м году Галанские земли <...> послали и т.д.».

То есть: «*Некогда* в прошлом, а именно – в 105-м году». Употребление запятых в русской скорописи в XVII веке, напомним, было не в заводе. Да и первое слово в оригинале написано несколько иначе, чем в публикации Белокурова 1895 года (и, соответственно, в цитате Малеина 1930 года): «Впрошлово» (так, в одно слово).

[Илл. 03-03-01-1. «О плавании голландских 2-х кораблей...». Оригинал. РГАДА, фонд 27, опись 1, док. 333. «В прошлово...».]

Окончательно убеждает в правильности предложенного нами прочтения первая часть русского документа (которой мы пока не касались) – «Описание ради чего невозможно...». А она говорит ровно то же самое, только в более определённых выражениях: «В прошлых годах в различные времена агличане и галанцы посылали по 2 и по 3 корабли изыскати ход мимо Новые Земли в Китайское государство и оттоле в восточную Индию». При том, что все три части документа написаны одной рукой.

Да и само содержание первой части (писанной по всякому в 1650-х) свидетельствует о том, что её автор имел перед глазами не некое раннее русское переложение дневника Де Фера, а само оригинальное издание этого дневника, поскольку некоторые упомянутые им детали из текста переложения не следуют, зато следуют из полного текста Де Фера. Например, что «тьма чрез 3 месяцы непрестанная, только луна светит и день и ночь». Так что с большой вероятностью можно предположить, что составитель первой части документа и является переводчиком-составителем части второй (то есть – русского переложения дневника Де Фера).

Тут всё сходится, поскольку как раз в начале 1650-х годов началась работа по подготовке первого официального русского посольства в Китай и, соответственно, прорабатывались возможные его маршруты. Наш документ даёт по этому поводу своё категоричное заключение (в конце первой части).

<...> никто те береги окияна отведати не может даже до Обь реки <...> а Об(ь)ю рекою или Иртышем и иными сибирскими реками мошно ли тамо плавание имети [в Китай], ещё никто того не проведал.

Означенное посольство в Китай действительно вскоре отправится – в 1654 году, во главе с Фёдором Байковым. Который пройдёт как раз тем путём, что не рекомендует наш документ, но который за сто лет до того, в 1546 году описал Сигизмунд Герберштейн в своём «*Rerum Moscoviticarum*»: Тобольск – вверх по Иртышу – озеро Зайсан – пустыня Гоби – Пекин.

Итак, первое русское переложение дневника Де Фера следует отнести ко времени царя Алексея Михайловича, ориентировочно к началу 1650-х. Что тоже неплохо.

Теперь всё становится логичным. В середине XVII века автор пересказывает книгу о путешествии голландцев, которое они совершили пол века тому назад. С дистанции в 50 лет, расхождение в датировке в один год действительно не принципиально.

Нет ничего страшного в том, что замечательный учёный Александр Иустинович Малеин в одном из своих бесчисленных предисловий допустил небольшую неточность. Просто она была подхвачена и раздута. Теперь же всё прояснилось.

1652: Собственная попытка

Помните, я говорил в предыдущей главе об одной «совершенно безотказной детали, уложившейся в одну строку», которую сотрудник царской канцелярии включил в свой перевод дневника Де Фера (взяв при этом данную «деталь» из совсем другого путешествия), готовя для Алексея Михайловича в 1650 году докладную по Новой Земле?

Вот эта строка:

На той же Новой Земли находили небольшие камешки цветом подобно золоту.

И уже летом 1652 года первая русская экспедиция на Новую Землю, во главе с Романом Неплюевым, была снаряжена. Ровно 99 лет спустя после открытия острова сэром Хью Уиллоуби, и через 64 года после того, как Ричард Хаклюйт выпустил массовым тиражом книгу с описанием всех известных к тому времени экспедиций на Новую Землю. Отец нынешнего царя ещё сам не появился на свет, а книгой Хаклюйта уже зачитывались и Европа, и Америка.

Детали экспедиции 1652 года требуют уточнения. Сначала об источниках. Их известно два.

Первый источник надёжный, но косвенный, подтверждающий лишь сам факт экспедиции. Это – «Челобитная крестьян Пустозерского острога, об освобождении их от подвод и других повинностей, по рудным приискам на острове Вайгач» от 28 марта 1667 года. В ней по интересующей нас теме говорится:

А в прошлых, государь, годах, по твоему великого государя указу, Роман Неплюев, и Фома Кыркалов, и Василей Шпилкин ходили для отыскной руды и для всяких сыскных узорочей на Новую землю, и в Югорской шар, на Микулкин, и на иные морские острова, суды и кочи и судовые снасти и всякие заводы, и кормщики, и морским ходоком хлебные запасы подымали твоею государевою казною, а кормщиков и мореходцов имали с Мезени и с Пинеги.

(«Дополнения к актам историческим» т. 5, 1855, стр. 171-172, документ № 35)

Второй источник в науке ещё не устоялся, зато он весьма красочно живописует ход экспедиции. Это некая компиляция материалов по теме ранних рудных изысканий в России, составлявшаяся с 1661 по 1667 годы по оригинальным документам. Условно эта компиляция называется (по каталожной записи в архиве) «Посылка разных чиновников и мастеров на Новую Землю, Двину, Олонец <...> для сыску серебряных и медных руд, алебастрового камня, слюды, солёных жил и проч.»

Документ этот плохой сохранности и он никогда не публиковался. Однако существует журнальная статья, написанная на его основе. Где излагается версия хода экспедиции Романа Неплюева с цитированием отдельных мест документа. Статья называется «Пионеры изучения Арктики» и опубликована она в журнале «Приро-

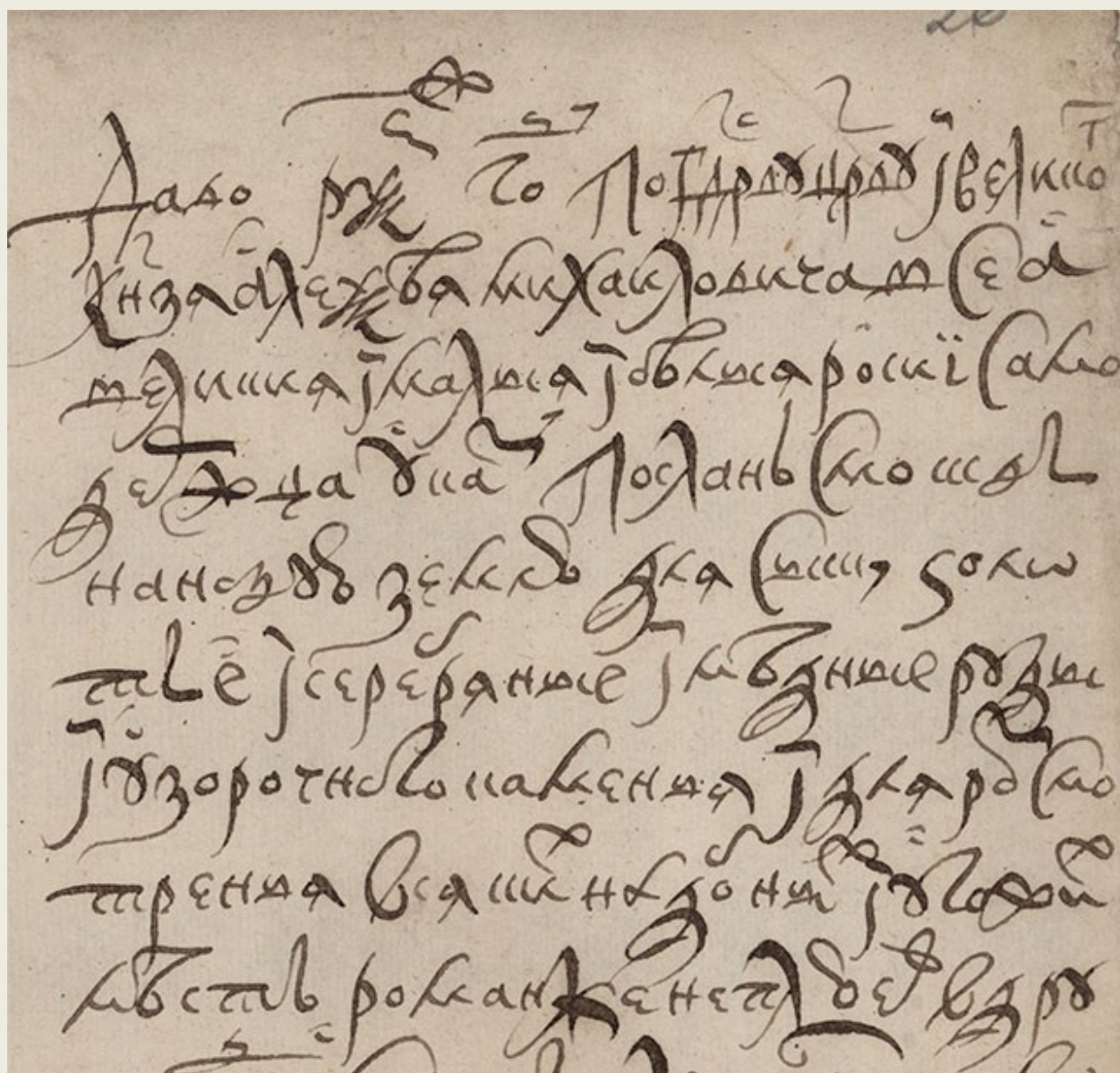
да» №12 за 1946 год. Автор А. А. Зворыкин – на тот момент уже профессор, но пока ещё не редактор отдела науки и техники газеты «Правда».

Приведённые в его статье цитаты оригиналу хотя в целом и соответствуют, однако общая картина события вывернута при этом наизнанку с истинно классовой виртуозностью.

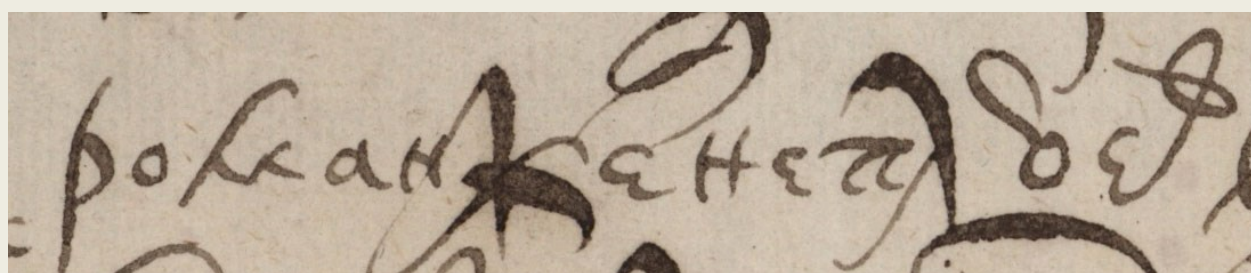
Ценителей и знатоков советского стиля научных публикаций в ярких его проявлениях я отсылаю к самой статье Зворыкина («Советский Союз впервые в мире осуществил вековую мечту человека...», «На утлых лодках и кочах пускались наши предки...», «Имена участников войдут в историю славной борьбы русского народа» и проч. и проч.). Я же попробую предложить собственную реконструкцию хода экспедиции Неплюева на основе оригинала документа (Архив Древних Актов, ф. 151, «Дела о горных промыслах и заводах в России», оп. 1, док. 12).

Из 140 листов документа к экспедиции Неплюева отношение имеют только 12, а именно (в указанной последовательности): листы 10, 9, 24 (первая половина), 26-30, 17-20. Так что мы имеем дело с заведомо отрывочным описанием.

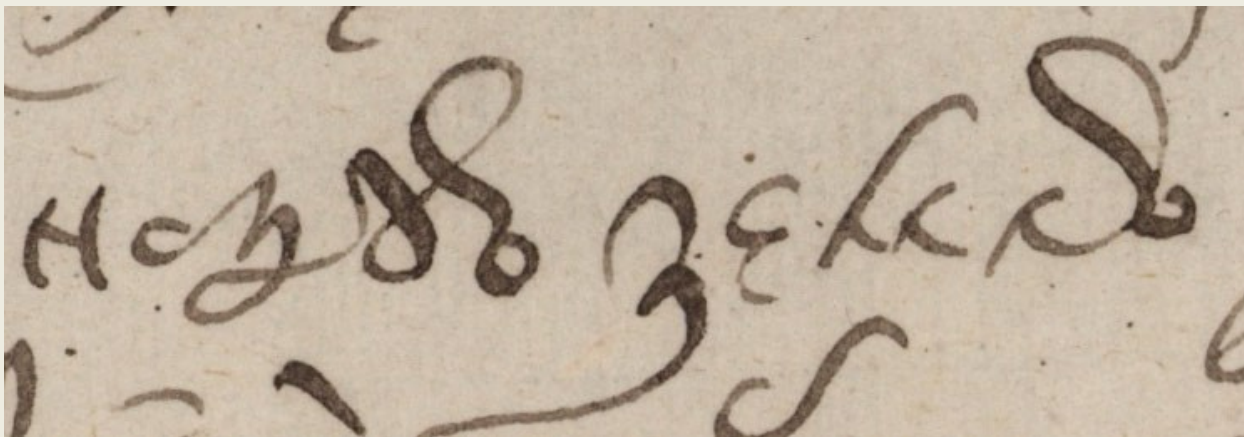
Для начала – я полагаю, что экспедиция Романа Неплюева на Новую Землю была всего одна (а не две, как настаивает Зворыкин), а именно – в 1652 году. И хотя и существует царский указ (л. 10) о посылке Неплюева на Новую Землю в 1651 году, однако тогда (судя по финансовому отчёту, л. 24) под видом государственной горнорудной экспедиции с казённым бюджетированием имела место рутинная вылазка на моржовый промысел в близлежащие «угожие места». В результате которой казна получила «кость рыба зуба», а Неплюев – многократно увеличенное финансирование на уже собственно экспедицию в следующем году.

[Илл. 03-04-01-2. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 03-04-01-3. Там же. Фрагмент: «Роман Неплюев».]

[Илл. 03-04-01-4. Там же. Фрагмент: «Новую Землю».]

Итак, поплыли в 1652. Цель, согласно указу, была конкретная: «для сыску золотые и серебряные и медные руды и узорочного камня и для рассмотренья всяких надобных и угодных мест» (л. 26). Вот как аукнулись неосторожно употреблённые образные слова Де Фера о железном колчедане, как о «камешках блестевших как золото и названных поэтому золотыми (Goudsteen)».

Государственное финансирование было сообразно масштабу задач – 987 рублей 4 алтына. По существовавшим тогда расценкам это равняется примерно 10-кратной стоимости аналогичной частной экспедиции (ср. с бюджетом экспедиции Антония Мерша, см. ниже, приводя к сопоставимым ценам). Сверх того казна отрядила 3 пуда «зелья пищального», и 200 вёдер зелья обычного, орального.

Предписывалось произвести экспедицию силами заключённых («колмогорских, и кеврольских и мезенских тюремных сидельцев») и охранников («50 человек стрельцов»). Всего же 3 июля 1652 года на трёх лодьях и двух кочах в море вышли 83 человека.

До конца навигации добраться до Новой Земли так и не смогли, так что встали на зимовку на материке, восточнее устья Печоры (в Медынском завороте, у реки Песчанки). К тому времени «запасы многие помочило и погнило» и «государево жалованное платье всё от морской мочи погнило». Часть стрельцов Неплюев отправляет по суше назад в Холмогоры. Плюс к этому одна лодья ещё в самом начале отбилась от каравана и её экипаж, воспользовавшись удобным случаем, тут же вернулся назад в Архангельск. Таким образом остались зимовать на материке 55 человек.

Об атмосфере, царившей в коллективе, состоявшем из заключённых и охранников, можно только догадываться.

Самое удивительное в этой зимовке было то, что посыльный зимовщиков (племянник Романа Неплюева, Иван Неплюев) умудрился два раза за зиму съездить оттуда в Москву и вернуться обратно. Впрочем, это покажется не столь уж удивительным, если вспомнить о том, как легко и эффективно именно по этим местам перемещался Ламартиньер как раз в том же 1653 году. Или о том, как англичанин Джосиас Логан, согласно Гамелю, ещё в 1611 году писал письма из Пустозёрска в Лондон – и они спокойно доходили. По этим примерам можно составить представление о том, насколько чётко работала тогда «самоедская почта» – олени

упряжки вездесущих ненцев, готовых за малую мзду везти кого угодно куда угодно.

Привозил же Иван Неплюев зимовщикам из Москвы ценные царские указания, с помощью которых осуществлялось неусыпное руководство ответственным государственным делом. А вот места на нартах для кадки мочёной морошки (входившей тогда в обязательный анти-цынготный походный набор любого помора) как-то не нашлось. Так что по возвращении к зимовью во второй раз, посыльный обнаружил, что в то время, пока на далёком острове Хонсю девятилетний Мацуо Басё наблюдал бабочек полёт, из 55 человек экспедиции Неплюева все (включая Романа Неплюева) кроме троих умерли от цынги и лишений.

С последними оставшимися в живых тремя членами экспедиции Иван Неплюев остаётся дальше сторожить остатки царского имущества. На этом повествование обрывается.

Весенне утро.
Над каждым холмом безымянным
Прозрачная дымка.

Вот и всё, что известно о первой российской государственной экспедиции на Новую Землю. Нога же первого служилого человека ступит на остров только 114 лет спустя.

А пока о Новой Земле в Москве опять забыли. Ибо всего через месяц после того, как Роман Неплюев отчалил из Холмогор в поисках Новой Земли, якутскому воеводе Димитрию Францбекову пришла отписка с притока Амура – с реки Зеи, где мы с Женей Табаковым, Андрюшей Ковалевым и Магомедом Цечоевым отряхали с себя золотиносный песок сопот Манчжурии и зачарованно смотрели в бескрайнюю пустоту пронзительного неба Поднебесной и в глазах у нас порхали миллиарды розовых бабочек:

Весной всё красно от багульника – и черно от клещей.
На лету замёрзший плевот зимой в порядке вещей.
Снега мало...

А отписка воеводе Францбекову пришла тогда от «служивого человека Ерофея Хабарова», в которой тот по инстанции докладывал:

А в той же земли Никанской <...> родится золото и серебро <...> И яз Ярофейко того мужика спрашивал: при какове де то золото и серебро месте родятся? И тот мужик сказал: <...> река невелика, на той реке есть Камень, и в том де Каменю та золотая гора, а ломают ту руду золоту ломами железными.

(«Списки Якутской архивы, писанной с подлинных столбцов для академика Миллера». Опубликовано в «Дополнениях к актам историческим» за 1848, т. 3, с. 368)

Так что уже той же осенью 1653 года протопоп Аввакум, радением своего старинного знакомого, ныне Патриарха всея Руси Никона, отправляется не на Новую Землю, а через Тобольск и Ленский острог в Даурию – искать, под чутким началом

Афанасия Пашкова (предка владельца «дома Пашкова» в Москве), ту самую «Золотую гору», что находится в известном всем и каждому Никанском царстве.

«В Даурии дикой, пустынной, Отряд воеводы идёт. В отряде том поступью чинной Великий страдалец бредёт».

К южным рубежам Новой Земли, Пустозёрскому острогу, великий страдалец добредёт через 14 лет.

1672: Тактика «божественного пения»

До сих пор, рассказывая о попытках московских властей достичь Новой Земли, я говорил о каких-никаких, но событиях. В этой же главе речь пойдёт о единственно намерении.

Идея, однако, сама по себе была яркая. Состояла она в том, чтобы задачу отыскания Новой Земли возложить полностью на силы Небесные.

Дело было так.

В 1666 году состоялся Большой московский собор Русской православной церкви. Он решил множество важных вопросов – например, какой рукой следует поднимать Потир во время великого входа, или можно ли в епитрахили ездить на лошади верхом.

Но в историю этот собор вошёл главным образом следующими двумя своими деяниями. Во-первых, он окончательно сослал протопопа Аввакума (уже успевшего к тому времени вернуться из Даурии, побывать после на Мезени и снова вернуться оттуда в Москву) в Пустозёрск («деяние четвёртое», 15 мая). А во-вторых, Московский собор заодно сместил с должности (со всеми вытекающими) также и гонителя Аввакума, Московского патриарха Никона («деяние четырнадцатое», 12 декабря).

На освободившееся место новым Московским патриархом был «избран» архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ещё не Лавры) Иоасаф. Выборы эти представляли собой фактически утверждение царской креатуры. Главным же качеством, определившим царский выбор, являлась «недерзновенность» кандидата.

В начале 1667 года новый недерзновенный Московский патриарх с истинным смирением предал анафеме половину населения страны (а именно – всех приверженцев прежней практики вероисповедания), дав тем самым отмашку госструктурам на вбивание клина в русское общество. Курс на раскол страны стал теперь официальным курсом государства.

Так что этой же весной Аввакум побрёл этапом к Пустозёрску. А дьяк Дмитрий Шубин от царского имени вручил новоназначенному Пустозёрскому воеводе Ивану Неелову «Наказ об отправлении воеводской должности». Где, в числе прочего, имелось упоминание Новой Земли в любопытном контексте.

В данном «Наказе» Неелову предписывалось интенсифицировать горнорудные изыскания, а именно:

<...> приехав в Пустозерской острог, собрать тутошних жилецких всяких людей и Самоядцов и их допросить, и великого государя милостию обнадёжить, лготою и жалованьем, и чтоб они надеясь великого государя на милость и жалованье сказали, в которых местах те горы, и с которой горы из середины руда белая течет. <...> Да где такие горы и места скажут, и Ивану в те места послать знающих людей <...> А досмотря те руды, велеть копать и сыскивать с великим радением, неоплошно, а к тому делу велено выслать с Мезени Фомку Кыркалова <...> да у него ж Фомки снасти <...> железные, и судовые парусы, и всякие снасти ж и

котлы медные, которые остались как он Фомка послан на Новую землю.

(«Дополнения к Актам историческим», т. 5, 1855., с. 172-174. Док. № 36 от 30 марта 1667)

Как следует из приложенных к документу черновики, слова про Кыркалова и Новую Землю были включены в «Наказ» с подачи самого же Ивана Неелова, по его докладной записке следующего содержания:

На Мезени, у посацкого человека у Фомы Кыркалова лежит снасть всякая к рудному делу, ломы и иные снасти железные, и парусы, и всякия судовые снасти и котлы; да он же Фома послан на море для сыску руды и на Новую землю, в те поры у него снасти положены были.

Далее пишет уже снова дьяк Шубин:

175-го [т.е. в 1667 году] подал [вышеприведённую записку] Иван Неелов. Написать ему [напоминает сам себе Шубин] то в Наказ, и на Кевролу и на Мезень о том дать государеву грамоту.»

(Там же.)

Итак, документ сообщает, что в некие неуказанные «поры» (но до 1667 года) мезенец Фома Кыркалов посылался кем-то «на море для сыску руды», а также «на Новую землю». А вот ходил ли он по факту на эти поиски и, если и ходил, то куда именно — об этом в документе нет ни слова.

Авторы исторических романов вольны давать полёт своей фантазии. Те же, кого интересует реальность, вынуждены довольствоваться исключительно вышеприведёнными строками.

Из общего понимания состояния горнорудного дела в то время и в том регионе, я бы скорее предположил, что Кыркалов проводил изыскания где-нибудь на Канином Носу или, в крайнем случае, на острове Вайгач. Хотя, в любом случае из песни слов не выкинешь, Новая Земля в «Наказе» так или иначе упомянута.

Но мой рассказ вообще не об этом документе. Его я привёл здесь единственно чтобы показать существование некоего умственного брожения в московских кругах на тему гипотетических богатств всё ещё гипотетического острова.

А остров этот в руки русскому государству ну никак не давался. И вот, по прошествии ещё пяти лет, в 1672 году ставки в игре были резко подняты. Для отворения земных богатств было решено задействовать Небесное воинство.

Причём в самом что ни на есть чистом виде. На открывание Новой Земли решено было бросить «попа и дьячка» с опытом «божественного пения».

Известно об этом ярком эксперименте вот откуда.

13 марта 1847 редакция Архангельских Губернских Ведомостей направила настоятелю Антониев-Сийского монастыря Анастасию письмо (для солидности — на

бланке Министерства Внутренних Дел) с просьбой предоставить копию некоего документа, хранящегося, по сведениям редакции, в монастыре. Четыре дня спустя копия интересующего документа была редакцией получена.

Это была копия грамоты Московского патриарха Иоасафа II к настоятелю Антониев-Сийского монастыря Феодосию, отправленной из Москвы на Двину 3 января 1672.

В этой грамоте Московский патриарх предписывал игумену Феодосию послать «Попа и Дьячка» с неким Иваном Неклюдовым на Новую Землю «для Божественного пения».

Остальная часть грамоты посвящена материальному обеспечению проекта. Конкретно, для организации божественного пения на Новой Земле предписывалось выдать попу двадцать рублей, а дьячку – десять. Государственное финансирование при этом, однако, не предполагалось. Необходимые тридцать рублей велено было собрать с местных же попов и причетников. О результатах следовало доложить по инстанции.

Вот – всё, чем мы располагаем. О дальнейшей судьбе подлинника грамоты ничего не известно. Копия же, снятая в 1847 году, хранится в Архиве Древних Актов (РГАДА, ф. 1196 «Антониево-Сийский монастырь», оп. 1, док. 2089, лл. 1-2 об.).

Сам запрос редакции не публиковался никогда, а ответ на него публиковался давно («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1847, ч. LV, отд. VII, с. 38-39), так что воспроизведу здесь оба документа. Итак – письмо редакции в монастырь с запросом.

Министерство Внутренних дел. Архангельского губернского правления
канцелярия присутствия. Стол газетный.

Марта 13 дня 1847 года, № 1123, Архангельск.

Его Преосвященству Анастасию, Епископу и Кавалеру

Ваше Преосвященство, Милостивый Архипастырь!

В Архиве Антониева Сийского монастыря, находящегося под управлением Вашего Преосвященства, хранится между прочим грамота Святейшего Патриарха Московского Иосифа [исправлено другими чернилами на «Иоасафа», пробуждённый не дремлет] данная в 1672 году игумену Сийского монастыря Феодосию о посылке с Двины Священника с Причетником на Новую Землю для богослужения.

Редакция Архангельских Губернских Ведомостей, желая составить подробное описание этого замечательного острова, имеет честь обратиться в сем случае к просвещенному содействию Вашего Преосвященства и покорнейше просит в присылке в оную копии с упомянутой грамоты Патриарха Иосифа.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть
Вашего Преосвященства

Покорнейшим слугою

А. Раскроилов [?]

А вот сама копия грамоты Московского патриарха Иоасафа II от 3-го (или, при другом прочтении, от 10-го) января 1672 года:

От Великаго Господина Святейшаго Иоасафа Патриарха Московскаго и Всея Руси на Двину Сийскаго Монастыря Игумену Феодосию.

В нынешней в 7180 [1672] год.

Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, и мы Святейший Патриарх указали послать с Двины на Новую Землю с Иваном Неклюдовым для Божественного пения Попа и Дьячка, Области Преосвященнаго Питирима Митрополита Новгородскаго и Великолуцкаго, а которой Поп и Дьячок посланы с ним Иваном будут и им для помочи Попу двадцать рублев, а Дьячку в пол. Собрав на Двине и в Двинском уезде всех церквей с Попов и с разных причетников Новгородской Епархии.

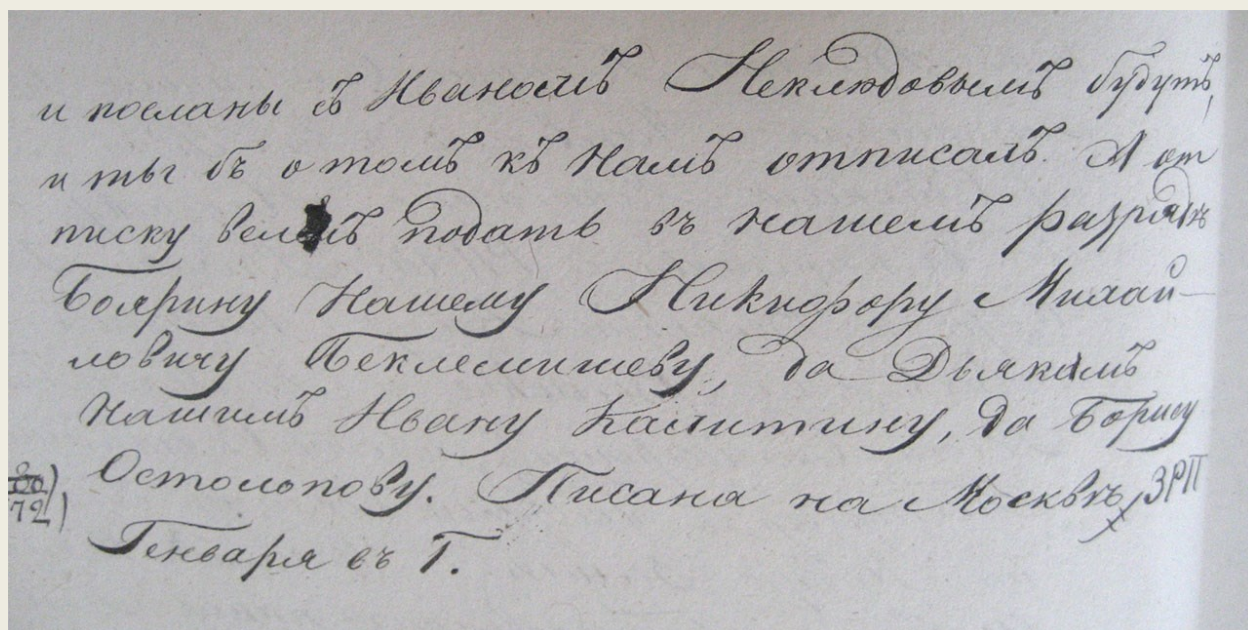
И как к тебе ся наша Грамота придет, и ты б Области Преосвященнаго Питирима и Митрополита Новгороцкаго и Великолуцкаго, выбрал Попа и Дьячка для Божественного пения, послать с Иваном Неклюдовым на Новую землю, а на помочь тому Попу и Дьячку всех Двинских церквей с Попов и с разных причетников собрать тридцать рублей, и отдать тому Попу и Дьячку без замечания [последнее слово вписано другой рукой; по смыслу должно стоять «без замотчания», т.е. «без задержки»].

А какой Поп и Дьячок выбраны, и споимяны, и посланы с Иваном Неклюдовым будут, и ты б о том к нам отписал. А отписку велел подать в нашем разряде Боярину нашему Никифору Михайловичу Беклемишеву, да Дьякам Нашим Ивану Калитину, да Борису Остолопову.

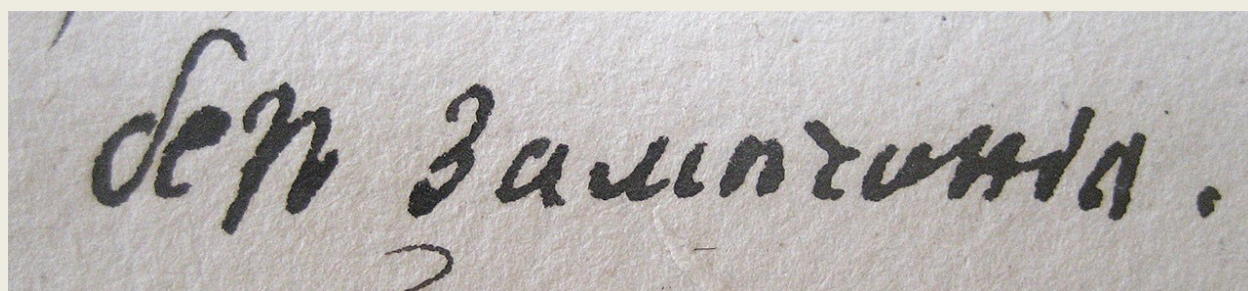
Писана на Москве 7180 (1672) Генваря в 3 [или – 10].

Отъ Великаго Господина Святѣйшаго Иосафа
 Патріарха Московскаго и всея Руси на Дви-
 ну Сѣйскаго Монастыря Нгумену Сводо-
 сѣю. Въ концы въ РП годъ. Великій Государь
 Царь и Великій Князь Алексѣй Михай-
 ловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя
 Руси Самодержецъ, и мы Святѣйшій
 Патріархъ указали послать съ Двини
 на Новуръ Замѣръ съ Иваномъ Некино-
 вскимъ для божественнаго пѣнія Пота и
 Дыбка, Области Пресвященнаго Ти-
 миріа Митрополита Новгородскаго
 и Великолуцкаго, а которой Потъ и
 Дыбкѣ послать съ нимъ Иваномъ Судуръ
 и нимъ для помощи Пону двадцать
 рублевъ, а Дыбкѣ ^{опод.} ^{сорок.} ~~поддоставъ~~, на Двинѣ и
 въ Двинской землѣ ^{и въ Двинской землѣ} ~~и въ Двинской землѣ~~ ^{и въ Двинской землѣ} ~~и въ Двинской землѣ~~
 нбѣлъ приютниковъ Новгородской епар-
 хіи. А какъ жѣ тѣбѣ ся наша грамо-
 та придетъ, и тѣбѣ въ Области Пре-
 священнаго Тимиріа Митропо-
 лита Новгородскаго и Великолуц-
 каго, выбравъ Пота и Дыбка для
 божественнаго пѣнія, послать съ Ива-
 номъ Некиновскимъ на Новуръ златъ,
 а на помощь тому Пону и Дыбкѣ
 воемъ Двинскихъ церквей ^{сорокъ и сорокъ} ~~сорокъ и сорокъ~~ ^{и сорокъ}
 тридцать рублевъ, и отдать тому
 Пону и Дыбкѣ беръ заиманна. А какъ
 Потъ и Дыбкѣ избраны, и проиманы,

[Илл. 03-05-01-1. Там же, л. 2. Копия грамоты Иосафа, начало.]

[Илл. 03-05-02-1. Там же, л. 2 об. Дату можно прочесть либо как «Генваря 3», либо как «Генваря 10» – в зависимости от того, как понимать последний знак: как «Г» или как «I» с тильдой.]

[Илл. 03-05-01-2. Там же, л. 2. Фрагмент. Вставка другим почерком. По смыслу должно стоять «без замотчания», т.е. «без задержки» (см. напр. «Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века», сост. Е. Н. Полякова, 2010, с. 195).]

Какие же последствия имела эта грамота? Похоже, что никаких.

Не успела бумага дойти до адресата, как её отправитель, патриарх Иоасаф II, следуя наставлениям своего Небесного Учителя, завершил текущий оборот колеса своей сансары. Так что необходимость выполнять его мягко говоря неоднозначное распоряжение рассосалась сама собой.

В любом случае никаких следов реального назначения «попа и дьячка», сбора для них «тридцати рублей» и отправки их на Новую Землю до сих пор никем не обнаружено.

Похоже, что этот проект стал очередной инициативой, которая была сначала навязана из центра, а потом благополучно спущена на тормозах.

Но вы хотите хотя бы знать кто такой был Иван Неклюдов? Я тоже хотел бы это знать. К сожалению, строки в грамоте Иоасафа – это всё, что о нём вообще известно.

Разумеется, живая фантазия ряда авторов снабдила этот персонаж солидным послужным списком. Можно натолкнуться на красочные описания того, как Неклюдов «возглавлял экспедицию на Новую Землю в 1672 году», или что он «возглавлял две экспедиции на Новую Землю – в 1670 и в 1672 годах», или что «в ходе экспедиции 1672 года он погиб», или что тогда «погибли вообще все», или что Неклюдов посылался на Новую Землю «для поисков серебряной руды», или, наоборот, что он посылался на Новую Землю «для постройки там крепости», или что он «построил деревянную крепость на Новой Земле» и т.д. и т.п.

Когда вы будете всё это читать, просто знайте – всё, что человечеству известно об Иване Неклюдове, известно единственно из грамоты Иоасафа, опубликованной выше.

Чтобы закончить с Неклюдовым, скажу об ещё одном трюке, часто используемом писателями. Свой вдохновенный рассказ о Неклюдове для пущей достоверности авторы любят «подкреплять» ссылкой на фундаментальный труд Николааса Витсена, якобы сообщавшего об экспедиции Неклюдова. При этом речь всегда идёт о следующем месте из книги «Северная и Восточная Тартария» (цитирую по первому изданию 1692 года):

Когда-то (Voor eenigen tyt) некий русский господин (heeft zeker Rusch heer), чтобы искупить совершенный проступок, сообщил двору в Москве, что на Новой Земле имеется серебряная руда (op Nova Zemla zilvermynen waren). Его тогда послали туда, но он без результата вернулся назад. Второй раз он отправился туда с большим количеством людей, но никто больше их не видел, хотя они и прошли весь путь (maer zy zyn alle wegh gekomen). Полагают (men meent), что они слишком надолго задержались на берегу, так что море покрылось льдом и они умерли от холода или погибли на море.

(Nicolaas Witsen «Noord en Oost Tartarye», с. 574, Amsterdam, 1692)

Если кто видит здесь слова «Иван Неклюдов» или «экспедиция 1672 года», то покажите где именно. Уж скорее речь здесь могла бы идти (с известными оговорками) об истории с Романом Неплюевым (см. предыдущую главу).

Вообще, Неплюева и Неклюдова в литературе часто путают. Ради справедливости следует сказать, что фамилии людей, имевших отношение к Новой Земле в 1650-1670-х годах, провоцируют подобную путаницу – Неплюев, Неклюдов, Неелов.... Чистый потенциал отрицания.

Хотя, всё правильно. Все попытки русского государства подобраться к Новой Земле за первые 150 лет её истории так и НЕ увенчались успехом.

1667-1701: Козмографы-землеписцы

(Годунов – «Тобольская карта» – «Третья карта» – Ремезов – Винуус – Козмография)

До сих пор, рассказывая о следах Новой Земли в ранних русских источниках, я ограничивался текстами. Теперь расскажу об изображениях. Все их можно пересчитать по пальцам. Считаем.

Мне известно четыре до-петровских изображения Новой Земли на отечественных картах (1667-1684), и столько же ранне-петровских (1697-1710). Не считая, конечно, стоящей совершенно особняком великой «карты Пальмквиста» (1673), которой я целиком посвящу отдельную главу (см. «Топонимический кластер» – «Пальмквист»).

Четыре «до-петровские» источника это: «карта Годунова» (1667, сохранилось шесть копий), «Тобольская карта» (1673; сохранилось три копии, автор неизвестен), «Третья карта» (1678; одна копия) и «карта Ремезова 1684-го года» (1684, из «Херографической книги»).

А «ранне-петровские» источники это вот что: пара более поздних карт Ремезова из его «Чертёжной книги» (1697-1702), «карта Винууса» (1710) и лубочный вариант «карты мира», имевший широкое хождения в последние годы блаженного XVII века.

Годунов: 1667

За первой картой Сибири собственно российского производства прочно закрепилось название «Годуновской». При этом имеется ввиду не Борис Годунов, и даже не его сын, царевич Фёдор, а чисто однофамилец – Тобольский воевода Пётр Годунов. Который не был ни картографом, ни географом – просто данная карта была создана во время его правления в регионе. Так что название достаточно условное.

«Годуновская карта» датирована 7176 годом от С.М., что соответствует либо 1667, либо 1668 году от Р.Х. – в зависимости от месяца её создания. По некоторым указаниям этим месяцем был ноябрь – а значит следует говорить о 1667 годе. Дата важна, поскольку она даёт отсчёт российской сибирской картографии вообще.

Оригинал «Годуновской карты» не обнаружен. Но до нас дошло шесть ранних её копий, снятых разными людьми в разное время. При этом три копии (самые ранние) – шведские, одна – немецкая, и две (самые поздние) – собственно русские. А именно:

1. «Копия Кронмана, 1668» (Национальный архив Швеции). Первая известная копия «Годуновской карты». Снята в Москве Фритцем Кронманом (Fritz Cronman) буквально через несколько месяцев (а может и недель) после создания оригинала.

2. «Копия Притца, 1669» (Национальная библиотека Швеции). Снята Класом Притцем (Claes Prytz) в Москве 8 января 1669. Цветная.

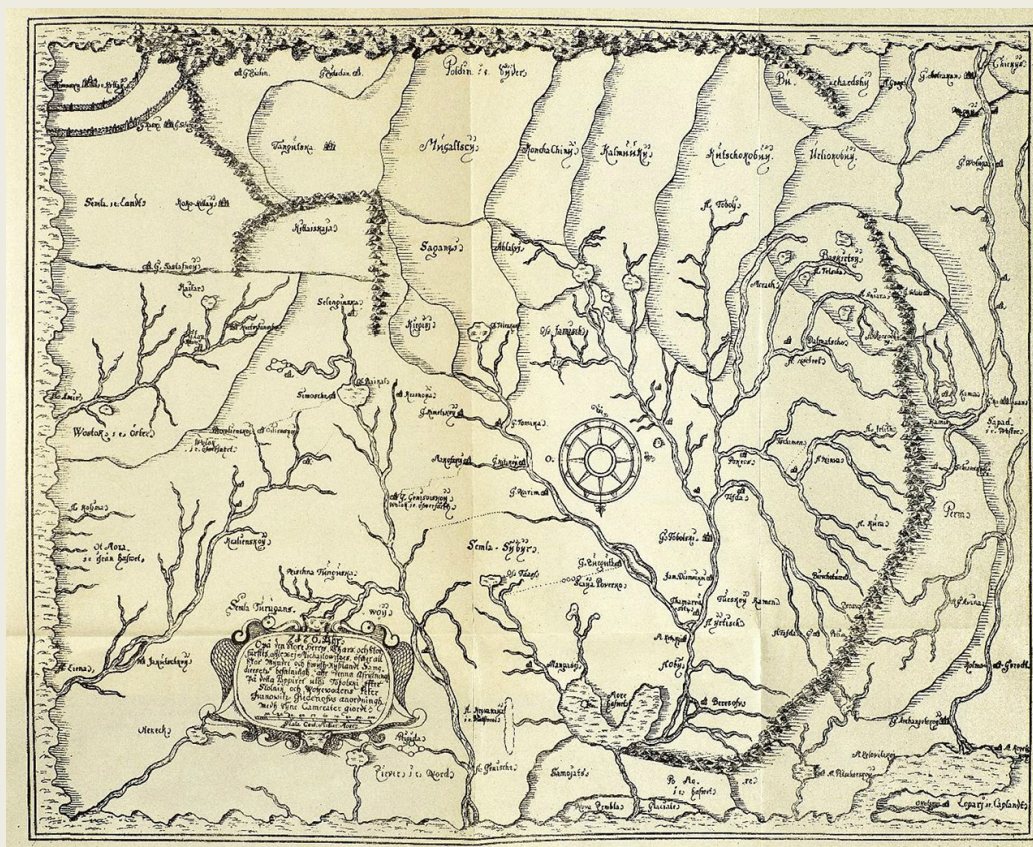
3. «Копия Пальмквиста, 1673» (Национальный архив Швеции). Снята Эриком Пальмквистом (Erich Palmquist) в Москве в 1673, входит в состав знаменитого «Альбома Пальмквиста» (1674, лист 40). Лучшая по качеству исполнения копия из всех известных.

4. «Копия Шлейссинга, 1690» (Библиотека Уппсальского университета, Швеция). Снял немецкий искатель приключений Георг Адам Шлейссинг (Georg Adam Schleyssing) во время своего пребывания в Московском царстве – неизвестно когда, неизвестно с чего, и неизвестно при каких обстоятельствах. Самая недостоверная и небрежно выполненная копия. Например, изображение Уральского хребта Шлейссинг ошибочно принял за изображение реки, а потому, уже от себя, снабдил эту «реку» озером, из которого она якобы вытекает. Хотя происхождение «копии Шлейссинга» от «Годуновской карты» в целом не вызывает сомнений, но конкретно область устья Оби и Новой Земли он определённо позаимствовал где-то на стороне. Так, Новая Земля стала у него полуостровом, Обь лишилась «Обской» и «Тазовской губы» – и так далее. В отличие от всех остальных копий (и, несомненно, от оригинала), «копия Шлейссинга» ориентирована «Севером вверх».

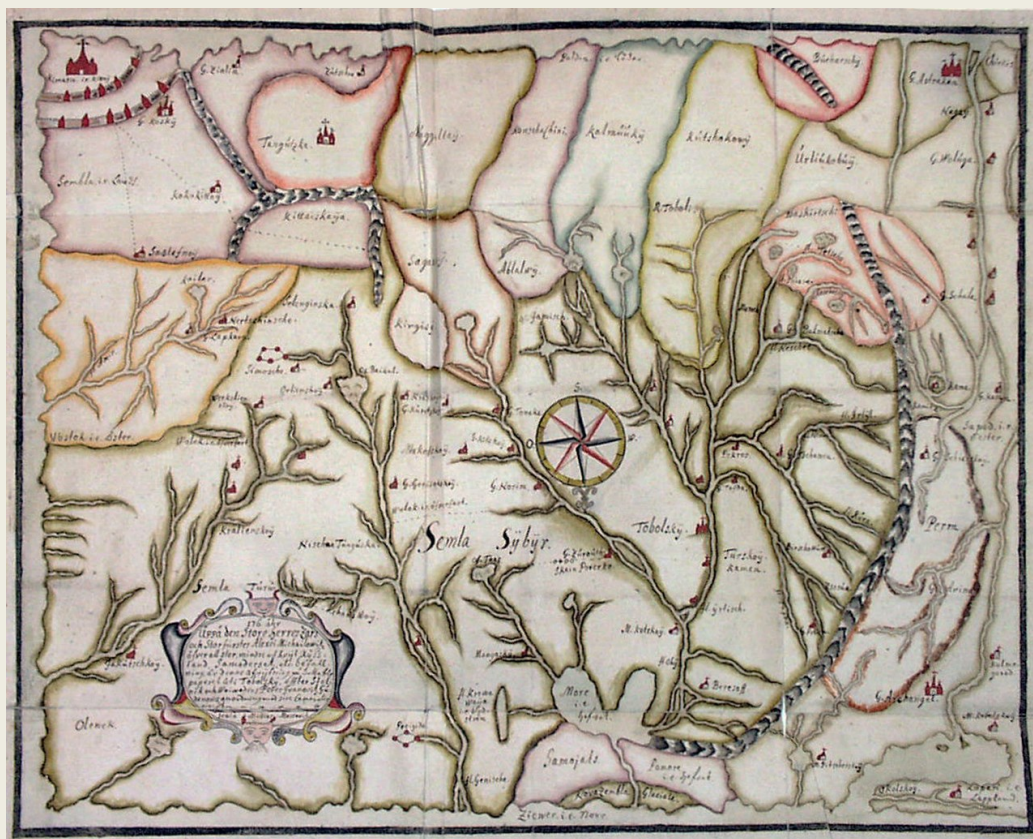
5. «Копия Ремезова, 1697» (Библиотека Гарвардского университета). Вообще-то, это лист № 4 из «Херографической чертёжной книги» Ремезова, но при неизвестных обстоятельствах этот лист был оттуда изъят и теперь представляет отдельную единицу хранения. Копия снята 30 лет спустя после создания оригинала. Она интересна, в числе прочего, как свидетельство двух фактов: а) оригинал «Годуновской карты» на тот момент всё ещё существовал; б) «Годуновская карта» уже воспринималась как устаревшая (следует из пояснительной надписи). Сама же по себе эта копия весьма колоритна и хорошо демонстрирует все особенности архаичной русской картографической техники.

6. «Копия Ремезова, 1702» (РНБ, СПб). В составе «Служебной чертёжной книги» Ремезова (л. 27). Идёт под заголовком «Чертёж древний всей Сибири» (позднейшая приписка другой рукой: «Годуновской»). Не добавляет ничего нового к предыдущим копиям – но и не убавляет. Единственная копия, находящаяся в русском собрании.

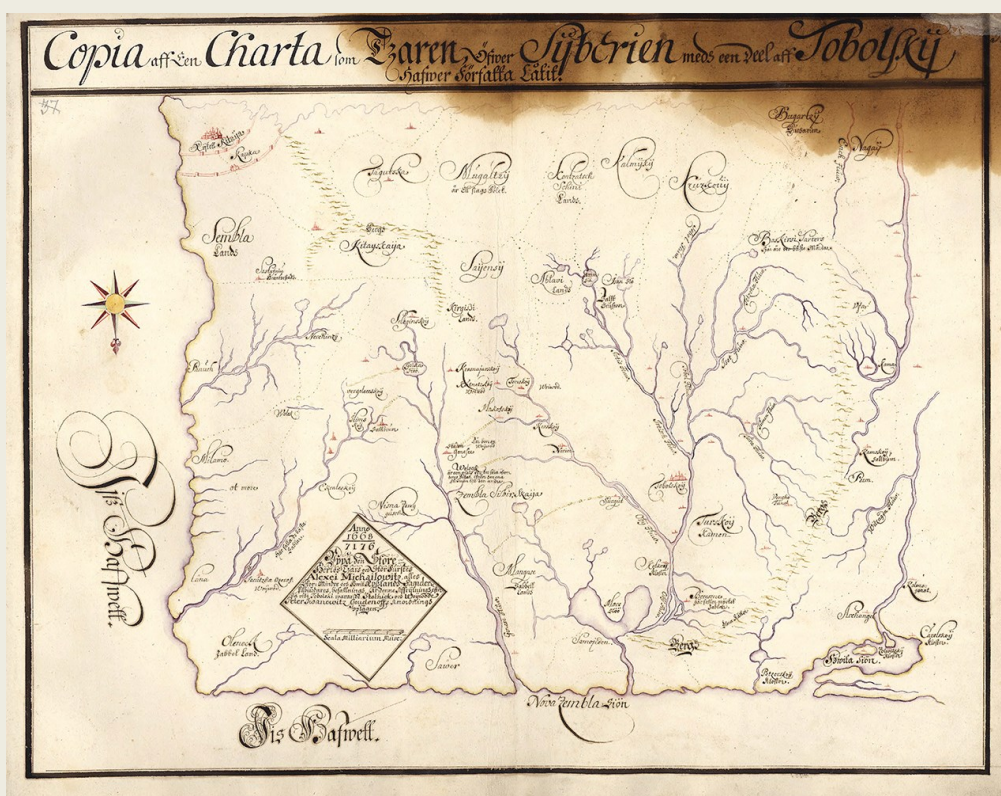
Но чего долго говорить, давайте посмотрим. На всех картах север – внизу. Новая Земля располагается по нижнему обрезу, чуть правее центра.

[Илл. 03-06-01-1. «Копия Кронмана» карты Годунова, 1668. Riksarkivet, SE.RA.2121.73:1]

[Илл. 03-06-02-1. «Копия Притца» карты Годунова, 1669. Kungliga Biblioteket, ID 10315570, HS M 259]

[Илл. 03-06-03-1. «Копия Пальмквиста» карты Годунова, 1673. Riksarkivet, SE.RA.81001.0636:00001, лист 40]

[Илл. 03-06-04-1. «Копия Шлейссинга» карты Годунова, 1690. Uppsala universitetsbibliotek, bildsök-id 7648. Ради единообразия я её перевернул, так что «север» стал тоже внизу]

[Илл. 03-06-05-1. «Копия Ремезова, 1697» карты Годунова, 1697. Harvard University, Houghton Library, «Bagrow collection», MS Russ 72-1]

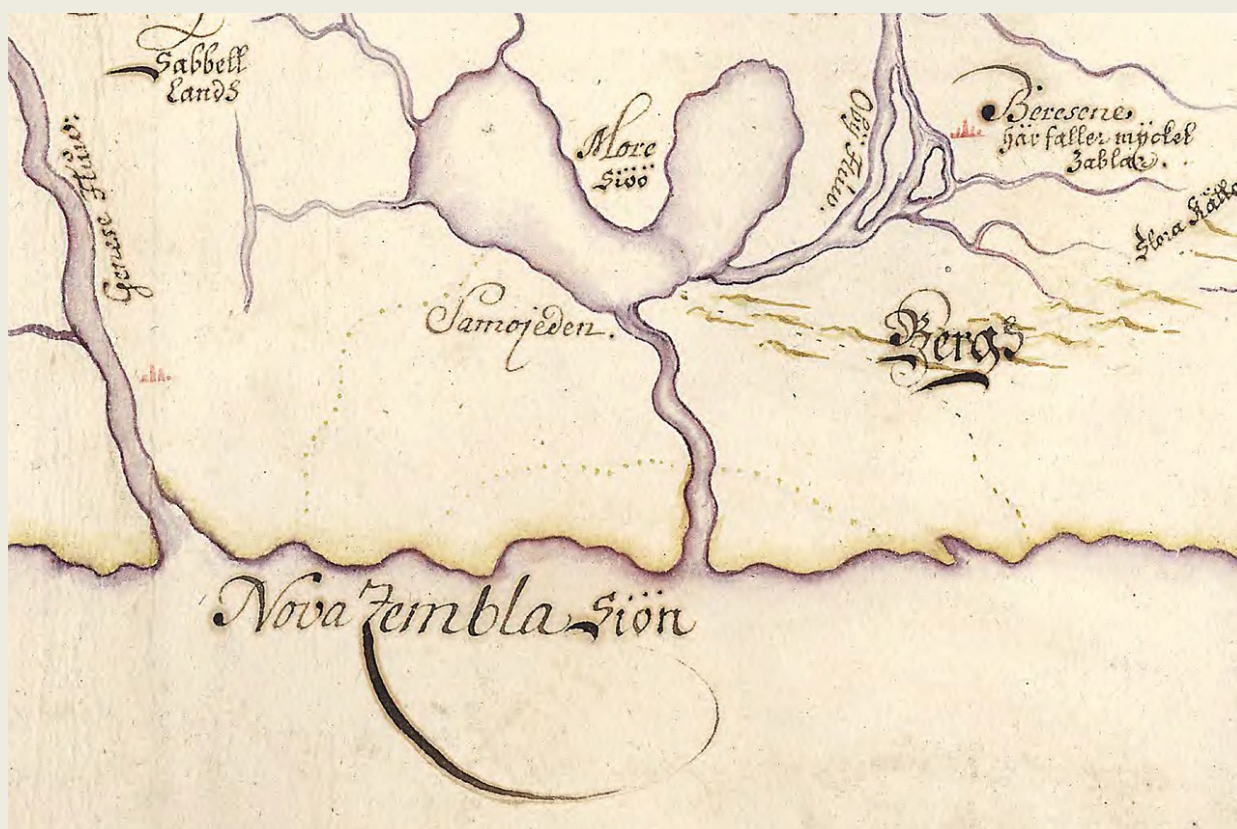
[Илл. 03-06-06-1. «Копия Ремезова, 1702» карты Годунова, 1702. РНБ, Отдел рукописей, «Эрмитажное собрание», док. 237, л. 30 об – 31, согласно нумерации чертежей – «лист 27».]

С Новой Землёй тут дела обстоят так. На всех приведённых картах такое название имеется: «Nova Zemblas Glaciales» (Кронман), «Nova Zembla Glaciale» (Притц), «Nova Zembla Siön» (Пальмквист), «Novazembla» (Шлейссинг), «Новая Земля Галанцев» (Ремезов-1697, последнее слово написано с ошибкой), «Новая Земля Галанец» (Ремезов-1702).

Однако, данные слова отнесены не к острову (на всех картах отсутствующему), а к прибрежной полосе материковой суши в устье Оби, по обеим её берегам.

Такая интерпретация рисунков не вызывает никаких сомнений. На всех копиях «Годуновской карты» кроме собственно географических объектов обозначены ещё и границы расселения этнических групп, например «Калмыки», «Нагаи», «Башкирцы» и так далее. Эти границы обозначены специальным способом – на каждой копии своим, но единым в рамках каждой копии: «тонкая линия с горизонтальной штриховкой» (Кронман), «толстая линия с размывкой разными цветами» (Притц), «точечный жёлто-зелёный пунктир» (Пальмквист), «тонкая сплошная линия» (Ремезов-1697), «точечный чёрный пунктир» (Ремезов-1702).

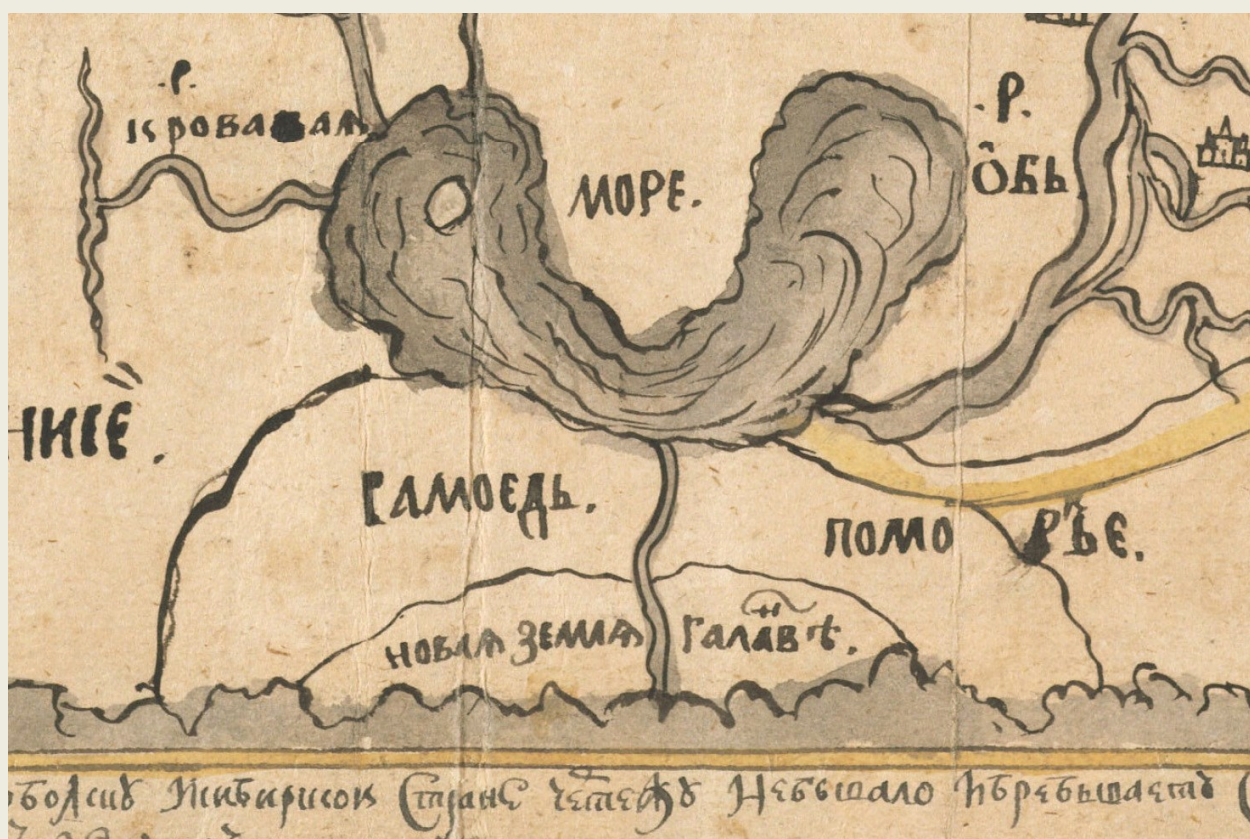
И в строгом соответствии с этим, в низовьях Оби сначала очерчена территория «Самоедов», а к северу от неё, у самого моря, показана ещё одна «этническая территория» – та самая «Новая Земля Галанцев». Понимайте как хотите.

[Илл. 03-06-03-2. Новая Земля на «копии Пальмквиста»]

[Илл. 03-06-03-3. Там же. Крупно]

[Илл. 03-06-05-2. Новая Земля на «копии Ремезова, 1697»]

[Илл. 03-06-04-2. Новая Земля на «копии Шлейссинга»]

Резюме. На «Годуновской карте» название «Новая Земля» есть, но так здесь обозначен не остров, а территория с особым этническим составом населения.

«Вторая карта» («Тобольская»): 1673

Вторую русскую карту, содержащую Новую Землю, иногда называют «Чертёж всей Сибири до Китайского царства и до Никанского». Но я буду называть её «Тобольской картой», поскольку именно так она обозначена в самой ранней сохранившейся её копии.

Автор карты неизвестен, точный год создания тоже. Является самостоятельным картографическим продуктом – в чём-то совпадающим с «Годуновской картой», в чём-то нет. Изготовлена, скорее всего, в рамках подготовки маршрута для отправки в Китай посольства Николая Спафария. Ориентировочный год создания 1673.

Оригинал не обнаружен, до нас дошли три копии, самая ранняя из которых была изготовлена зимой 1673 – весной 1674, то есть снята с оригинала по совсем свежим следам.

Чисто внешне «Вторая карта» отличается от «Годуновской» наличием глубокого залива в устье Амура, отсутствием Обской и Тазовской губы, наличием огромных Васюганских болот (меж Обью и Иртышом, не подписаны), значительно улучшенной детализацией рек (особенно к востоку от Енисея) и наличием мифического «Никанского царства» (хорошо датированного исторического курьёза, существовавшего лишь на бумаге и появившегося в результате ошибки переводчика в 1653). И самое главное – на «Второй карте» мы видим Новую Землю уже именно как остров (или даже отдельный континент).

Вот все три имеющиеся у человечества копии «Тобольской карты»:

1. «Копия Пальмквиста, 1673» из его «Альбома», лист 35 (Национальный архив Швеции). Надписана так: «Coipa aff den Charta öf river Syberien dos Tobolskÿ» («Копия Карты рек Сибири из Тобольска»). Как и в случае копии, снятой Пальмквистом с «Годуновской карты», его копия «Тобольской карты» является лучшей из имеющихся. Но есть и небольшой конфуз – Пальмквист забыл обвести контур Байкала, хотя соответствующая подпись и наличествует.

2. «Копия Спарвенфельда, 1686» (Библиотека Уппсальского университета, Швеция). Снята Габриэлем Спарвенфельдом (Gabriel Sparwenfeld) в Москве. В целом похожа на «копию Пальмквиста», но ориентирована «Севером вверх». Пояснительная надпись гласит: «Tschertesth novaja, Zemli // Zibirskoia» («Чертёж новый, земли Сибирской»). Особенности: Васюганские болота показаны как озеро, усеянное множеством островов (у Пальмквиста просто озеро); никакого «Никанского царства» нет и в помине (у Пальмквиста ещё есть, но к 1686 наваждение уже рассеялось); между Новой Землёй и материком имеется остров Вайгач (не подписан).

3. «Копия Климшина» (Военно-Исторический архив, Москва. РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 20220). Копия снята предположительно Леонтием Климшиным в Разрядном приказе в первой половине 1670-х. Выполнена в старо-русском духе, реки изображены толстыми волнообразными змейками, зелёным цветом. Новой Земли на этой копии нет, так что для нашей темы она интереса не представляет.

И снова смотрим.

[Илл. 03-07-01-1. «Копия Пальмквиста, 1673», снятая им с «Тобольской карты» (другое название «Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никанского»). Riksarkivet, SE.RA.81001.0636:00001, лист 35. Ориентация «Север внизу»]

[Илл. 03-07-01-2. Там же. Фрагмент.]

[Илл. 03-07-02-1. «Копия Спарвенфельда, 1686», фрагмент. Uppsala universitetsbibliotek, bildsök-id 12022. Ориентация «Север вверх»]

Резюме. С 1673 Новая Земля на рассмотренных русских картах стала, наконец, островом.

Третья карта: 1678

О происхождении третьей русской карты, содержащей Новую Землю (1678), можно было бы написать целую книгу. Что я, возможно, когда-нибудь и сделаю. А пока посмотрим тот её фрагмент, который показывает собственно Новую Землю:

[Илл. 03-08-01-1. «Третья карта», фрагмент. 1678. Houghton Library, Harvard, MS Russ 71-2]

[Илл. 03-08-01-2. Там же]

Ремезов, 1684 – 1702

Я уже упоминал Семёна Ремезова в связи с двумя русскими копиями «Годуновской карты». Теперь время рассказать о его собственных работах.

В отличие от Петра Годунова, Семён Ремезов – именно что картограф. Он создал три великолепные географические атласа с картами Сибири (и не только): «Служебная чертёжная книга» (1701 условно), «Херографическая чертёжная книга» (датировка размыта – 1700-1720), и – самая известная – «Чертёжная книга Сибири» (1701).

«Чертёжная книга...» – это основной ремезовский проект. «Служебная книга...» – это подготовительные материалы, не вошедшие (а частично и вошедшие) в основной проект. «Херографическая книга...» – большой и детальный атлас сибирских рек в крупном масштабе; востребованным, похоже, он так и не был.

Вопрос о датировке отдельных карт, входящих в эти три атласа, достаточно тонкий. Попробую немного его утолщить – по крайней мере в части, относящейся к области наших интересов.

Чисто формально, первые два атласа датированы их автором 1701 годом («Чертёжная...», л. 2; «Служебная...», л. 1). Однако даты создания отдельных листов не соответствуют этой цифре, причём в обе стороны. В атласах встречаются как более ранние, так и более поздние даты (вплоть до 1716 года).

Впрочем, о происхождении своих карт Ремезов сообщает достаточно определённо. В Тобольске, начиная с 1667 года и на протяжении 30 лет разными авторами создавались разные карты отдельных областей Сибири. Потом, в 1697-98 годах они все были переданы в Москву, в Сибирский Приказ. После чего Ремезов как минимум дважды приезжал в Москву сам (в 1698 и в 1701 годах) и здесь, на основании свезённых сюда тобольских карт, вычерчивал уже свои собственные, итоговые.

Писан [один из ремезовских «чертежей»] на Москве в Сибирском Приказе со всех городских чертежей в 1698 году.

(«Чертёжная книга», л. 21)

В лето 1701 генваря в 1 день, в бытности в Москве <...> Семену Ремезову <...> дано в Сибирском Приказе списать с привозных 23-х городских сибирских картин, каковы привезены в 1698 и в 1697 годах к Москве в разных числах.

(«Служебная книга», л. 1)

Со 1667 и по нынешний 1701 год <...> многие чертежи в Тоболску <...> налично писаны быша: во 1667, 1669, 1684, 1685, 1686, 1687, 1689 и в 1695, 1696, 1697, 1698, 1699. И в нынешнем 1701 <...> сия Чертежная книга совершился, яко зеркало зрящим.

(«Служебная книга», л. 115 об.)

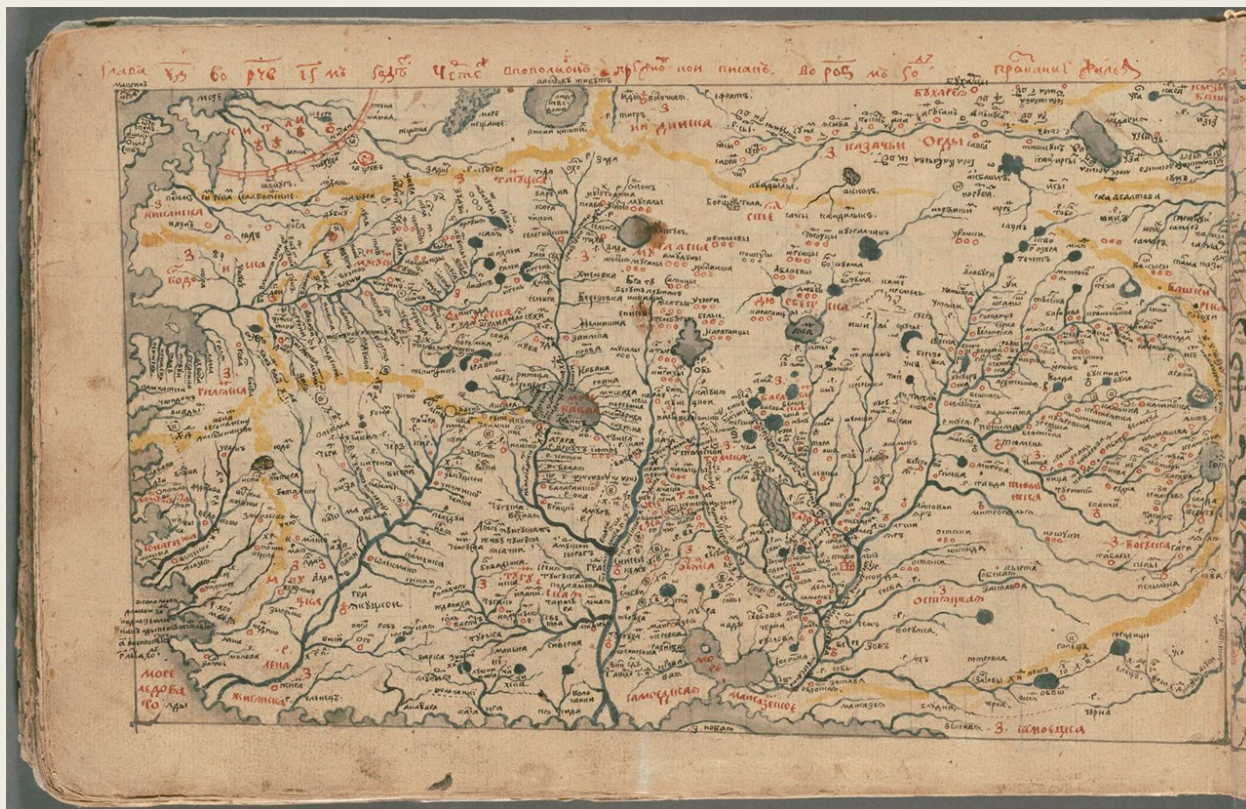
Нас, понятно, интересуют те ремезовские карты, на которых хоть в каком-то качестве присутствует Новая Земля. Таких карт (не считая двух уже упомянутых копий «Годуновской карты») у Ремезова имеется три – одна «до-петровская» (1684) и две «ранне-петровских» (1697 и 1702).

1) «Херографическая книга», л. 162v. Дата: 1684. Надпись: «3. Новая». Север снизу.

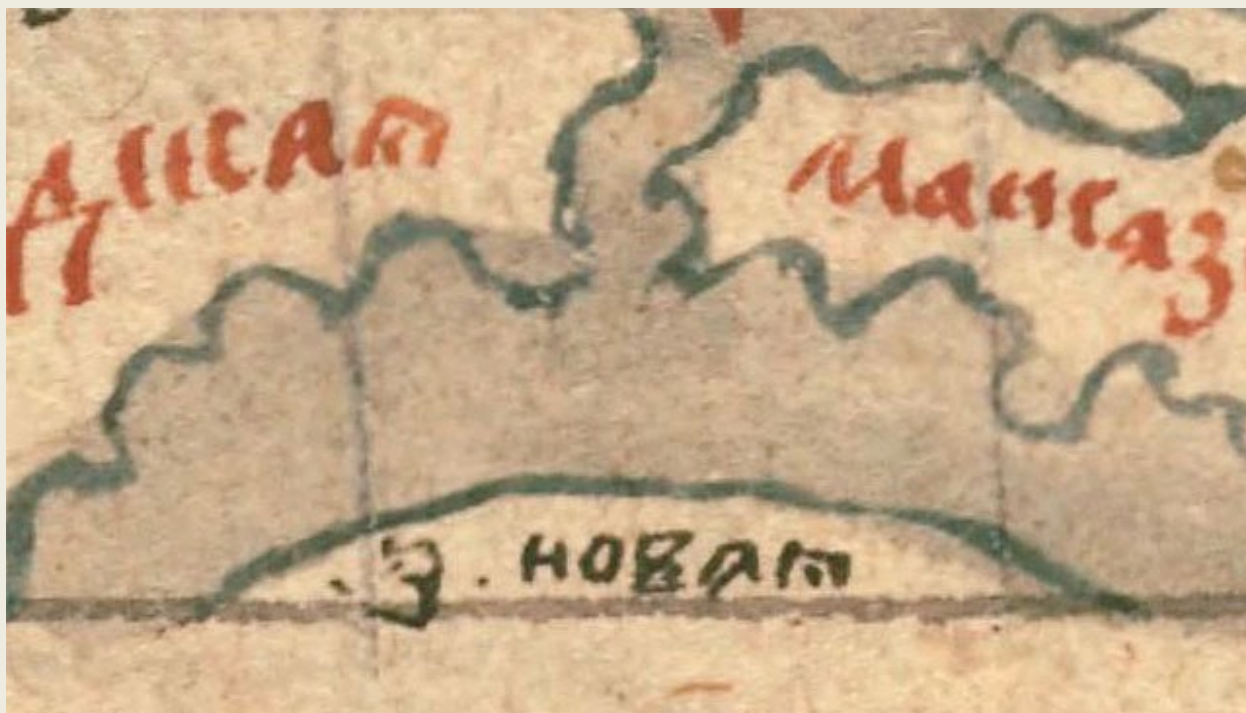
Легенды у карты нет, но по верху листа идёт надпись красными чернилами:

Глава 64. Во 1684 и 5-м годах чертеж вполнеонъ с прежнего кои писанъ во 1667-мъ году.

Имеется ввиду, что при составлении данного чертежа в 1684 году (7192) в качестве грубой основы бралась «Годуновская карта» 1667 года (7176), пополненная затем данными, полученными за прошедшее с того момента время.

[Илл. 03-09-01-1. «Херографическая книга» Ремезова, л. 162v.]

[Илл. 03-09-01-2. Там же. Фрагмент. «З. Новая».]

2) «Чертёжная книга», л. 21: «Чертёж всех сибирских городов и земель». Дата: 1698. Надпись: «Земля Новая». Север снизу.

Впервые на русской карте Новая Земля изображена более-менее полностью – по крайней мере видно, что это, скорее всего, остров. Дата указана на «легенде», на предыдущем листе:

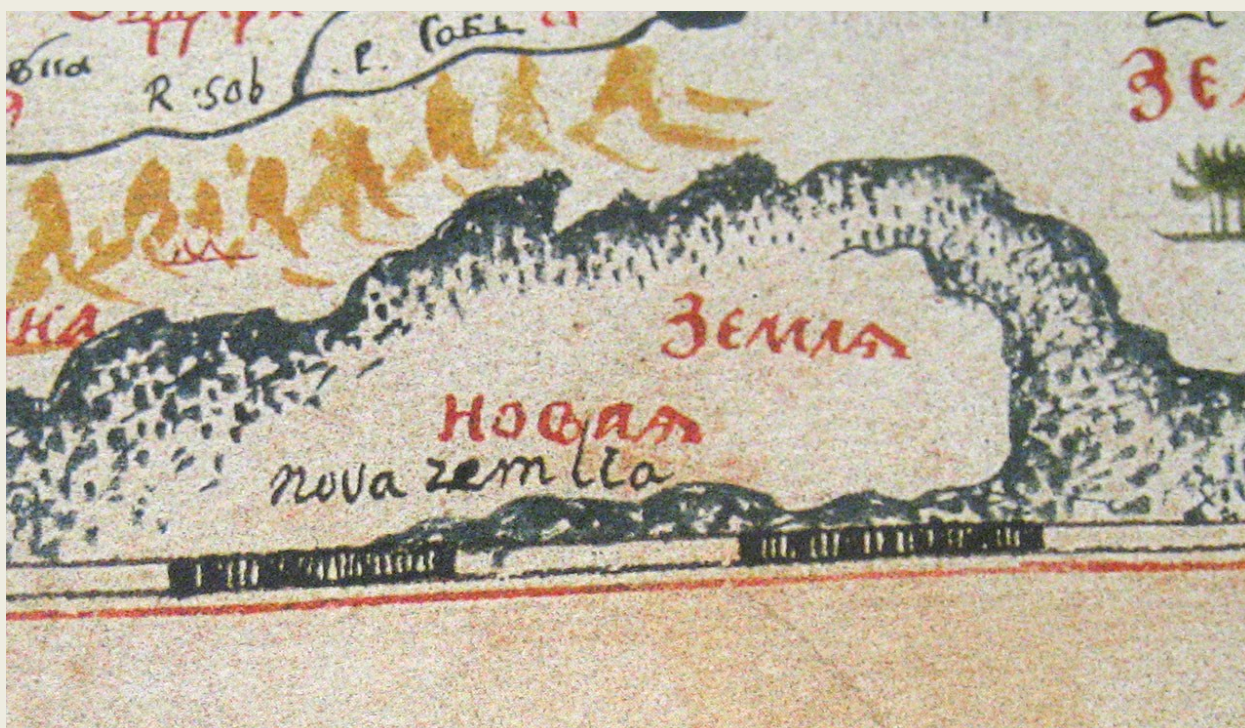
Чертёж <...> писан на Москве <...> в 1698 году сентября в 16

[Илл. 03-09-02-1. «Чертёжная книга» Ремезова. Легенда карты на л. 21.]

[Илл. 03-09-03-1. Там же, л. 21.]

[Илл. 03-09-03-2. Там же. Фрагмент. «Земля Новая (Nova Zembla)».]

В той же «Херографической книге» имеется другая версия вышеприведённой карты (л. 23) – «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири Тобольского города и

всех розных городов и жилищъ и степи». Дата: неизвестна, предположительно 1698. Надпись: «Новая Земля Галанецъ».

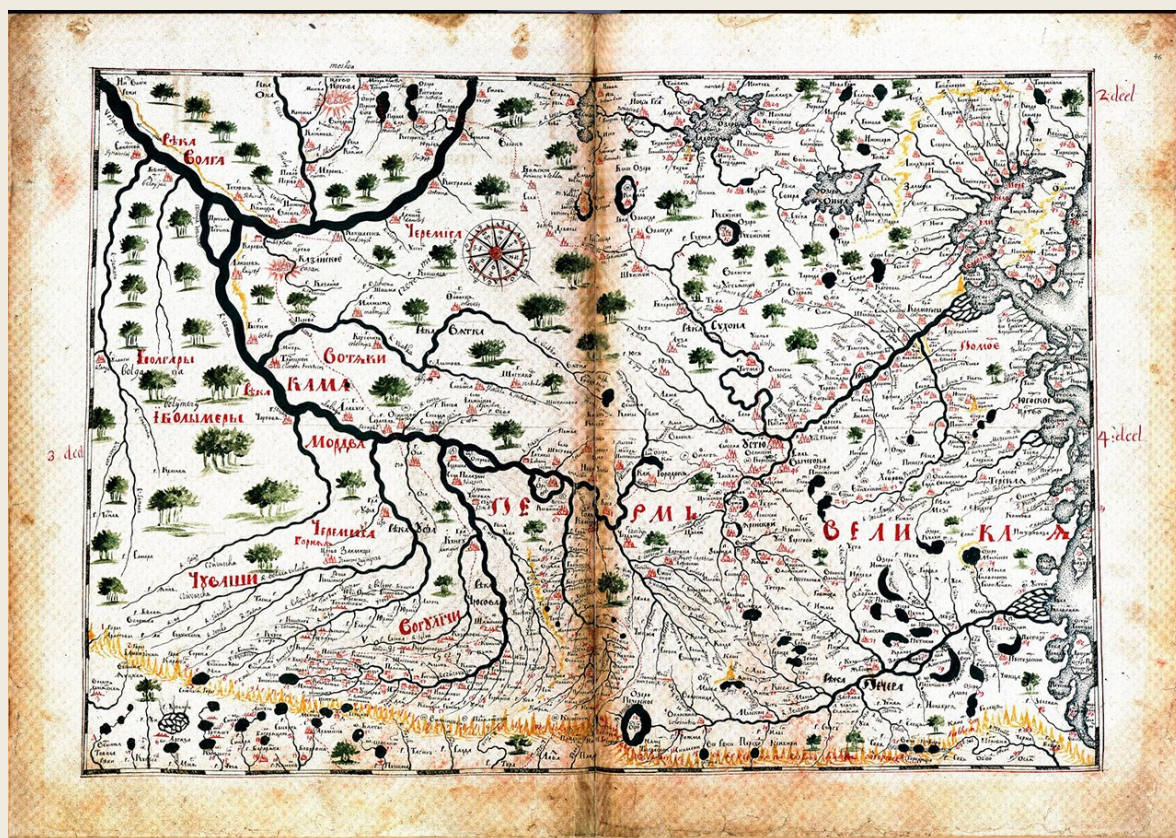

[Илл. 03-09-04-1. Там же, л. 23.]

[Илл. 03-09-04-2. Там же. Фрагмент. «Новая Земля Галанецъ».]

3) «Чертёжная книга», л. 22: «Чертёж внов Великопермские и Поморье Печерские и Двинские страны до Соловецкие проливы со секретными жилищи». Дата: неизвестна, предположительно 1698. Надпись: «Нова Земля Галанец». Север справа.

[Илл. 03-09-05-1. Там же, л. 22.]

[Илл. 03-09-05-2. Там же. Фрагмент. «Новая Земля Галанец».]

Вообще, «чертежи» Ремезова сделаны мастеровито, хорошо детализированы и выглядят стильно – это такое картографическое «нарышкинское барокко». Коим они, собственно, и являются.

Виниус, 1710

Данная карта уже несколько выходит за рамки понятия «ранне-петровских», но поскольку её копия приведена в «Служебной чертёжной книге» всё того же Ремезова (л. 32), то заодно посмотрим и её. Название фигурирует такое: «Чертёж Андрея Андреевича Виниуса, избрано. Лист 30». Дата: предположительно 1710. Надпись: «Новая Земля».

Новая Земля присутствует на этой карте как остров, у которого обозначены лишь южный и часть западного берега. Всё остальное дано на откуп фантазии читателя.

Датировать этот лист можно достаточно уверенно, поскольку в этой же тетради сразу за картой идут данные переписи населения Тобольска 1710 года.

[Илл. 03-10-01-1. «Служебная Чертёжная книга» Ремезова, «Чертёж Виниуса», л. 32]

[Илл. 03-10-01-2. Там же. Фрагмент. «Новая Земля».]

Вот, все случаи появления острова Новая Земля на русских картах до начала XVIII века.

Есть, правда, ещё одна карта в «Служебной Чертёжной книге» Ремезова, на которой нанесена Новая Земля («Лист 72»), но она не имеет никакого отношения к собственно русской картографии. Это – всего-навсего русифицированная копия карты «Tartaria sive Magni Chami Imperium», впервые опубликованной в Атласе Блау в 1635 и после этого бесконечное количество раз перепечатававшейся как в составе Атласа, так и отдельно. Её смотреть не будем.

Вот теперь точно всё.

Козмография: 1704

Данный картографический артефакт весьма специфический. Так что лучше здесь зайти чуть издали.

В 1660-е годы на российских информационных просторах появился новый игрок – объёмистая географическая компиляция под названием «Книга глаголемая Козмография».

Наиболее известный представитель этого класса книг – «Козмография 1670 года», изготовленная в Холмогорах, соответственно в 1670 году. В 1881 было осуществлено научное издание этой рукописи. Сам оригинал ещё в 1970-х годах числился в «Синодальном собрании» Государственного исторического музея («Син. 127», согласно списку Протасьевой), однако на настоящий момент его следы как-то немало затерялись. Но не суть.

«Книга, глаголемая Козмография» состояла из двух частей, причём совершенно не совместимых друг с другом.

Вторая часть («Полная 76-главная Козмография») представляла собой просто перевод текстов из Атласа Меркатора 1595 года, несколько сдобренного сторонними источниками, а также дополненного оригинальной главой о России (написанной, что называется, от души):

И во всей Европии подобны тоя земли несть. Человецы брадами и платьем и возрастом, и светлостию плоти изрядны. И к войне тщательны... и т.д. и т.п.

(«Козмография 1670», «Краткая...», раздел «Европия», параграф 12)

В целом эта часть являлась хоть и сильно устаревшим на тот момент, но вполне добротным научным описанием стран и континентов.

Первая же часть («Краткая Козмография»), также предлагавшая читателю описание всего мира, отставала в своих представлениях лет уже эдак на 500. Эти представления можно аккуратно назвать «архаичными». «Червь, рождающий золото», «острова василисков», «рахманы дикие» – вот типичные структурные элементы этого мира. Читать всё это даже интересно, но планировать свои путешествия, ориентируясь на такой источник, я бы не стал.

При том, что «Книга глаголемая Козмография» целиком посвящена географическому описанию мира – она не содержит ни единой карты. Это чисто текст.

Что достаточно удивительно, если вспомнить, что сам первоисточник – Атлас Меркатора – создавался именно, как собрание карт. Но поскольку карты печатались там в разворот листа, то технологически оставались пустыми одна страница до этого разворота, и одна после. И чтобы место зря не пропадало, эти две страницы заполняли текстом, играющим вспомогательную роль. Такова была логика формирования контента Атласа Меркатора.

И вот в «Козмографии» текстовую часть (вспомогательную) перевели и опубликовали, а сами карты (ради которых Атлас и создавался) – выбросили.

В «Козмографии 1670» упоминаний Новой Земли нет – ни в «Полной» ни в «Краткой» части этой книги. Точнее, сами-то слова «Новая Земля» есть, но так здесь называется Америка.

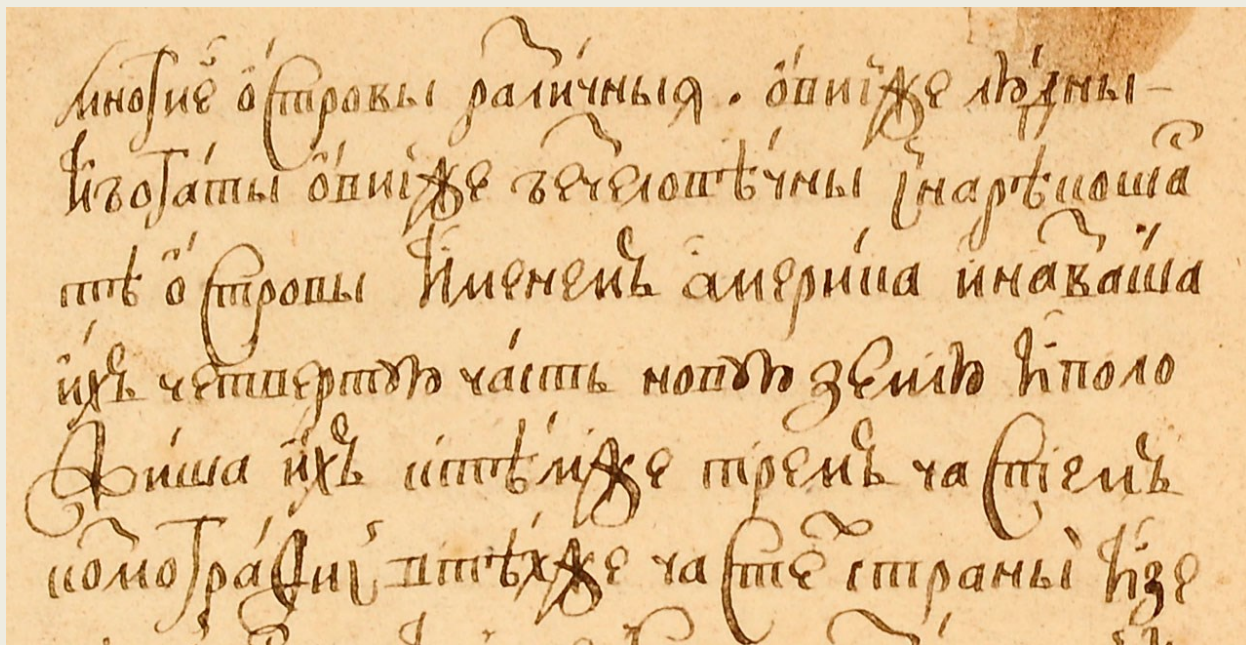
Земля Новая, остров Америка на западе, велик в долготу и в широту, что такова ж острова несть пространнее. (с. 26)

(«Козмография 1670», «Краткая...», раздел «Четвёртая часть света», параграф 1)

В несколько более поздней рукописи «Козмографии» (начало XVIII века) это выглядит так:

И нарекоша те острова именем Америка и назваша их четвертую часть Новую Землю и положиша их к тем же трем частем Козмографии...

(«Книга глаголемая Козмография» в 67 частях, начало XVIII в., ОР РГБ, ф. 37 «Большакова», док. 300, л. 6v)

[Илл. 03-11-01-1. «Книга глаголемая Козмография», начало XVIII. РГБ, ф. 37, док. 300, л. 6v.]

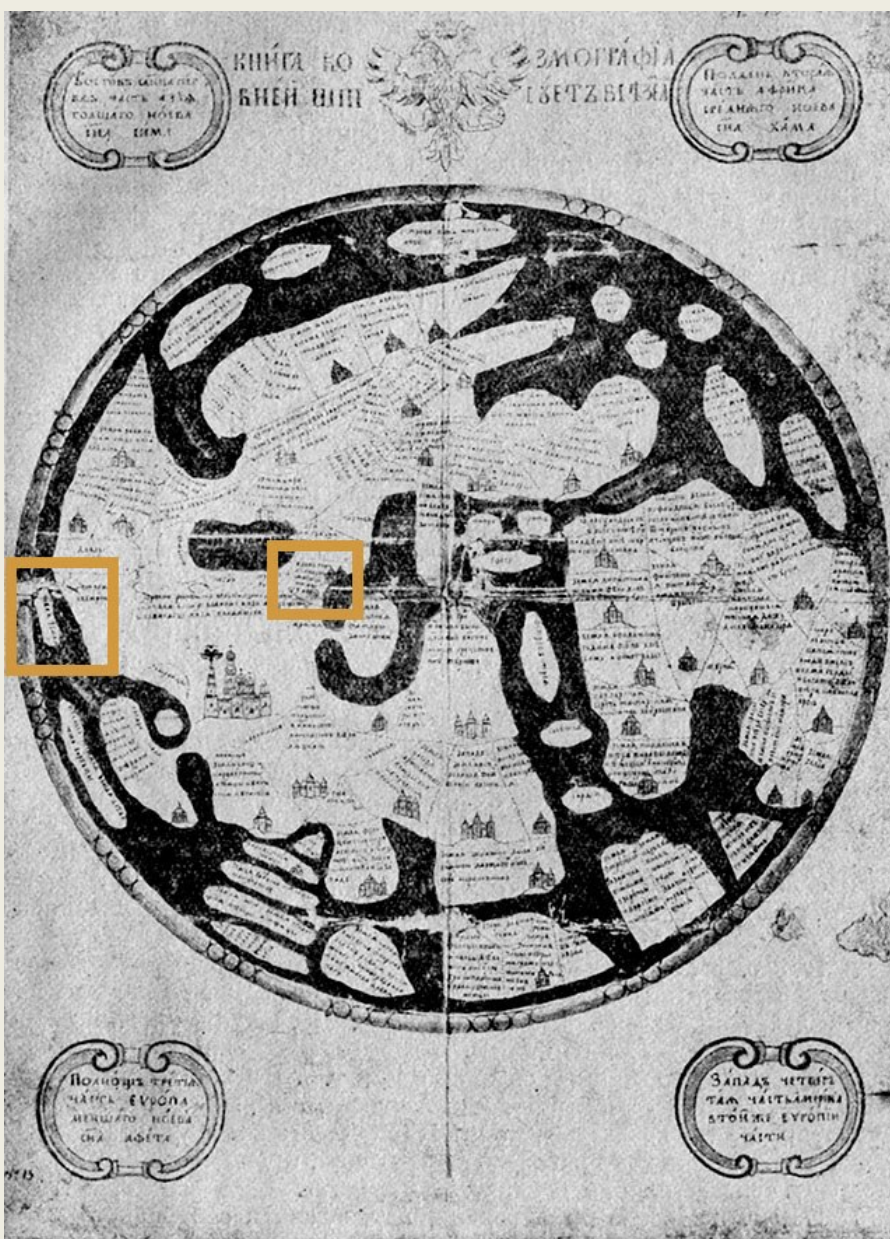
Но если в «Козмографии 1670» нет ни карт, ни Новой Земли – то зачем тогда я вообще рассказываю о ней? А вот зачем.

Век книжного жанра под названием «Книга глаголемая Козмография» был недолог. Уже в момент своего появления «Козмография» даже во второй своей части отставала от географической науки лет на 70. О первой части, понятно, и говорить нечего. А потому уже к началу XVIII века этот тип сочинений полностью утратил актуальность. Однако, он удивительным образом породил яркое издательское явление, просуществовавшее чуть не до начала XX века.

В районе 1700-х годов родился новый издательский продукт, род лубка, на который неожиданно обнаружился устойчивый ярмарочный спрос. Этот «продукт» представлял собой лубочную «карту мира» (конечно, в кавычках), которая присвоила себе затухающий бренд и сама стала называться «Книга глаголемая Козмография». И это при том, что это была никакая не «книга», а одиночная карта. Чтобы избежать путаницы, карту эту я буду в дальнейшем именовать «КГК». Именно о такой карте сейчас и пойдёт речь.

Мир, изображавшийся на картах «КГК» во многом совпадал с тем, что был описан в тексте «Краткой Козмографии», и более того – в целом соответствовал ему по уровню архаичности. Однако на этих картах появляются и новые живые детали.

Самая ранняя известная мне карта «КГК» хранится в Архиве Древних Актов (РГА-ДА, ф. 9 «Кабинет Петра Великого», оп. 2, книга 66, док.13). В целом она в неплохом состоянии.

[Илл. 03-11-02-1. Карта «Книга глаголемая Козмография». РГАДА, ф. 9 «Кабинет Петра Великого», оп. 2, книга 66, док.13.]

Поскольку датировка этой карты для нас принципиальна, то остановлюсь на ней подробнее.

Нижняя граница диапазона датировки устанавливается достаточно уверенно. Поскольку мир на этой карте дан очень крупными мазками (например, вся северная Азия представлена всего четырьмя областями: «Страна Сибирская», «Дауры», «Царство Никанское» и «Царство Китайское»), то избыточная детализация каких-либо второстепенных регионов говорит об их временной высокой актуальности именно в период составления карты.

К такой «избыточной детализации» я отношу наличие на карте «КГК» города Азов с чёткой привязкой его к Москве:

Азовъ городъ в расстоянии от Москвы 1400 верст

[Илл. 03-11-03-1. Там же. Фрагмент. Город Азов.]

На основании этого я полагаю, что карта была создана уже после Азовских походов Петра, причём скорее даже после второго из них, успешного (1696).

Верхняя граница датировки просматривается менее чётко. Здесь я исходил из того, что автор любой карты, сколь бы дремуч он ни был в географии, не может не знать столицы своего собственного государства. Так вот, поскольку на карте в качестве столицы фигурирует всё ещё Москва, то скорее всего карта была составлена до 1712 года (перенос столицы в Петербург).

[Илл. 03-11-03-2. Там же. Фрагмент. Москва.]

Таким образом, данная карта «КГК» с высокой вероятностью была создана между 1696 и 1712 годами. Для определённости, возьмём точную середину этого диапазона, 1704 год.

А теперь – зачем нам эта карта вообще нужна. Очень просто – на ней впервые в русской картографии Новая Земля изображена в более-менее реальных пропорциях (длинный вытянутый остров). Вот так:

[Илл. 03-11-03-3. Там же. Фрагмент. «Новая Земля», «Окиян Море».]

[Илл. 03-11-03-4. Там же. Фрагмент. «Новая Земля».]

На этом можно и закончить. Единственно, хочу показать ещё одну версию карты «КГК». Её возможная датировка примерно совпадает с ранее рассмотренной картой (по тем же признакам).

Происхождение данной карты мне неизвестно. В части, касающейся Российского царства, она явно сознательно затёрта. Но всё равно проступают три города: Москва, Новгород и Архангельск. Выхода к Балтийскому морю ещё определённо нет (на предыдущей карте этот момент не акцентирован). Имеется одновременно и «Золотая Орда» (исчезнувшая около 1500), и «Никанское царство» (хорошо датированный исторический курьёз, существовавший лишь на бумаге и возникший в результате ошибки переводчика только в 1653 году; в общественное сознание Никанское царство вошло после Нерчинского договора, 1689). Форма Новой Земли здесь ещё в большей степени «похожа на настоящую».

Если это не фальсификация, то карта весьма любопытна. Так что взглянем:

[Илл. 03-11-04-1. Карта «Книга глаголемая Козмография», неизвестного происхождения.]

[Илл. 03-11-04-2. Там же. Фрагмент. «3. Новая».]

Итак. В ранней российской картографии Новая Земля отмечена следующими вехами:

- 1667: упоминание на карте, но без отображения самого острова («Годуновская карта» из «Альбома Пальмквиста», л. 40);
- 1673 (не позднее): отображена небольшая часть острова («Копия Тобольской карты Сибири», из «Альбома Пальмквиста, л. 35»)
- 1698: остров отображён уже почти наполовину («Чертёжная книги Сибири» Ремезова, л. 21)
- 1704 (условно): остров отображён в более-менее реальных пропорциях (возможно случайно, лубочная карта «Книга глаголемая Козмография»).